

Тана Френч

18+

Тень за спиной

роман

Френч — самый важный детективщик, появившийся за последние 10 лет.

THE WASHINGTON POST

Тана Френч

Тень за спиной

Серия «Дублинский отдел убийств»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42938466

Тень за спиной. Роман. – Тана Френч. Пер. с англ.: Фантом Пресс;

Москва; 2019

ISBN 978-5-86471-821-6

Аннотация

Антуанетта Конвей и Стивен Моран, блестяще раскрывшие убийство в романе «Тайное место», теперь официальные напарники. В отделе убийств их держат в черном теле, поручают лишь заурядные случаи бытового насилия да бумажную волокиту. Но однажды их отправляют на банальный, на первый взгляд, вызов – убита женщина, и все, казалось бы, очевидно: малоинтересная ссора любовников, закончившаяся случайной трагедией. Однако осмотр места преступления выявляет достаточно странностей. И чем дальше, тем все запутаннее. Жизнь жертвы, обычной с виду девушки, скрывала массу тайн и неожиданностей. Новое расследование выливается в настоящую паранойю – Антуанетта уверена, что это дело станет роковым для нее самой, что ее хотят подставить, избавиться, и это в лучшем случае. Вести дело приходится с постоянной оглядкой – не подслушивает ли кто, не подглядывает. Напарники не

сомневаются, что заурядная «бытовуха» выведет их на серьезный заговор, но не знают, что затейливые версии, которые они строят, заведут еще дальше – туда, где каждое слово может оказаться обманом, а каждая ложь – правдой.

Содержание

Пролог	6
1	9
2	64
3	118
4	153
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Тана Френч
Тень за спиной
Роман

Tana French

The Trespasser

Copyright © Tana French 2016

© Виктор Голод, Игорь Алюков, перевод, 2019

© Андрей Бондаренко, оформление, 2019

© «Фантом Пресс», издание, 2019

Посвящается Уне

Пролог

Моя ма любила рассказывать всякие байки про папашу. Сначала он был принцем с берегов далекого Нила. Принц очень хотел жениться на ней и в Ирландии навеки поселиться, да только его семья взбунтовалась, заставила вернуться домой и женила на какой-то арабской принцессе. Ма умела закрутить интригу. На изящных пальцах сияют аметисты, принц кружит ее в танце под цветные всполохи, а пахнет он хвоей и пряностями. Взмокшая, я лежу под одеялом – дело происходит зимой, но батареи шпарят всюю, а окна в квартире не открываются – и впитываю эту историю, пряча ее как можно глубже. Я еще совсем маленькая. Эта небылица позволила мне годами задирать нос, пока в восемь лет я не поведала историю своей лучшей подруге Лизе, и ее идиотский хохот разбил легенду вдребезги.

А спустя несколько месяцев, после того как все во мне перестало гореть огнем, я объявилась на кухне, руки в боки, и потребовала правды. Ма и глазом не моргнула – выдавила на губку еще немножко «Фейри» и сообщила, что он был студентом-медиком из Саудовской Аравии. Она познакомилась с ним, когда училась на курсах медсестер. Этот сюжетец тоже был насыщен волнующими деталями. Тут тебе и тяжелые ночные смены, и усталый смех, и сбитый машиной в темной подворотне ребенок, которого они спасли. А когда она по-

няла, что кроме того ребенка у нее будет еще и свой, было уже поздно. Папаша убыл на свой Аравийский полуостров, не оставив, разумеется, обратного адреса. Она бросила свой медицинский колледж и обзавелась мной.

Эта мыльная опера тоже продержалась у меня в голове некоторое время. Она мне даже нравилась, втайне я планировала стать первым доктором среди выпускников нашей школы – медицина же у меня в крови. Это продолжалось до тех пор, пока в двенадцать лет меня за какую-то провинность не оставили после уроков. Тут-то я и получила головомойку от ма, и, между прочим, она выпалила, что ей бы очень не хотелось, чтобы я прожила свою жизнь без аттестата. Потому что тогда мне, как и ей, не останется ничего другого, как за гроши убирать чужие квартиры до конца жизни. Все эти нотации я уже слышала раз двести, но только тут до меня дошло, что для того, чтобы поступить учиться на медсестру, аттестат все же необходим.

В день своего тринадцатилетия, сидя перед тортом, я объявила, что вся эта мутотень мне надоела и я желаю услышать правду. Ма вздохнула и сказала, что я уже достаточно взрослая, чтобы знать все как есть, и сообщила, что он был гитаристом из Бразилии, она путалась с ним пару месяцев, пока однажды он не избил ее до полусмерти. После этого он уснул, а она схватила ключи от его машины и понеслась домой как ополоумевшая летучая мышь – по темным дорогам, залитым дождем, с дергающимся в ритме дворников глазом. Когда он

позвонил с извинениями, весь в соплях и слезах, она, может, и приняла бы его назад, ей ведь едва сравнялось двадцать. Но к тому моменту она уже знала про меня. Поэтому просто повесила трубку.

В тот день я и решила, что стану полицейским. Не потому что я хотела стать Женщиной-кошкой и наказать всех злодеев на свете, а потому что моя ма не умеет водить машину. Я знала, что полицейский колледж находится где-то в глуши. Это был самый быстрый способ свалить от ма и избежать бесконечного штопора уборки в чужих квартирах.

В моем свидетельстве о рождении вместо имени отца стоит прочерк, но у меня свои методы. Есть старые друзья, есть базы ДНК. А еще я всегда могу надавить на ма. И я собираюсь давить на нее, пока не вырву что-то, хоть отдаленно напоминающее правду. Нечто, что можно принять за рабочую гипотезу.

Больше я никогда не возвращалась к этой теме. В тринадцать – потому что ненавидела ее за то, что она мне всю жизнь исковеркала своими дрянными рассказами. А когда повзрослела и начала учиться в полицейской школе – потому что поняла, какую цель она преследовала, и поняла, что все ма делала правильно.

Мы получили это дело стылым январским утром, когда кажется, что солнце ни за что уже не выползет из-за горизонта. Мы с напарником заканчивали ночную смену – из тех, от которых, как я надеялась, навсегда избавлюсь, перейдя в отдел убийств, – неизбывно тоскливую, предельно бессмысленную, сплошь сводившуюся к писанине. Два подонка решили завершить свой субботний вечер танцами, используя голову третьего подонка в качестве танцпола. Причины этого решения они не могли объяснить никому, даже себе. Мы отыскали шесть свидетелей. Каждый из них был пьян в со-сиску, каждый рассказывал историю, сильно отличавшуюся от остальных пяти, и каждый считал, что нам необходимо выкинуть из головы это никому не интересное убийство и срочно заняться расследованием по-настоящему серьезных правонарушений. Например, почему его выкинули из паба, какого хрена ему впарили некачественную травку или с чего это подружка решила его бросить. Когда свидетель номер шесть велел мне выяснить, почему его куколка «походу, свалила», я уже почти ответила: потому что такого кретина и гуманоидом-то не назовешь – и собралась выгнать этих шестерых говнюков на мороз, но, по счастью, у моего напарника куда больше терпения, чем у меня. Это, помимо прочего, и объясняет, почему мы работаем вместе. В конце концов нам

удалось вытянуть из четырех придурков показания, которые соответствовали бы не только друг другу, но еще и уликам с места преступления. Теперь одного из подонков ждало обвинение в убийстве, а другого – в нанесении тяжких телесных повреждений. А это значит, что в каком-то смысле добро снова восторжествовало. Правда, в каком именно смысле, я понятия не имею.

Мы завели на подонков уголовное дело и уселись печатать протоколы допросов и свидетельских показаний, чтобы к утру они лежали на столе у шефа. Стив сидел напротив и что-то насвистывал. Обычно, когда я слышу такое, меня так и подмывает учинить свистуну телесные повреждения средней тяжести, но Стив насвистывает что-то очень верное – старое, полузабытое, из детства. И чуть отстраненно, приглушенно. Свист прерывается, когда у него что-то не ладится с протоколом, и возобновляется, с трелями и переливами, когда писанина возвращается в правильную колею.

Стив, жужжание компьютеров и зимний ветер за окнами. Пустота и тишина. Отдел убийств расположен в Дублинском замке. Прямо в центре города, но чуть в стороне от туристических маршрутов и модных местечек. В нашем здании стены очень толстые. Даже шум утренней движухи с Дам-стрит доносится только мягким, неясным гулом. Стопки отпечатанных протоколов на столах вперемешку с фотографиями и накорябанными записками выглядят так, будто это полностью заряженные гаджеты, которые в любой момент могут

быть приведены в действие. За окнами темнота постепенно сменяется предрассветной мглой. В комнате пахнет кофе и горячими батареями. В такие минуты, когда ночная смена катится к концу, мне здесь даже нравится.

Мы со Стивом знаем все формальные причины, по которым нас суют в ночные смены. Мы одиночки – жены, дети и мужья не ждут нас дома. Мы самые молодые в отделе. Мы можем переносить утомление лучше старперов, которым вот-вот на пенсию. Мы в отделе считаемся зелеными новичками. Даже я. Служишь всего два года? Ну и жри полной ложкой. Вот мы и жрем. Это тебе не полицейский участок. Там, если твой начальник козел, ты всегда можешь подать рапорт на перевод. Другого отдела убийств не существует. Он единственный. Если ты хочешь здесь служить, так получи все, что к тебе прилетает. Мы оба хотим.

Некоторые работают в Убийствах еще с тех пор, когда я даже не подозревала о существовании отдела; они проводят свои дни в опасных, как лезвие ножа, интеллектуальных сражениях с гениями-психопатами, точно зная, что лишь шаг отделяет победу от еще одного неопознанного трупа. Но мы со Стивом можем только смотреть на этих психопатов, когда их ведут мимо комнаты для дознаний, где мы в очередной раз пытаемся расколоть какого-нибудь Супруга года из нескончаемой череды домашних насильников, которых с готовностью подсовывает нам шеф – просто чтобы довести меня до белого каления. Мудаки, устроившие танцы на голо-

ве, – скорее, приятное исключение.

Стив нажал «печать» и под шуршание принтера спросил:

– Ты закончила?

– Почти.

Я пробежала глазами рапорт, выискивая опечатки. Очень не хочется получить взбучку от шефа из-за пустяка.

Стив заложил руки за голову и потянулся так, что стул под ним жалобно закричал.

– Ну что, по пинте? Ранние заведения уже наверняка открылись.

– Ты что, издеваешься?

– Ну надо же отпраздновать.

Настроение у Стива, похоже, было получше, чем у меня. Подарив ему взгляд, который должен был изменить эту нездоровую ситуацию, я процедила:

– Отпраздновать что?

Он ухмыльнулся. Стиву тридцать три. Он на год старше меня, но выглядит значительно моложе. Эдакий симпатяга из колледжа. Худой, долговязый, рыжие волосы торчат во все стороны. И неумолимая жизнерадостность.

– Мы взяли их. Ты не заметила?

– Даже твоя бабушка справилась бы запросто.

– Возможно. И пошла бы выпить пинту потом.

– Она что, закладывала за воротник?

– Вообще из запоя не выходила. Я всего лишь пытаюсь соответствовать семейным стандартам.

Он вытащил листы из принтера и начал сортировать.

– Да ладно тебе. Пойдем.

– В другой раз.

Праздновать мне не хотелось. Хотелось пойти домой, переодеться, выйти на пробежку, сунуть что-нибудь в микроволновку, немного поразжижать мозги теликом, а потом завалиться спать. И тогда я буду готова к следующему раунду.

Дверь распахнулась, как от пинка, и в комнату заглянул наш суперинтендант О'Келли. По утрам он всегда так делает – чтобы убедиться, что никто не спит на посту. Обычно он приходит весь такой гладкий и розовый, после душа и хорошего завтрака. Зачес на лысине – залюбуешься. Я, конечно, не могу утверждать наверняка, но, по-моему, он это делает нарочно, чтобы подразнить бедняг, пропахших ночной смелой и несвежими пончиками из ближайшего магазина. А может, просто характер такой. Этим утром, однако, он выглядел слегка потрепанным. Мешки под глазами. На рубашке чайное пятно. Его вид хотя бы отчасти компенсировал мне еще одну ночь, проведенную в этой комнате.

– Моран, Конвей, – сказал он, подозрительно оглядывая нас, – есть что-нибудь интересное?

– Уличная драка, – ответила я. – Один пострадавший.

Все так ненавидят ночные смены не только из-за их разрушительного воздействия на личную жизнь, но еще и потому, что по ночам не происходит ничего интересного. Хитроумные убийства с запутанными историями и головокружи-

тельными мотивами могут, конечно, случиться и ночью, но известно о них станет только утром. Единственные убийства, которые происходят по ночам и о которых ночью же становится известно, совершаются пьяными мудаками, а единственный мотив пьяных мудаков сводится к тому, что они пьяные мудаки.

– Рапорт будет у вас на столе.

– Ну хорошо, что хоть чем-то занимались. Вы со всем там разобрались?

– Более-менее. Сегодня вечером подчистим все концы.

– Ладно, – сказал О’Келли. – Тогда можете заняться вот этим.

И он протянул нам листок с сообщением о вызове.

На минутку я, ну не дурочка ли, воспарила. Если вызов лег прямо шефу на стол, а не как обычно, через дежурного, попал к нам в комнату, значит, дело серьезное. Значит, речь о чем-то очень важном, или сложном, или деликатном, чего не поручишь просто следующему по списку. Здесь нужны подходящие люди. По одному хмыканью, раздавшемуся из комнаты шефа, парни выпрямляются за своими столами и начинают делать пометки в блокнотах. Один его знак, и мы со Стивом – наконец-то! – соскочим со скамейки вечных запасных и выйдем на поле, в большую игру.

Я сжала руку в кулак, преодолевая желание выхватить у него листок.

– Что это?

О'Келли фыркнул:

– Можешь притушить этот голодный блеск в глазах, Конвей. Я просто подхватил это по пути, чтобы Бернадетте не пришлось мотаться туда-сюда. Патрульные на месте преступления говорят, что выглядит это как бытовое насилие. Без вопросов. – Он бросил бумажку мне на стол. – Я ответил, что мы, конечно, очень благодарны за помощь следствию, но это вы им сообщите, что и как выглядит. Никогда ведь не угадаешь наперед. А вдруг вам повезет и это серийный убийца.

Просто подхватил по пути – да, как же. О'Келли принес этот листок, чтобы насладиться выражением моего лица. Я не шелохнулась.

– Сейчас придет дневная смена.

– А вы уже здесь. Если у тебя намечается бурное свидание, я бы советовал побыстрее все распутать.

– Но мы работаем над отчетами.

– Иисусе, Конвей! Мне не нужны рассказы Джеймса долбаного Джойса. Давай сюда, что там уже понаписала. И поторопись. Ехать-то в Стонибаттер, а эти козлы снова все перекопали рядом с пирсами.

Секунду спустя я нажала кнопку «печать». Стив, этот жополиз, уже обматывал шею шарфом.

Шеф покосился на график дежурств на доске.

– Нужно, чтобы в этом деле вас кто-то подстраховывал.

Я просто почувствовала, как Стив телепатировал мне: *Сохраняй спокойствие.*

– С бытовым преступлением мы и сами справимся. Занимаемся ими с утра до ночи.

– И кто-нибудь поопытнее научит вас заниматься ими с толком. Сколько времени вы распутывали ту историю с молодой румынкой? Пять недель? И это с двумя свидетелями, которые видели, как ее парень всадил в нее нож. А пока вы копались, пресса и эти, что за права человека, кричали про расизм и, мол, если бы речь шла об ирландской девушке, мы бы уже давно всех арестовали.

– Свидетели не хотели с нами разговаривать.

Взгляд Стива умолял: *Антуанетта, заткнись уже*. Но было поздно. Я подставилась. О'Келли только того и надо было.

– Вот именно. И если они и сегодня не захотят общаться с вами, мне нужен кто-то опытный, чтобы сумел их разговорить. – О'Келли постучал по доске: – Бреслин сейчас заступает. Возьмите его. Он хорошо умеет работать со свидетелями.

– Бреслин занят, – возразила я. – Наверняка у него есть дела поважнее, чем нянчиться с нами и разбазаривать свое драгоценное время.

– Это точно. Но он поедет с вами. Поэтому не разбазаривайте его драгоценное время.

Стив кивал головой, одновременно изо всех сил транслируя прямо мне в мозг: *Заткнись! Все могло быть гораздо хуже*. И он прав. Могло. Я не стала продолжать дискуссию.

Сказала вместо этого:

– Позвоню ему по дороге. – Взяла со стола листок и сунула в карман. – Встретимся с ним на месте.

– Уж будь добра, проследи, чтобы так и произошло. Бернадетта отправит туда судмедэксперта и техников, а я подкину пару практикантов в помощь. Надеюсь, чтобы раскрыть это дело, вам не понадобится вся королевская рать.

Подхватив из принтера мой отчет, О'Келли направился к двери.

– Да, и если не хотите, чтобы Бреслин обсмеял обоих, выпейте по пинте кофе. А то видок у вас...

Хотя почти рассвело, у Замка еще горели фонари. В городе наступало слабое подобие утра. Спасибо, хоть дождя нет. За рекой нас могут поджидать отпечатки обуви или окурки с ДНК. Но как же промозгло и холодно. Свет фонарей едва пробивается сквозь туман, а сырость заползает в тебя и заполняет всего, пока не почувствуешь, что твои кости холоднее, чем окружающий воздух. Ранние кафешки уже открылись. Воздух пах жарящимися сосисками и автобусными выхлопами.

– Хочешь кофе? – спросила я.

Стив лишь плотнее затянул шарф.

– Господи, нет. Чем быстрее мы туда доберемся...

Он не закончил, да и нужды не было. Чем быстрее мы окажемся на месте преступления, тем больше времени у нас будет до того, как там объявится папочкин любимчик и объ-

яснит нам, недоумкам, как все надо делать. Я даже себе не могла объяснить, что меня так раздражает, но то, что Стиву эта ситуация тоже не нравилась, почему-то слегка успокаивало. Ноги у нас обоих длинные, и ходим мы быстро. Вот на ходьбе мы и сосредоточились, устремившись к полицейской стоянке.

Конечно, мы могли взять мою машину или Стива, но этого делать не стоит. В иных районах жители очень не любят полицию, а тому, кто тронет мою «ауди ТТ», я поотрываю руки. В некоторых случаях, и ты никогда не знаешь заранее, в каких именно, приехать на место происшествия на своей машине все равно что продиктовать своре буйнопомешанных домашний адрес. И в один прекрасный день твоего кота поймают, привяжут к кирпичу, подожгут и швырнут тебе в окно.

Обычно за руль сажусь я. Вожу машину я гораздо лучше Стива и гораздо хуже него веду себя на пассажирском сиденье. А так нам обоим удастся сохранять спокойствие. И сегодня нам это нужно особенно. На стоянке я взяла ключи от замызганного «опель-кадетта». Стонибаттер находится в старой части Дублина. Проживает там рабочий люд, а также люд, не проработавший в своей жизни ни единого дня, и в придачу к ним кучка хипстеров и богемных персонажей. Эти понакупили там квартир во время последнего скачка цен на недвижимость – это ведь очаровательный пяточок доброго старого Дублина. Другими словами, потому что в местах по-

лучше они не могли себе позволить купить квартиру. Иногда тебе нужна машина, вслед которой люди будут оборачиваться. Сегодня явно не тот случай.

– Господи, – сказала я, выруливая со стоянки и включая обогреватель. – Я же не могу позвонить Бреслину! Мне же машину вести надо.

Стив ухмыльнулся:

– Вот ведь черт. А мне как раз нужно вчитаться в протокол происшествия. Нельзя же прибыть на место преступления, не имея представления, что там произошло.

Я проскочила на желтый, вытащила из кармана листок и сунула ему:

– Давай! Может, там есть что-то интересное.

Стив принялся бубнить.

Звонок поступил в полицейский участок Стонибаттера в 05:06. Звонивший мужчина не представился. Номер не определился. Значит, не профессионал. Думает, что это ему поможет. Мы выясним номер за несколько часов. Сказал, что на Викинг-Гарденз, в доме 26, ранена женщина. Дежурный спросил, какого рода ранение. Звонивший ответил, что она ударилась головой при падении. Дежурный спросил, дышит ли пострадавшая. Мужчина ответил, что не знает, но выглядит все очень плохо.

Дежурный начал инструктировать его, как определить, жива ли она, но мужчина рявкнул: «Скорее пришлите „скорую“», – и повесил трубку.

– Жду не дождусь повидаться с ним, – сказала я. – Но он, конечно, исчез еще до того, как кто-то приехал, да?

– Естественно. Когда прибыла «скорая», двери были заперты и никто не отвечал. Патрульные взломали дверь и обнаружили в гостиной женщину. Травма головы. Парамедики констатировали смерть. В доме больше никого не было. Следов насильственного проникновения или ограбления нет.

– Интересно, если этот малый хотел вызвать «скорую», почему он позвонил в полицейский участок Стонибаттера, а не по 999?

– Может быть, думал, что по 999 легко отследят номер, а в участке его не засекут?

– Тогда он просто кретин. Вот же на хрен!

О’Келли оказался прав насчет пирсов. Департамент мэрии «Под окном разрыли в пятый раз» перекрыл одну из полос и долбил там отбойником. Улица превратилась в узенькую горловину, забитую машинами. Интересно, у нас бластер в багажнике случайно не завалился?

– Врубай мигалку!

Стив вытащил из-под сиденья проблесковый маячок и установил на крыше автомобиля. Я включила сирену. Помогло это как укол новокаина в деревянную ногу. Все, что могли сделать для нас водители, это подвинуться на несколько дюймов.

– Мать твою, – простонала я. У меня сегодня не было настроения для пробок. – А с чего местные взяли, что это на-

силе в семье? С ней кто-то живет? Муж, приятель?

Стив еще раз глянул в протокол:

– Ничего об этом не сказано. – Он посмотрел на меня с надеждой. – Может, они ошибаются? Может, это действительно что-то интересное?

– Нет, черт возьми. Они не ошибаются. Может, это даже не домашнее насилие. Может, это ровно то, о чем говорил звонивший, и никто ее не убивал, она просто упала. Потому что если бы кто-то хоть на секунду подумал, что это заваливающее, но убийство, то нет ни единого шанса, что О'Келли не дождался бы утренней смены и не отдал бы его Бреслину и Маккэнну или другой парочке жополизов. – Я стукнула кулаком по гудку автомобиля: – Мне что, выскочить из машины и кого-нибудь арестовать?!

Идиот в голове пробки внезапно осознал, что он все-таки за рулем, и двинулся вперед. Остальные машины бросились перед нами врассыпную, и я вдавила педаль газа в пол – по мосту через Лиффи, на северную сторону.

Быстрая езда после отбойника, казалось колошматившего прямо по башке, успокоила. Мимо проносились дома из красного кирпича, стеклянные витрины магазинов, а в разрывах между ними – небо, затянутое серыми и желтоватыми облаками. Я выключила сирену, Стив убрал с крыши мигалку. Он держал ее, всю поцарапанную и замызганную, чуть на отлете, чтобы не испачкаться. В протокол он больше не смотрел.

Мы знакомы со Стивом уже восемь месяцев. Четыре из них работаем напарниками. Познакомились, работая над одним делом. Он тогда служил в Висяках. Поначалу я его невзлюбила, хотя всем остальным он нравился. Но я не люблю людей, которые нравятся всем, да и улыбался он раз в пять больше, чем нужно. Но все это быстро прошло. Когда мы раскрыли то первое дело, он казался мне уже вполне ничего, и я использовала те пять минут, что была на хорошем счету у О'Келли, чтобы замолвить за него словечко. Время я выбрала подходящее. Мне-то напарник на фиг не сдался, но О'Келли начал ворчать, что в его отделе желторотые птенцы не будут работать самостоятельно. Так я заполучила Стива в напарники и ни разу об этом не пожалела, пусть он и ходячая жизнерадостность. Он всегда был очень к месту. И в общей комнате, где мы сидели друг напротив друга, и на месте преступлений, и в допросной. Наш уровень раскрываемости неуклонно шел вверх, что бы там ни говорил О'Келли. И мы чаще отправлялись отметить пинтой раскрытое дело, чем понуро плелись домой. Стив стал не то чтобы моим другом, но где-то близко. Мы уже достаточно хорошо знакомы, однако железной уверенности друг в друге нам пока недостает.

Например, я всегда угадываю, когда он хочет сказать что-то, хотя и молчит.

– Что?

– Не позволяй шефу выводить себя из равновесия.

Я покосилась на него. Стив смотрел на меня в упор.

– Хочешь сказать, что я слишком чувствительна? Ты серьезно?

– Если он считает, что ты недостаточно хороша в работе со свидетелями, это еще не конец света.

Я резко вывернула руль, и мы на дикой скорости влетели в переулочек. Стив, привычный к моей манере вождения, даже бровью не повел.

С трудом сдерживая гнев, я выпалила:

– Это, мать твою, конец света! Слишком чувствительной я была бы, если бы реагировала на замечания Бреслина или какого еще мудилы, на мнение которого о качестве моей работы со свидетелями мне глубоко плевать. Но если О’Келли думает, что нам нужна нянька, это значит, что мы и дальше будем получать эти говенные дела и у нас за плечом вечно будет кто-то маячить. Тебе это нравится?

Стив пожал плечами:

– Бреслин придан нам для поддержки. Дело же ведем мы.

– Нам не нужна поддержка. Нас нужно оставить в покое и дать спокойно работать.

– Рано или поздно это произойдет.

– Да? И когда же?

На этот вопрос Стив не ответил. Я сбавила скорость, и «кадетт» покатился медленнее, с изяществом тележки из супермаркета. В Стонибаттере начиналась суeta воскресного утра. Физкультурники вышли на утренние пробежки, раз-

драженные подростки тащили гулять своих четвероногих питомцев, жалуясь на несправедливость мироздания. Какая-то девчонка в клубном прикиде, с туфлями в руке, едва не падая, брела по тротуару.

– Если все будет так продолжаться, я свалю из отдела, – сказала я.

На нашей работе люди часто выгорают. Чаще всего в отделах по борьбе с проституцией и наркотиками. Там изо дня в день занимаешься одним и тем же. Ты рвешь себе задницу, чтобы посадить сутенера, но все те же девочки будут стоять все на тех же углах, только крышевать их будет другой говнюк. Все те же торчки будут покупать все те же колеса, только у другого пушера. Затыкаешь одну дырку, а дерьмо уже льется через десять новых. Такое изматывает. В отделе убийств, если ты убрал кого-то с улицы, то потенциальные жертвы останутся живы. Ты борешься с конкретным убийцей, а не со всеми пороками рода человеческого. Одного убийцу можно победить. Из Убийств люди не уходят. Они работают там до пенсии.

Но два года – не срок для любого отдела.

Мои два года стоят особняком. И дело не в преступлениях, которые мы расследуем. Я могу ловить каннибалов, детоубийц, и сон мой будет безмятежен. Как я уже сказала, каждый раз мы воюем с конкретным убийцей. А вот воевать с собственным отделом куда труднее. Стив достаточно хорошо меня знает и наверняка понимает, что сейчас я не просто

выпускаю пар.

Помолчав, он осторожно спросил:

– И чем ты займешься? Вернешься в отдел пропавших без вести?

Ну уж нет. К черту. Я не пячусь назад. У моего школьного приятеля своя охранная фирма. Важные персоны, большие шишки, международная охрана. Не старушка-лифтерша в средней школе. Как-то он сказал, что если мне понадобится работа...

Я не смотрю на Стива, но чувствую на себе его взгляд. Не знаю, что происходит у него в голове, парень он хороший, вот только говорит обычно то, что от него хотят слышать. Если я уйду, ему будет значительно проще найти общий язык с парнями из отдела. Станет своим, будет расследовать настоящие дела и смеяться общим шуткам. Чего еще надо?

– Платят хорошие деньги, – сказала я. – И женщины там нужны. Эти ребята хотят, чтобы их жен и дочерей охраняли женщины. Иногда они и себе хотят женщин-телохранителей. Уж не знаю зачем.

– И ты собираешься ему позвонить?

Я остановилась на макушке Викинг-Гарденз. Сквозь разрывы в облаках сочился слабенький свет, его едва хватало, чтобы осветить серые шиферные крыши и покосившийся уличный фонарь. А это был самый солнечный день за неделю.

– Еще не знаю, – ответила я.

Холмы Викинг хорошо мне знакомы. Я живу в десяти минутах ходу от улицы Викинг-Гарденз. Купила здесь квартиру, потому что действительно люблю Стонибаттер, а не потому что не могу позволить себе что-нибудь попроще. Один из маршрутов моих утренних пробежек пролегает прямо по этим улицам-взгоркам. Честно говоря, название места значительно более захватывающее, чем открывающийся отсюда вид. Грязноватый тупик, расчерченный коттеджами с террасами в викторианском стиле, которые выходят прямо на тротуар. Низкие крыши, простые шторы, двери светлых тонов. Улица настолько узкая, что все вынуждены парковаться, заезжая двумя колесами на тротуар.

Пора звонить Бреслину. Оттягивать больше нельзя, а то заявится в отдел и шеф начнет интересоваться, какого черта он тут делает. Я позвонила ему на автоответчик в надежде, что это даст нам пару лишних минут. По крайней мере, не придется тратить нервы на пустую болтовню. Я представила дело скучным до зевоты, добавила, что оно не стоит его усилий. Но это, конечно, его не остановит. Бреслину нравится думать, что он Мистер Незаменимый. Такой помчится на мелкое бытовое убийство с той же скоростью, что и на леденящее душу злодеяние серийного убийцы. Ведь он уверен, что бедная жертва будет там просто остывать, пока не явится Бреслин и все не раскроет.

– Пойдем, – сказала я, накидывая ремешок сумки на плечо.

Дом номер 26 находился в дальнем конце улицы. Вокруг была натянута лента с надписью «место преступления». Рядом с домом стояли полицейская машина и микроавтобус судебной лаборатории. Стайка мальчишек, завидев нас, бросилась врассыпную («Бежим, ребзя! Миссус, миссус, арестуйте его, он стащил коробку „Чупа-чупсов“ из магаза!» – «Заткнись, козлина!»). Всю дорогу мы чувствовали на себе их взгляды, а дом из-за тюлевых занавесок бросался в нас вопросами, будто попкорном.

– Так и хочется отдать честь, – прошептал Стив. – Я же могу отдать честь?

– Эй, веди уже себя как взрослый.

Но поток адреналина подхватил и меня, как я этому ни сопротивлялась. Даже если ты уверен, что дрессированный шимпанзе может выполнить твою сегодняшнюю работу, каждый раз, приближаясь к месту преступления, чувствуешь себя гладиатором. Ты выходишь на арену, еще немного – и твое имя произнесет сам император. Потом ты начинаешь осмотр, арена вместе с императором растворяются где-то в туманной дымке, а ты чувствуешь себя еще паршивей обычного.

У дверей стоял полицейский, совсем мальчишка, с длинной жирафьей шеей, фуражка нахлобучена до ушей.

– Детективы. – Он вытянулся, пытаюсь сообразить, должен ли отдать честь. – Патрульный Долей.

А может, и не Долей. Чтобы разобрать его акцент, требо-

вались субтитры.

– Детектив Конвей, – ответила я, натягивая перчатки. – А это детектив Моран. Здесь крутился кто-нибудь посторонний?

– Да нет. Только те пацаны.

Ну, с мальчишками мы еще побеседуем. И с их родителями тоже, кстати. Отличительная черта старых районов. Здесь кому-то еще есть дело до других людей. Это нравится далеко не всем, но может очень пригодиться нам.

– Мы еще не обходили соседей. Думали, может, вы, типа, захотите это сделать как-то по-своему.

– Правильно думали, – сказал Стив, тоже доставая перчатки. – Мы найдем, кому этим заняться. Как все выглядело, когда вы прибыли? – Он кивнул в сторону небесно-голубой двери. После полицейского взлома на ней красовалась глубокая трещина.

– Она была закрыта, – торопливо ответил патрульный.

– Это я и сам сообразил, – сказал Стив с улыбкой, которая превращала ответ парня в шутку, пусть и не особо остроумную. – Как именно она была закрыта? На засов, на два поворота ключа, просто прикрыта?

– Ой, простите. – Патрульный покраснел. – Здесь цельных два замка. Тока не один не был заперт на ключ. Просто захлопнуто.

Другими словами, если убийца вышел через дверь, он просто захлопнул ее за собой. Ключи ему были не нужны.

– Сигнализация сработала?

– Нет. Она, типа, и не была включена. – Патрульный показал на коробку, висевшую высоко на стене. – Когда мы вошли, она, походу, и звука не издала.

– Спасибо, – Стив одарил патрульного еще одной улыбкой, – отличная работа.

От этих слов патрульный пошел пятнами. Стив веселился как мог.

Дверь дома приоткрылась, и появилась голова Софи Миллер. У Софи огромные карие глаза и фигура балерины. На ней даже белый комбинезон судебного медэксперта смотрится элегантно. Может, поэтому многие поначалу пытаются морочить ей голову, но только поначалу. Они очень быстро выясняют, что делать этого не стоит. Софи – один из наших лучших криминалистов, и мы с ней очень симпатизируем друг другу. Увидев ее, я почувствовала большое облегчение.

– Привет. Ну наконец-то.

– Дорожные работы задержали, – ответила я. – Привет. Что у нас тут?

– Выглядит как очередная ссора голубков. Вы что, их по жребию вытаскиваете?

– Ну это же лучше, чем гангстерские разборки, – в тон ей ответила я.

Стив удивленно посмотрел на меня, и я ответила ему спокойным и холодным взглядом. Он, конечно, знает, что мы с Софи дружим, но ему следует также знать, что я не собира-

уюсь плакать на плече у подруги, сетуя на несправедливость, царящую у нас в отделе.

– По крайней мере, в бытовых преступлениях можно найти свидетелей, которые будут готовы с тобой разговаривать. Пойдем глянем.

Домик был очень маленький. Мы сразу прошли в гостиную, она же столовая. Три двери вели из нее, и я даже могла угадать, какая куда. Левая – в спальню. Центральная – на кухню. Правая – в ванную. Планировка в точности как у меня. Декор, правда, сильно отличается. Пурпурный ковер на ламинате, тяжелые пурпурные шторы на окнах, пытающиеся выглядеть дороже, чем они есть, пурпурные подушки, художественно разбросанные на белом кожаном диване, репродукции с пурпурными цветами – комната выглядела так, будто ее купили через телефонное приложение «Декорируй свой дом», в которое ты вводишь свой бюджет и любимые цвета, а на следующий день получаешь все комплектом.

Здесь вчерашний вечер еще не закончился. Шторы задернуты. Верхний свет погашен, зато включены лампы криминалистов, расставленные по углам. Подчиненные Софи заняты делом. Один клейкой лентой собирает волокна с дивана, другой посыпает стол порошком для снятия отпечатков пальцев, третий фиксирует все на видео. В комнате душно, пахнет жареным мясом и ароматическими свечами. Парень, собирающий волокна с дивана, оттянул комбинезон на шее, чтобы хоть немного дать доступ воздуху.

Газовый камин работает на полную мощность, фальшивые угли фальшиво мерцают в и без того раскаленной комнате. Аляповатая каминная полка из камня прекрасно дополняет всю эту безвкусицу. Женщина уткнулась головой в каминный приступок.

Лежит на спине. Ноги чуть согнуты, коленями внутрь. Как будто кто-то просто бросил ее сюда. Одна рука вытянута вдоль тела, другая неловко закинута за голову. Рост примерно метр семьдесят, худощавая, искусственный загар, туфли на высоком каблуке, одета в узкое небесно-голубое платье, на шее массивная цепочка из фальшивого золота, светлые волосы выпрямлены и так щедро залакированы, что даже убийство не смогло испортить прическу. Брошенная Барби.

– Ее идентифицировали?

Софи подбородком указала на столик возле двери. На нем лежало несколько писем и аккуратная стопка счетов.

– Мы полагаем, это Ашлин Гвендолин Мюррей. Квартира принадлежит ей. Среди бумаг – квитанция об уплате налога на недвижимость.

Стив быстро проглядел счета.

– Никаких других имен. Похоже, она жила одна.

Я оглядела комнату, и мне стало ясно, почему всем кажется, что это история про мальчика, который побил девочку. Маленький круглый стол покрыт пурпурной скатертью. На столе две тарелки, две замысловато сложенные крахмальные салфетки, искорки играют на начищенных серебряных при-

борах, откупоренная бутылка красного вина, бокалы – чистые, высокий подсвечник. Свечи выгорели полностью, воск застыл сталактитами на подсвечнике и каплями на скатерти.

Из-под головы жертвы расплывается огромное пурпурное пятно, темное и липкое. Больше, насколько я вижу, крови нигде нет. Никто не попытался поднять ее, поддержать или встряхнуть, чтобы привести в чувство.

Звонивший сказал, что при падении она ударилась головой. Может, и так. Может, наш герой-любовник запаниковал. Такое случается. Наши добропорядочные граждане настолько боятся нажать себе неприятностей, что иногда действуют так, как не всякий серийный убийца додумается. А может, он помог ей упасть?

– Купер еще здесь? – спросила я.

Купер – наш патологоанатом. Он относится ко мне лучше, чем к большинству моих коллег, но он не станет меня дожидаться. Если вы не успели к месту преступления до завершения предварительного осмотра тела, это ваша проблема, а не его.

– Только что ушел, – ответила Софи. Она внимательно оглядела своих подчиненных. – Сказал, что эта женщина мертва, – на тот случай, если мы не обратили внимания. Поскольку она лежит рядом с обогревателем, то температура тела мало что нам даст. Время смерти установлено крайне приблизительно. Что-то между шестью и одиннадцатью часами вечера.

Стив кивнул на нетронутый стол.

– Я думаю, это произошло до девяти – половины девятого.

Если бы это случилось позже, они бы уже начали есть.

– А если один из них работал допоздна? – возразила я.

Стив занес это в свой блокнот. Пусть выясняют прикомандированные умники, после того как мы узнаем, кого здесь ждали.

– Причиной звонка указана травма при падении. Купер проверил, соответствуют ли раны случайному происшествию?

Софи фыркнула:

– Ага, как же. Это такое специальное случайное падение. Ей затылок разнесло вдребезги, а рана точно соответствует углу каминной ступеньки. Вообще-то Купер уверен, что это ее и убило. Но точно он скажет только после экспертизы. А то вдруг она умерла от отравленных стрел перуанских индейцев? Вдобавок у нее обширная гематома на левой скуле, пара выбитых зубов и, вероятно, сломана челюсть. Но этого нам Купер не сообщит, пока она не окажется у него на столе. Чтобы случайно получить такие травмы, нужно падать на камин лицом и затылком одновременно.

– Значит, кто-то ударил ее по лицу, она упала и ударилась головой о камин.

– Расследованием занимаетесь вы, но по мне, именно так оно все и было.

Ногти женщины выкрашены синим лаком – в тон платью.

Маникюр идеален, ни царапинки. Ни один ноготь не сломан. Аккуратный ряд фотоальбомов на кофейном столике. Ваза с аккуратно расставленными пурпурными цветами и какая-то замысловатая статуэтка на каминной полке. Никакой борьбы здесь не происходило. У жертвы не было ни единого шанса дать сдачи.

– У Купера есть какие-то идеи, чем был нанесен удар?

– Судя по синякам – кулаком, – сказала Софи, – и, таким образом, он правша.

Кулак – это значит никакого орудия убийства, с которого можно было бы снять отпечатки пальцев и привязать к подозреваемому.

Подал голос Стив:

– После удара такой силы у него должны остаться ссадины на костяшках. Это не спрячешь. А если нам немного улыбнется удача, то он оставил у нее на лице свою ДНК.

– Это если он ударил ее голой рукой, – сказала я.

– А в такую холодину, как вчера вечером, он вполне мог надеть перчатки. А может, он оставил свою ДНК в ней?

– О чем ты говоришь. – Я кивнула в сторону стола: – Они даже вино не открыли.

– Ну, – бодро воскликнул Стив, – по крайней мере, это убийство! А ты боялась, что нас опять послали расследовать смерть старушки, которая споткнулась о любимого кота.

– Замечательно, но можно мы отложим праздничную вечеринку? Что еще Купер сказал?

– Травмы, характерные при сопротивлении, отсутствуют, – ответила Софи. – Одежда не повреждена. Никаких признаков недавних половых контактов. Следов семени не обнаружено. Короче говоря, о преступлении на сексуальной почве речь не идет.

Стив возразил:

– А может, наш ухажер попытался с места в карьер заняться делом, она ответила отказом, ну он и врезал ей, чтобы не воображала о себе слишком много. Потом понял, что натворил, испугался – и деру.

– Все может быть. Если я скажу, что завершено акта сексуального насилия не произошло, так будет ясней?

До этого Софи только один раз видела Стива и еще не решила, нравится он ей или нет.

– Да и на попытку изнасилования это не тянет, – добавила я. – Он что, зашел и с порога полез ей под юбку? Так ему приспичило, что даже не выпил с ней по бокалу вина? Может, после этого никакое насилие не понадобилось бы.

Стив пожал плечами:

– Может, я и не прав.

Он говорил искренне. Стив, в отличие от подавляющего большинства детективов, не дуется, если напарник начинает возражать, особенно в присутствии такой женщины, как Софи. Это вовсе не значит, что Стив начисто лишен честолюбия. С детективами такого не бывает. Просто Стив не считает, что все время обязан быть мистером Крутым. Из-за это-

го с ним хорошо работается, это во-первых, а во-вторых, эта черта располагает к нему людей, что бывает очень полезно и чего я иногда опасаясь.

– Вы нашли ее телефон? – спросила я.

– Да. Вон там, на столе, – Софи указала карандашом, – мы уже сняли с него отпечатки. Так что если хочешь поиграть с ним – вперед.

Перед тем как продолжить осмотр, я опустилась на корточки рядом с телом и осторожно, одним пальцем, убрала волосы с лица. Стив присел рядом. Детективы из Убийств всегда так делают. Бросают долгий взгляд в лицо жертве. В этом нет никакой логики. Во всяком случае, для штатских.

Если бы нам требовалось, чтобы вид жертвы напоминал, ради чего мы работаем, любая фотография, сделанная смартфоном, справилась бы с этим гораздо лучше. Если бы требовалось, чтобы наши сердца пылали гневом, нам следовало бы смотреть на раны, а не на лицо. Но мы всегда смотрим в лицо погибшим, даже если от лица мало что осталось. Даже если это полуразложившееся на летней жаре тело, даже если это утопленник, который неделю пробыл в воде, всегда одно и то же – взгляд в лицо. Самые отъявленные козлы из нашего отдела, те, что, глядя на остывающий труп убитой женщины, оценивают ее сиськи по десятибалльной шкале, даже они глянут ей в лицо, отдадут ей эту последнюю почесть.

Где-то под тридцать. Она была хорошенькой до того, как

кто-то превратил ее челюсть в сплошной синяк. Не писаная красавица, но очень привлекательная. И видно, что приложила для этого немало усилий – на лице целый вагон косметики, но нанесенной очень профессионально. Подбородок и носик милой девочки, но такие милые очертания приобретаются только ценой изнурительной диеты. В полуоткрытом рту белоснежные зубы, губы пухлые и мягкие. Сейчас этот полуоткрытый рот искажен гримасой, но еще вчера вечером наверняка выглядел призывно и соблазнительно. Глаза, искусно подведенные, открыты, взгляд устремлен в потолок.

– Я уже где-то ее видела.

Стив поднял голову:

– Да? Где?

– Не помню.

Память у меня в порядке. Стив зовет ее фотографической, я – нет, потому что это звучит так, будто я робокоп, но если я один раз кого-то увижу, то запомню, – и эту женщину я определенно где-то видела. Правда, тогда она выглядела совсем иначе. Моложе и куда более пухленькой – не толстой, нет, а именно пухленькой, – и макияж был скромнее: немного тонального крема чуть темнее ее кожи, тушь и все. И она тогда была шатенкой с вьющимися волосами, собранными в узел. Юбка цвета морской волны, тесноватая, высокие каблуки, на которых она чуть пошатывалась, – впечатление такое, будто ребенок влез во взрослую одежду. Но лицо – чуть вздернутый нос и мягкие, нежные губы – определенно то же.

Она стояла в солнечном свете, тянулась ко мне, выставив ладони вверх. И говорила дрожащим голосом: *Ну пожалуйста, пожалуйста. Мне очень нужно.* А я, с непроницаемым лицом, нога на ногу: *Что за патетика?* Ей что-то было надо от меня. Помощи, денег, поддержки, совета? А я хотела только одного: чтобы она ушла.

– Может, в связи с работой? – спросил Стив.

– Может.

Бесплодная попытка вспомнить выматывала. Если бы это произошло не в рабочее время, я бы ее просто послала к черту.

– Как только вернемся в отдел, прогоним данные через базу. Если она уже обращалась к нам по поводу домашнего насилия...

– Я никогда не работала в отделе бытовых преступлений. Придется отмотать на несколько лет назад, когда я еще в форме ходила. Да и не...

Я помотала головой. Лучи от фонарей криминалистов шныряли по комнате, обращая ее в какое-то безграничное пространство, таящее неясную угрозу, а нас – в мишени, мечущиеся в поисках укрытия.

Вряд ли бы я выставила ее, явись она ко мне со следами побоев. Полуоткрытые глаза придавали мертвому лицу чуть хитроватый вид. Как у ребенка, жульничающего в игре «холодно – горячо».

Стив поднялся и отошел в сторону, давая мне время успо-

коиться. Кивком указал на пробивающийся из кухни прямоугольник света и обратился к Софи:

– Вы позволите...

– Валяйте. Только ни к чему не притрагивайтесь. Мы там уже все отщелкали, но пальчики еще не сняли.

Стив протиснулся на кухню мимо криминалистов. При-толока была такой низкой, что ему пришлось пригнуться в дверном проеме.

– Как тебе с ним? – спросила Софи.

– Да нормально. Он не самая большая из моих проблем, это уж точно.

Я опустила волосы на лицо жертвы и встала. Мне не хватало движения. Если отправиться на долгую энергичную прогулку, то наверняка поймаю ускользающее воспоминание. Но если начать выписывать восьмерки по комнате, Софи тотчас выгонит меня. За поведение, не подобающее ведущему детективу.

– Звучит вдохновляюще, – сказала Софи. – Теперь, когда высокие особы изучили обстановку, можем мы наконец-то включить свет?

– Вперед, – согласилась я.

Один из криминалистов включил верхний свет. И комната сразу сделалась еще более унылой. Лампы криминалистов придавали ей хоть какую-то индивидуальность. Лавируя между желтыми метками, обозначающими улики, я прошла в спальню. Маленькую и идеально прибранную. Туалетный

столик весь из себя белый с золотом. На крючке висит пуши-
стенная юбочка, объект вожделений для всех восьмилетних
девочек. На туалетном столике только ароматическая свеча
да пара флаконов духов – исключительно красоты ради.

Никакой смятой одежды на кровати, покрывало без еди-
ной морщинки, в продуманном беспорядке уложены четы-
ре декоративные подушечки. Я бы до такого украшения
никогда не додумалась. Видно было, что, закончив наряжать-
ся и краситься, Ашлин все прибрала. Тщательно уничтожи-
ла все улики того, что она не сошла пять минут назад с об-
ложки модного каталога. Дабы ее рыцарь на белом коне не
дай бог не подумал, будто она родилась не прямо в таком ви-
де. До дела не дошло, но она явно надеялась, что дойдет.

Я заглянула в стенной шкаф. Куча шмоток. В основном
костюмы с юбками и нарядные платья. Все сдержанных рас-
цветок, но непременно с броской деталью. Так обычно одева-
ются ведущие утренних ток-шоу, обсуждающие очередную
диету, раздельное питание или правильный уход за кожей
лица. Я перевела взгляд на резную бело-золотую книжную
полку. Шеренга женских романов, старые детские книги,
какое-то слащавое дерьмо, рассказывающее о смысле жиз-
ни через историю малыша из трущоб, научившегося летать,
неожиданно несколько книг о преступности в Ирландии –
исчезнувшие люди, организованная преступность, убийства;
какая ирония: городская страшилка обернулась реально-
стью. Я пролистала книги – в просветляющем шедевре и кри-

минальных опусах кое-где подчеркивания, но предсмертной записки ниоткуда не выпорхнуло. Я принялась за прикроватную тумбочку: в цветастенькой коробке пачка салфеток, ноутбук, зарядное устройство, тут же шесть непечатых презервативов. Взгляд в мусорную корзину: ничего. Взгляд под кровать: ни пылинки.

Осмотр дома жертвы – это твой шанс познакомиться с тем, с кем тебе уже никогда не доведется встретиться. Даже друзьям люди рассказывают о себе далеко не все, а те о них еще меньше: не желают говорить плохо о покойных, или слишком опечалены смертью приятеля, или опасаются, что вы неправильно истолкуете его причуды. Но в жилище спадают все завесы. Тут все, что хозяин пытался утаить, перед вами как на ладони, – все, что не хотели показывать чужакам, все, что хотели прикрыть картинами на стенах и диванными подушками.

Эта квартира не дала мне ничего. Ашлин Мюррей осталась глянцевой картинкой на обложке журнала. Все здесь было устроено так, будто она жила под прицелом камер видеонаблюдения и знала, что в любой момент картинки из ее личной жизни могут оказаться в интернете.

Паранойя? Контрол-фрик? Конченая зануда?

Пожалуйста, прошу вас, как вы не понимаете...

В ту минуту она рассказала о себе больше и была живее, чем весь этот дом с его цветочками и виньеточками. Конечно, я не могла этого знать и на ней не было татуировки «бу-

дущая жертва», но факт остается фактом: я смотрела будущей жертве в глаза, а потом отвернулась и забыла.

Когда криминалисты закончат свою работу, мы здесь еще раз всерьез все прочедем, но из общей обстановки личность Ашлин (если таковая имелась) совершенно не прорисовывалась. Если мы разыщем любовника и сможем собрать против него убедительные доказательства, то была у нее личность или нет – совершенно неважно. Высокий девичий голосок, продолжавший звучать у меня в голове, все не давал покоя.

– Есть что-нибудь? – спросил Стив, стоя в дверях кухни.

– Ни хрена. Если бы ее труп не лежал в гостиной, я бы решила, что она не существует. А что на кухне?

– Кое-что. Сама взгляни.

– Слава богу. – Я двинулась за ним.

Я ожидала, что вся кухня будет в хrome и фальшивом мраморе, этакий дешевый Кельтский тигр, но вместо этого – деревянный стол, полосатая розовая клеенка, цыплятки в рамочках и полосатые фартучки, развешанные по стенам. Чем больше я узнавала об этой женщине, тем меньше знала о ней. Кухня выходила на террасу, точь-в-точь как моя. Только у Ашлин там стояла изогнутая деревянная скамья – чтобы сидеть на свежем воздухе и наслаждаться видом кирпичной стены. Я проверила дверь – заперто.

– Во-первых, это. – Стив аккуратно, одним пальцем, потянул на себя дверцу духовки.

Внутри стояли две формы для жарки, заполненные ссох-

шейся коричневой массой. Не то картофель, не то паста. Затем он вытянул решетку гриля. На ней лежали два черных объекта. Это могло быть что угодно – от грибной запеканки до коровьих лепешек.

– Ну и что?

– А то, что все это, конечно, пропеклось до самого основания, но не сгорело. И знаешь почему? Потому что хоть духовка и осталась включенной, но саму плиту выключили. И вот еще что.

Тарелка, полная овощей, на кухонном столе. Кастрюля с водой на одной из электрических горелок. Регулятор огня вывернут на максимум.

– Софи, – крикнула я, – тут плиту никто не выключал? Твои ребята или патрульные?

– Нет, конечно, – крикнула Софи в ответ, – а патрульным я сразу сказала: «Если вы дотрагивались до чего-то, вы сейчас же мне об этом рассказываете». Уж я нагнала на них страху. Уверена, если бы кто-то приблизился к плите, они бы мне сказали.

Я посмотрела на Стива:

– Что это нам дает? Может, любовник немного задержался и Ашлин сама выключила плиту?

Стив покачал головой:

– Может, и так. Но ты бы выключила плиту, оставив регуляторы конфорок на максимуме? И оставила бы остывать кастрюлю с водой или продолжила греть ее на маленьком ог-

не?

– Я не готовлю. Я разогреваю в микроволновке.

– А я готовлю. Ты ни за что не станешь выключать плиту целиком, особенно если ждешь опаздывающего ухажера. Ты будешь держать кастрюлю на маленьком огне, чтобы бросить туда овощи в тот момент, когда объявится твой гость.

– То есть ты думаешь, что выключил ее наш парень?

– Похоже на то. Он не хотел, чтобы сработала противопожарная сигнализация.

– Софи, ты не могла бы распечатать для меня фотографию настенного выключателя плиты?

– Да. Конечно.

– Вы искали здесь отпечатки обуви?

– Нет. Я хотела, чтобы вы двое там до этого как следует потоптались. Чтобы моя работа стала поувлекательней. Разумеется, мы первым делом попытались отыскать следы обуви. Вчера вечером шел дождь, и любой, кто прошел бы во влажных ботинках, обязательно наследил бы. Но здесь так натоплено, что все следы высохли задолго до нашего приезда, если они даже были. Нашлось только несколько комочков грязи тут и там, да и их вполне могли занести патрульные. В любом случае их недостаточно для четкой идентификации.

Образ героя-любовника начал приобретать новые очертания.

До этого я представляла себе его эдаким сопляком, который немного неудачно решил проучить свою девушку и те-

перь сидит у себя дома, обделавшись от страха, ждет, что мы явимся с минуты на минуту, и готовится клясться и божиться, что это она во всем виновата. Но такой тип был бы на расстоянии выстрела от дома Ашлин еще до того, как ее тело упало на пол. Ему ни за что не удалось бы сохранить хладнокровие и ясность мысли.

– А наш парень головы не теряет.

– О да! – согласился Стив с воодушевлением, будто умирает с голоду, а перед ним вдруг водрузили аппетитное блюдо. – Парень избил свою девушку. Он не знает, жива она или нет, но достаточно спокоен, чтобы подумать о сигнализации и духовке. Если это его первое преступление, то он просто самородок.

Противопожарная сигнализация была прямо над нами.

– А зачем ему понадобилось с ней возиться? Ну сгорело бы здесь все дотла и прихватило с собой все улики. Могло повезти, и мы не сумели бы понять, что это убийство.

– Может, это как-то связано с его алиби? Если бы сработала сигнализация, то здесь очень быстро оказались бы люди. Может, он хотел, чтобы тело обнаружили как можно позже, ведь так труднее установить точное время смерти. А по какой-то причине для него это важно.

– И зачем тогда было нам звонить? Она могла пролежать целые сутки, а то и больше, прежде чем ее кто-нибудь обнаружил бы. И тогда о точном времени смерти и речи бы не шло. В лучшем случае нам удалось бы его установить с точ-

ностью до двенадцати часов.

Стив взъерошил волосы.

– Запаниковал?

Я неопределенно фыркнула. Наш герой-любовник менялся, как картинка в калейдоскопе: вот он слабак и неврастеник, вот полностью владеет собой, а вот снова неврастеник.

– Он абсолютно спокоен на месте преступления, но потом вдруг слетает с катушек настолько, что звонит нам?

– Да большинство людей чокнутые. – Стив осторожно нажал острием карандаша на контрольную кнопку сигнализации, послышался короткий сигнал: работает. – И кто сказал, что звонил именно он?

– Предположим, он бежит к кому-то, – принялась рассуждать я, – к другу, брату, папочке, и все ему выкладывает. А того начинает мучить совесть. Ему не хочется, чтобы Ашлин умерла, если ее еще можно спасти. И оставшись один, этот «кто-то» звонит нам.

– Тогда неплохо бы его отыскать.

– Ага.

Я вытащила из кармана блокнот и записала: «Круг знакомств подозреваемого. Срочно». Как только мы разыщем нашего любовника, понадобится список всех его родных и друзей. Детективы очень нуждаются в совестливых ребятах.

– И вот еще что, – сказал Стив. – Обрати внимание. Овощи так и не поставили на огонь, а бутылка с вином не откупорена. То есть, как мы и сказали, он только успел войти в

дверь.

Я засунула блокнот в карман и прошлась по кухне. Буфет с фаянсовым сервизом в цветочек, почти пустой холодильник: обезжиренный йогурт, морковка и фруктовый пирог, явно припасенный на десерт. О характере некоторых людей вполне можно судить по их кухне. К Ашлин это явно не относилось.

– Ты прав. И что?

– А то, что у них даже не было времени на ссору. Это же не супруги, которые уже лет десять собачатся, а потом он забывает купить пакет молока и – бац, голова об каминную полку. У этих разгар ухаживания, когда каждый старается вести себя пайнкой. Из-за чего может разгореться бойня прямо на пороге?

– Ты хочешь сказать, что никакой ссоры не было, а он все спланировал заранее? – Я приподняла крышку мусорного контейнера. Пакет из «Маркс и Спенсер» и пустая упаковка из-под йогурта. – Не похоже. Так мог бы вести себя только законченный садист. Из тех, что случайно выбирают жертву и убивают просто для кайфа. Но такой не остановился бы после одного удара.

– А я и не говорю, что он пришел сюда только затем, чтобы убить ее. Совсем не обязательно. Я только хочу сказать... – Стив внимательно разглядывал дурацкого китайского кота-болванчика, машущего нам лапой с подоконника. – Я только хочу сказать, что это странно.

– Ну, может, нам и в самом деле повезло.

На кухонном шкафчике розовел приклеенный листок: «Химчистка, туалетная бумага, салат-латук».

– Возможно, конфликт разгорелся еще до его прихода. А где ее телефон?

Я забрала у криминалистов мобильный Ашлин и вернулась с ним на кухню. Стив встал у меня за плечом, чтобы читать вместе. Когда так делает кто-то еще, я прямо бешусь, но Стиву удавалось не дышать мне в ухо.

К счастью, Ашлин не установила пароль, и смартфон ожил от простого нажатия на кнопку. На экране высветились два непрочитанных сообщения, но сначала я просмотрела список контактов. Среди них не оказалось ни Мамы, ни Папы, но имелся номер для звонка в экстренных случаях. Звонить надо было некоей Люси Риордан. Я записала номер в блокнот. Люси посчастливится произвести формальное опознание. Потом я открыла сообщения и принялась разбираться с несостоявшимся ужином.

Нашего героя-любовника звали Рори Феллон. Он должен был явиться на ужин вчера, в восемь вечера. Возник он в телефоне Ашлин около семи недель назад, в первой половине декабря. *Было очень приятно познакомиться. Надеюсь, ты хорошо провела вечер. Ты не занята в пятницу вечером? Может, сходим куда-нибудь выпить?*

Ашлин не позволила так легко себя уломать. *В пятницу у меня дела. Может, в четверг.* А когда он несколько часов

не отвечал на ее сообщение, написала: *Упс. Четверг уже занят.* Она изводила его по всем правилам дрессуры. Заставляла прыгать сквозь горящие обручи и ходить по проволоке. Меняла даты, часы и места свиданий. Но в конце концов пошла с ним выпить. Он позвонил ей на следующий день, однако она ответила только на третий раз. Он умолял позволить ему пригласить ее в дорожный ресторан. Это тоже далось ему непросто. В первый раз она отменила все утром, за несколько часов до встречи (*Прошу прощения. Сегодня вечером я занята!*), и заставила перенести свидание на другой день. Где-то в этом доме мы наверняка наткнемся на экземпляр «Правил по укрощению мужчин».

Не понимаю я, где женщины берут время на эти игры и почему мужчины на них ведутся. Вся эта чушь хороша для подростков, а не для взрослых. И если не складывается – значит, не складывается. А когда начинаются игры, то на первых порах это очень увлекательно – приятно, когда парень бежит за тобой, как котенок за бантиком, – но потом игра заходит слишком далеко и, как результат, в твоём доме ошивается толпа детективов из Убийств. Захватывающие игры Ашлин перемежались напоминаниями о предстоящем визите к дантисту, обменом мнениями с Люси Риордан об «Игре престолов», просьбой коллеги с работы восстановить пароль его электронной почты, потому что кто-то хакнул его компьютер. Короче, на этом фоне даже поход в ресторан выглядел грандиозным приключением.

Приглашение на ужин дома, должно быть, она сделала лично или в телефонной беседе, благо звонков от Рори было великое множество. На некоторые Ашлин отвечала, на другие – нет. И никогда не звонила ему сама. Но подтверждение он прислал. Вот смс, вечер вторника: *Привет, Ашлин! Просто для проверки. Все в силе у тебя дома в субботу в 8? Какое вино мне принести?*

Она промучила его целый день и ответила только на следующий вечер: *Да. Суббота в 8. И не надо ничего приносить. Просто приходи :-)*

– Если он явился без дюжины алых роз, – сказала я, – то у парня могли возникнуть большие проблемы.

– По-моему, он как-то об этом не подумал, – ответил Стив. – Здесь никаких цветов.

У нас обоих были на памяти убийства, которые случались и по менее серьезным поводам.

– Это может объяснить, почему все произошло так быстро. Он приходит. Она видит, что у него в руках ничего нет...

Стив покачал головой:

– И что? Судя по их переписке, она не из тех, кто велит ему проваливать и не возвращаться без букета. Она вела бы себя пассивно-агрессивно. Дала бы ему самому гадать, что же он сделал не так.

Стив всегда высказывает свои возражения так деликатно, что у меня возникают сомнения, достаточно ли я хороша для него.

– Действительно. Стоит ли удивляться, что в конце концов ее убили.

Иногда мне кажется, что если я проработаю со Стивом достаточно долго, то сама превращусь в душечку.

Со своей подругой Люси Ашлин отбрасывала игры в неприступную красотку. Вчера, 18:49:

Господи, я так счастлива, что это даже неприлично!!! Одеваюсь, держу в руках штопор и пою в него, будто в микрофон. Как девчонка. Только девчонки поют в щетки для волос. Скажи, я жалкая?

Люси отвечает сразу:

Это зависит от того что ты поешь :-)

Бейонсе

Могло быть и хуже... Но только не «Надень мне на палец кольцо»!

Нееет!!! Управляй миром!

Тогда ты в порядке. Но не пичкай его салатом и галетами. Ты же не хочешь, чтобы он умер от голода до того, как ты воплотишь все свои коварные замыслы:-)

Ха-ха очень смешно. жарю антрекот

Ооо! гордон рэмзи?

Привет от маркса и спенсера

Сойдет. Развлекись по полной! и будь осторожна, ок?

Хватит волноваться! Завтра я все тебе расскажу!

Ххх

Последнее сообщение отправлено в 19:13. Надо было еще наложить шестой слой косметики, сбрызнуть волосы лаком, поставить в духовку ужин из кулинарии «Маркс и Спенсер», сменить Бейонсе на что-то более романтическое и зажечь ароматические свечи до того, как в дверь позвонят.

– Будь осторожна, – проговорил Стив.

Люси наверняка расскажет, что ее тревожило. Вспомнит, что Рори повел себя очень агрессивно в пабе, когда ему показалось, что Ашлин засматривается на других парней. Или как в ресторане ей пришлось просидеть весь вечер в пальто, потому что он считал, что у ее платья слишком глубокий вырез. Или как среди общих приятелей ходил слухок, что он ее поколачивает, но Ашлин утверждала, что все это высосано из пальца, а на самом деле он очень милый, просто с ним нужно уметь поладить.

– Всегда одно и то же, – сказала я. – В следующий раз, когда моя мамочка спросит, почему я все еще одна, расскажу ей об этом деле. Или о предыдущем. Или о предпредыдущем.

У голубков вышла размолвка. Как и предполагали патрульные. Наш мальчик Рори сам подал себя на блюде, даже яблочко умудрился засунуть себе в рот. И все это для нас. Я должна была понять это сразу, еще в отделе, но все равно казалось, будто мне съездили по зубам.

Дела о домашнем насилии, как правило, яснее ясного. Вопрос не в том, сможете ли вы поймать вашего парня, а в

том, сможете ли вы выстроить дело так, чтобы оно не развалилось в суде. Многим такие дела даже нравятся, но не мне. Процент раскрываемости, конечно, растет, на груди заводится нечто поблескивающее, но уважения в отделе это не добавляет. Ведь все знают – раскрыть такое преступление нетрудно. И это еще одна причина, по которой я терпеть не могу ими заниматься. Ты прикончил свою жену, или мужа, или того, кто случайно прыгнул с тобой в постель. И что же, по-твоему, произойдет дальше? Думаешь, мы застынем от неожиданности с разинутыми ртами? Будем ломать голову над этим преступлением века? *Ребята, это дело рук мафши, не иначе, а?* Ошибочка! Мы заявимся прямиком к тебе, отыщем гору улик и запрем тебя на пожизненное. Если тебе приспичило кого-то убить, то прояви, пожалуйста, хоть немного уважения ко мне и сделай это не как самый предсказуемый недоумок на свете.

Впрочем, кое-что в телефоне не подходило под предположение о непроходимой тупости убийцы. После переписки в стиле мур-мур да шур-шур никаких входящих и исходящих сообщений не было примерно час. А в 20:09 от Рори: *Привет, Ашлин! Я стою у дома 26 по Викинг-Гарденз, звоню, но дверь не открывают. Я пришел по верному адресу?*

Сообщение осталось непрочитанным.

Стив прокомментировал время сообщения:

– Он не опаздывал. Незачем ей было выключать духовку.

– М-м-м...

В 20:15 Рори звонит Ашлин. Она не отвечает.

Он снова звонит в 20:25.

В 20:32 новое сообщение: *Привет, Ашлин! Может, я перепутал день? Я думал, что ты меня позвала сегодня на ужин, но тебя нет дома. Когда у тебя будет свободная минутка, расскажешь мне, что произошло?*

И это сообщение осталось неп прочитанным.

– Ну да. Конечно, – хмыкнула я. – Он прекрасно знает, что ничего не перепутал. Если бы ему захотелось проверить, то у него есть смс с приглашением.

– Он пытается взять вину на себя. Мол, в неудачном свидании виноват сам. Боится рассердить Ашлин.

– Или знает, что эти сообщения попадут к нам, и хочет донести до нас, что он всего лишь милый парень, белый и пушистый, и в жизни не смог бы ударить по лицу свою девушку, даже если бы он зашел в дом, а он не заходил никогда, клянусь богом, детектив, просто посмотрите в мой телефон, видите все эти сообщения?

Излюбленный прием замешанных в бытовухе: сперва наворотить дел, а потом сочинять отмазки. И зачастую такое прокатывает. Не с нами, а с присяжными. Рори Феллон все делает правильно. Много звонков, сообщений. Он хочет показать, что упорно пытался выйти с Ашлин на связь. Но после 20:32 тишина. Прямое указание – он не шатался во-круг дома, не пытался ее выследить. Парень действительно не конченный идиот.

– Что ж, это хотя бы поможет нам уточнить время смерти, – сказал Стив. – Ашлин переписывалась с Люси почти до четверти восьмого, а в восемь десять уже была мертва.

Я оторвалась от телефона:

– Ты думаешь, что это может быть принято как доказательство?

Стив неопределенно повел подбородком.

– Нет, наверное.

– Да ладно тебе. Кто-то заскочил в дом, чтобы убить в то самое время, когда Рори должен был явиться за своим стейком? Ты серьезно?

– Вероятнее всего – нет. Но... У нас тут не все сходится. Я просто не хочу отбрасывать никакие версии.

Господи Иисусе! Бедный маленький Стиви! Пытается доказать, что мы тут наткнулись на нечто особенное, и теперь тучи разойдутся, улыбка осветит мое лицо, я забуду, что собиралась поговорить со своим приятелем из охранной фирмы, и мы будем жить долго и счастливо. А я не могу дождаться, когда мы уже закроем это дело.

– Ну что ж. Давай разыщем Рори Феллона и все выясним. Если нам повезет и он окажется той тряпкой, каким я его себе представляю, он быстро расколется и у меня еще останется время на пробежку, еду и сон.

Стив уставился на меня:

– Ты что, хочешь поехать к нему прямо сейчас?

– Да. А у тебя есть другие идеи?

– Я думал, мы сначала заглянем к подруге жертвы, этой самой Люси. Если она что-то знает, то хорошо бы нам выяснить все до того, как мы начнем с Рори. Чтобы быть во всеоружии.

Разумно, если бы мы расследовали настоящее убийство и имели дело с хитрым маньяком, который прячется во тьме и только и ждет, когда мы оступимся, а не с мелким подонком, который сжал свои кулачки и излил весь свой гнев на подружку. Такой недоносок заслуживает, чтобы мы срезали путь где только возможно. Но взгляд у Стива был до того щенячье-несчастный, что я подумала: «Какого черта. Он ведь тоже скоро перегорит. Зачем же ускорять этот процесс?»

– Ладно. – Я выключила телефон Ашлин и опустила его в пакет для улик. – Давай навестим Люси Риордан.

Стив тут же развернулся к выходу. Свежий воздух ворвался на кухню, пропитанную густой вонью подгоревшего мяса.

Софи, сидя на корточках рядом с камином, брала образцы крови.

– Все, больше не будем вертеться у тебя под ногами, – сказала я. – Если найдешь что-то, о чем нам следует знать, позвони.

– Обязательно. Но пока что у меня пусто. Твоя жертва серьезно подготовилась к званому ужину и тщательно все прибрала. Каждая поверхность старательно протерта. И это хорошо, потому что если вы, ребята, оставили здесь свои отпечатки, то мы всегда сможем доказать, что они свежие. Пока

что у нас есть только фига с маслом. Похоже, вы были правы, наш парень действовал в перчатках. Молитесь, чтобы это было не так.

– Ясно. И вот еще что. С минуты на минуту здесь должен объявиться Дон Бреслин.

– Великолепно. Попытаюсь унять сердцебиение. – Софи бросила мазок в пробирку. – За каким чертом он тебе сдался?

– Шеф считает, что нам нужен человек, умеющий работать со свидетелями.

Софи подняла голову и внимательно посмотрела на меня. Я пожала плечами.

– Или еще из-за какой хрени. Понятия не имею. Но Бреслин будет вести это дело вместе с нами.

– Необычно. – И Софи принялась взбалтывать пробирку.

– Он всего лишь прикомандирован к нам. Поэтому, если найдешь что-то важное, сообщи мне или Морану. И если никто из нас не ответит на звонок, будь поупорнее. Договорились?

Одна из причин, по которой мы так долго не могли закрыть дело с румынами и о которой мы не собираемся сообщать О'Келли, заключалась в том, что когда свидетельница наконец-то набралась храбрости позвонить в отдел, ее звонок так до нас и не дошел. В следующий раз она позвонила только через две недели. И это делает ей честь. Многие на ее месте решили бы просто плюнуть и забыть. Она сказала,

что в отделе с ней разговаривал какой-то парень с ирландским акцентом (под это описание подходят все, кроме меня), пообещавший все передать по адресу. Не думаю, что это был именно Бреслин, но я не настолько ему доверяю, чтобы рискнуть раскрытием еще одного дела.

– Без проблем. – Софи оглядела своих работников: – Конвей, Моран и никто другой. Ясно?

Все кивнули. Криминалистам насрать на детективов и их внутренние склоки. Большинство из них считают нас разбалованными прима-балеринами, которым неплохо бы для разнообразия разок заняться настоящим делом. Но они сделают все, что скажет им Софи. Бреслин от них не добьется ни слова.

– То же касается ее телефона и ноутбука, – сказала я. – Когда пробьете ее почтовый ящик, фейсбук или что угодно, я хочу, чтобы это оказалось прямо у меня.

– Ясно. У меня тут есть один компьютерщик, который умеет слышать, что ему говорят. Я позабочусь, чтобы этим занялся он. – Софи бросила пробирку в сумку для улик. – Будем держать вас в курсе.

Уже от двери я кинула последний взгляд на Ашлин. Софи убрала волосы с ее лица, чтобы взять мазок – надеется найти в ране ДНК убийцы. Смерть начала проступать на лице убитой: челюсть отвисла, глаза ввалились. Но и в таком виде она бередила мою память. *Пожалуйста, прошу вас, как вы не понимаете...* И мой ответ, почти с удовольствием: *Изви-*

ните, ничем не могу вам помочь.

– Когда я ее видела в прошлый раз, она меня довела до бешенства, – сказала я.

– Поступком или словами? – спросил Стив.

– Не помню. Но что-то было...

– А может, и не было. Когда ты в подходящем настроении, взбесить тебя – пара пустяков.

– Да пошел ты.

– А он мне нравится, – крикнула вдогонку Софи. – Можешь его оставить.

Мои мысли были целиком заняты тем, где же я видела жертву раньше, потому я оказалась не готова.

Из двери я шагнула прямо к нацеленному на меня микрофону, едва не лишившись глаза, шум вокруг напоминал лай собачьей своры. Толком не успев сообразить, что происходит, я ринулась вперед со сжатыми кулаками и тут же услышала шелканье фальшивого затвора на смартфоне.

– Детектив Конвей, у вас уже есть подозреваемый? Это серийный убийца? Жертва подверглась сексуальному насилию?

Журналисты бывают очень полезны. У каждого из нас есть среди них свои ребята. Ты даешь им наводки, они сливают то, что ты считаешь нужным слить, а взамен делятся информацией. С прочими акулами пера мы держимся настороженно. Все знают, где проходит граница, никто ее не на-

рушает, и потому все счастливы. За одним исключением – Льюис Краули. Этот маленький говнюк работает в гнусной газетенке «Курьер», которая специализируется на смаковании дел об изнасилованиях, чего не может позволить себе ни одно приличное издание. Его читатели, наверное, тащатся от приливов праведного гнева или от приливов чего-нибудь еще. Краули и выглядит как помесь поэта с извращенцем: грязный плащ поверх вечно мятой рубашки, сальная лысина с начесом и лицо, вечно выражающее попранную праведность. Да я скорее стану чистить зубы напильником, чем скину ему хоть что-то.

– Выслеживал ли преступник свою жертву и должны ли жительницы этого района принять меры предосторожности? Наши читатели имеют право знать.

Диктофон прямо в лицо, смартфон непрерывно фотографирует. От его лысины несет каким-то вонючим парфюмом. Краули подступил почти вплотную ко мне. Я умудрилась не двинуть прямо ему в рыло, когда протискивалась мимо. Неохота потом месяцами строчить рапорты. За моей спиной Стив добродушно бубнил:

– Без комментариев. Без комментариев, без комментариев. Без комментариев по поводу без комментариев.

И снова стайка мальчишек, стоящих с разинутыми ртами. Дрожание тюлевой шторы. Уличный холод после жарко нагретого дома обжигал. Краули едва успел убрать руку с диктофоном от захлопывающейся двери машины. Я подала

назад и выехала, даже не глянув на дорогу.

– Вот же мелкое дерьмо, – сказал Стив, отряхивая пиджак, как будто на него упала перхоть с лысины Краули. – Очень вовремя. Как раз успеет к вечернему выпуску.

Детективы отказались опровергнуть слухи о маньяке. Детективы не отрицают возможности появления нового серийного убийцы. Террор против женщин района? Детективы: «Без комментариев».

Я понятия не имела, куда мы едем, адреса Люси Риордан у нас не было, но все равно гнала как на пожар.

Детективы сожалеют, что заехали журналисту в его поганую рожу.

В последнее время Краули слишком часто и слишком быстро оказывается на моих местах преступления. Я с ним уже как-то поцапалась. В тот раз он пытался вытянуть подробности из подростка, который видел, как его папаша-дилер получил две пули в затылок. Я тогда сказала говнюку, что если он не отвалит от ребенка, я арестую его за препятствование следствию. Краули удалился, бормоча под нос о полицейском произволе, свободе прессы и Нельсоне Манделе. И я вовсе не одна такая. Добрая половина полицейских в городе велела Краули проваливать, поэтому вроде бы у него нет поводов мстить мне лично. Но даже если в его крохотном мозгу произошла фиксация именно на моей особе, это не объясняет, как ему удастся узнавать о моих расследованиях с той же скоростью, что и мне.

Конечно, у журналистов есть свои способы добывать информацию, и таким они с нами не делятся. У Краули наверняка имеется сканер, настроенный на полицейскую волну в рабочие часы и на частоты секса по телефону во все остальное время. И все же стоит попробовать выяснить.

Невозможно работать в Убийствах, если у тебя нет дара проникать под кожу другому человеку, извиваться там и мучить его, пока он не выложит все, что знает, только бы избавиться от тебя. Ты должен быть готов к этому и должен желать сделать это, даже если напротив тебя сидит заплаканный ребенок, потрясенный смертью отца. Ни я, ни Стив не являемся исключением из правила, хотя Стиву очень хочется думать, что он-то как раз является. Я не слишком удивилась, когда впервые поняла, что некоторые парни пользуются этим умением не только для допросов. Такая черта прирастает к тебе, как пистолет к бедру. Когда кобура пустая, ты ходишь скособоченный. Есть такие, которые просто не могут вести себя иначе. Они пользуются этим, чтобы добиваться нужного, и готовы пройти по голове у любого, кто встанет у них на пути, или сломать того, кого посчитают нужным сломать.

Стив молчал, и это правильно с его стороны. Я даже не заметила, как заехала в Феникс-Парк, – может, из-за того, что это единственное место, где я могу спокойно вести машину, не бесясь из-за пробок и идиотов. Дорога шла прямо, между широкими лугами и рядами огромных старых дере-

вьев. Наша машина дребезжала от натуги, словно мы ее вот-вот загоним.

Я сбросила скорость и аккуратно съехала на обочину, предварительно посигналив габаритами.

– Нужен адрес Люси Риордан. У меня есть номер ее мобильного.

Мы вытащили наши телефоны. Стив позвонил своему человеку в телефонную компанию и включил громкую связь. Раздались длинные гудки. Из-за деревьев на нас смотрел олень. Я сообразила, что так и не сняла бахилы. Хорошо еще, что нога не соскользнула с педали и мы никуда не врезались. Я стянула их и кинула на заднее сиденье. Солнечный свет все еще пробивался едва-едва, словно рассвет только что наступил.

Приятель Стива сообщил домашний адрес Люси Риордан в Ратмайнсе, место работы – театр «Фонарь» и дату рождения, из которой следовало, что ей двадцать шесть лет.

– Сейчас только половина девятого, – сказал Стив, – она должна быть дома.

Я проверила голосовую почту. Новое сообщение. Просто жду не дождусь прослушать.

– Да она еще не проснулась, как и все нормальные люди в воскресное утро. – Парк меня раздражал. Небо за окном машины было совершенно пустым, ни одной птицы, огромные деревья, казалось, сжимают вокруг нас кольцо. – Ты поведешь беседу.

Из-за того что у меня нет законных оснований арестовать Краули, или дать ему в морду, или сказать шефу, куда он может засунуть себе криминальную бытовуху, я готова откусить голову первому встречному. И мне не очень хочется, чтобы им оказался наш главный свидетель. Обычно я не такая. Конечно, характер у меня не сахар, но я умею владеть собой вне зависимости от того, как погано мне. Даже в детстве, совсем еще маленькой, я умела терпеливо ждать, пока намеченная жертва не объявлялась в поле зрения, а затем спокойно выбирала нужный момент и дистанцию, чтобы разобраться с гадом. Однако после перехода в Убийства я

подрастеряла это свое свойство. Срывов пока не случилось, но по чуть-чуть, понемногу я начинала слетать с катушек. За последние месяцы несколько раз мой характер только чудом не вырвался на волю и не сотворил бардак, последствия которого я бы разгребала всю оставшуюся жизнь. Недавно я едва не сказала свидетелю, что его тупость несовместима с жизнью. Даже рот уже открыла, спасибо, встрял Стив с каким-то пустячным вопросом. Но в один прекрасный день его не окажется рядом, чтобы вовремя схватить меня за руку, – я точно это знаю. А еще я точно знаю, что в этот самый момент весь отдел набросится на меня, как стая голодных акул. Они разнесут эту историю по всем полицейским участкам, станут смаковать, как мою непристойную фотку, и каждый божий день, до самого конца моей карьеры кто-нибудь будет тыкать меня лицом в грязь.

Убийства – не то что другие отделы. Наш отдел работает с точностью часового механизма. Заточен и беспощаден, как бритва. Гибок и стремителен. Похож на большую кошку в прыжке или на хорошо пристрелянное ружье. Когда я проходила практику в качестве патрульной при Главном управлении, некоторых из нас отправляли в Убийства для всякой мелочевки. Вести протокол или обходить квартиры. Но даже мельком глянув на работу Убийств, я уже не могла отвести взгляда. Я влюбилась.

Вот только за время моей работы тут кое-что изменилось. Как выяснилось, механизм отдела отлажен столь точно, что

принимает далеко не каждого. Нрав у кошечки оказался колючий и дикий, и отдача у ружья, как выяснилось, неслабая. Я пришла в неподходящее время и очутилась не там, где нужно.

Во-первых, у меня нет хрена, а это главный инструмент в раскрытии убийств. За все время существования Убийств тут служило не более полудюжины женщин. Уж не знаю, сами они сбежали или им придали ускорение, но к моему приходу ни одной в Убийствах не было. Некоторые парни считали это нормальным порядком вещей. Им казалось просто наглостью с моей стороны расхаживать здесь, как будто я имею на это какое-то право. Меня следовало проучить. Так думали далеко не все – вначале, по крайней мере. Но тех, что думали так, мне хватало. Первые недели они изучали меня, как хищники изучают свою жертву, запертую в клетке. Сначала это были мелочи – шуточки типа «сколько женщин нужно для...», замечания о том, что я веду себя так, будто у меня бесконечный пмс, намеки, как же я должна быть хороша во всем, раз сумела заполучить это место. Просто чтобы посмотреть, стану ли я смеяться вместе с ними. Как любые хищники, они хотели, чтобы жертва вела себя смиренно, послушно сносила оскорбления, чтобы и не помышляла восстать – она должна молча делать все, что скажут.

Издевались они даже не потому, что я женщина. Это просто сидит у них внутри, им кажется, что унижения – самый легкий способ избавиться от меня, это чистый инстинкт

хищника. Повторялось то, через что я прошла в школе, где была единственным смуглым ребенком в лилейно-белой Ирландии, и понятно, что меня тут же прозвали Черножопкой. Все человеческие существа занимаются этим с первобытных времен: борются за власть, определяют, кто тут альфа-самец, а кто лох, которому уготовано копошиться внизу.

Я ожидала чего-то в этом роде. Каждый отдел испытывает новичков. Когда я появилась в Пропавших без вести, меня сразу попытались отправить на обход квартир с вопросом, не видел ли кто Майю Бизду. Убийства же славились тем, что проделывали такое куда жестче и совсем не смешно. И то, что я этого ожидала, не значит, что я была готова это принять. Если я чему-то и научилась в школе, так это что никому нельзя позволять скинуть тебя вниз. Если окажешься внизу, наверх уже не выберешься никогда.

Конечно, я могла следовать официальной политике и подать жалобу суперинтенданту о дискриминации по половому признаку и создании враждебной атмосферы на рабочем месте. Но, во-первых, это лучший способ еще сильнее ухудшить ситуацию, а во-вторых, я бы скорее отстрелила себе палец, чем побежала плакаться шефу. Поэтому, когда этот маленький говнюк Роше шлепнул меня по заднице, я просто вывихнула ему запястье. В течение нескольких дней он без стона и чашку кофе не мог поднять. Мое послание прозвучало громко и отчетливо. Я ничего и никому не спущу. Я не собираюсь вилять хвостом и задирать лапки кверху. Я гото-

ва к драке с самыми большими псами.

И тогда они ринулись на меня, стараясь выкинуть прочь из своры. Сначала полегоньку. Каким-то образом все в отделе узнали, что моя кузина сидит за торговлю героином. Проверка отпечатков пальцев никогда меня не вставляла, поэтому я так и не узнала, кто же бессчетное количество раз взламывал ящики моего стола. Однажды я повысила голос на свидетеля, который дал фальшивое алиби подозреваемому. Ничего особенного, так иногда поступает любой коп. Но кто-то смотрел на меня в это время сквозь одностороннее стекло, поэтому еще несколько месяцев каждый раз после допроса очередного свидетеля кто-нибудь непременно интересовался: «Ну как, Конвей, от души вызверилась? Он небось в штаны наделал от ужаса и теперь подаст на нас в суд за раннее облысение. В следующий раз этот бедный ублюдок дважды подумает, перед тем как согласится давать показания в полиции». Теперь даже те парни, что прежде были вполне дружелюбны, чуяли запах крови и обходили меня стороной, чтобы не нажить неприятностей. Когда я входила в комнату, немедленно воцарялась гробовая тишина.

Но в те времена у меня, по крайней мере, был Костелло, старейшина Убийств, в функции которого входило опекать новичков. Он здорово помог мне. Никто не осмеливался травить меня в открытую, пока Костелло приглядывал за мной. Несколько месяцев спустя Костелло вышел на пенсию.

В школе у меня была своя компания. Каждый, кто связы-

вался со мной, связывался со всеми, а типы в нашей компании были такие, что иметь дело с ними было себе дороже. Когда прошел слух, будто мой папаша отбывает срок за угон самолета, и половина моих одноклассников отказались сидеть со мной за одной партией, опасаясь, что я таскаю в портфеле бомбу, мы отловили трех сучек, которые этот слух распускали, и вышибли из них всю дурь. В Убийствах после ухода Костелло и до появления Стива я была совсем одна.

Еще при Костелло парни решили вывести травлю на новый уровень. Как-то я на минутку отошла от компьютера, а когда вернулась, кто-то стер весь мой почтовый ящик: входящие, исходящие, контакты – все. Некоторые теперь отказывались работать со мной в паре во время допросов. «Не ставьте меня с ней! Я не хочу нести ответственность, когда она развалит дело». Во время обширных облав, куда брали каждого, у кого температура чуть выше температуры окружающей среды, меня оставляли в отделе. В спину мне неслось: «Да она и слона в снегопад не заметит». На рождественской вечеринке, на которой я едва пригубила пива, кто-то сфотографировал меня сидящей с полузакрытыми глазами. На следующий день снимок красовался на нашей доске объявлений с подписью: АЛКОКОП. К вечеру все уже знали, что у меня проблемы с алкоголем. А к концу недели каждому было известно, что я напилась в дым, заблевала себе туфли и взяла в рот у одного из коллег. Я так и не смогла выяснить, кто являлся источником этих слухов и сколько этих источ-

ников было. Даже если я прослужу в полиции до самой пенсии, всегда будут находиться такие, кто поверит в эти рассказы. Обычно мне по барабану мнение окружающих, но когда я не могу делать свою работу из-за того, что мне не доверяют настолько, что боятся даже близко подойти, я начинаю беспокоиться.

Вот потому-то именно Стив звонит приятелю, чтобы получить информацию о Люси Риордан. В процессе работы ты неизбежно обрастаешь полезными связями – на случай, если ответ на официальный запрос потребует слишком много времени. Несколько месяцев назад я водила полезную дружбу с пареньком из «Водафона». Но в один прекрасный день я позвонила ему, чтобы выяснить, кому принадлежит один телефонный номер, а он принялся мямлить и ужом извиваться. Я даже не потрудилась потребовать объяснений. Заранее знала, пусть и без деталей, что и кто ему про меня наплел, в общих чертах представляла, чем ему пригрозили. И вот поэтому Стив звонит в телефонную компанию, когда нам нужна информация, а также ведет допросы, когда я слишком взвинчена и не уверена, что смогу держать себя в руках. А я все продолжаю твердить себе, что им меня не одолеть.

Голосовое сообщение, разумеется, от Бреслина, вот мне свезло.

Привет, Конвей!

Голос у Бреслина красивый – мягкий, глубокий, артикулирует этот козел получше иного диктора, сразу ясно, ма-

мочка с папочкой не пожалели денег на частную школу, чтобы ему не пришлось якшаться с людьми вроде меня и Стива. И абсолютно ясно, что он это прекрасно знает. Думаю, в детстве он мечтал читать закадровый текст в фильмах фэнтези – таких, что начинаются со слов «В стародавние времена...».

Я очень рад поработать с вами, ребята! Нам надо как можно скорее установить контакт. Позвоните мне, как прослушаете это сообщение. Я пока сгоняю на место преступления, огляжусь, что и как. Если не застану вас там, мы поговорим, когда вернусь. И сразу начнем действовать.

Клик.

Стив направил на меня указательный палец пистолетом и подмигнул:

– Йеее, бэби! Хочешь установить контакт?

Я невольно фыркнула:

– Так и кажется, что его язык вывалится сейчас из телефона и облизет тебе ухо.

– Я уверен, ты будешь просто счастлива.

Мы захихикали, как пара школяров. Бреслин разрядил обстановку – он воспринимает себя настолько всерьез, что ты, сколько ни живи, такого уровня все равно не достигнешь, глупо даже пытаться.

– А все потому, что прежде, чем позвонить тебе, он опрыскал язык очень дорогим одеколоном. Специально для тебя. Я чувствую себя особенным. – Стив прижал руку к сердцу. – А ты разве не чувствуешь себя особенной?

– Я чувствую, что мне срочно необходима салфетка, вытереть паточку с уха. Что может снять его у нас с хвоста еще на некоторое время?

– Оперативный штаб?

А что, это совсем неплохая идея! Кто-то же должен его организовать. И Бреслин сделает это как никто – с доской, на которой мы будем вести записи, с несколькими телефонными линиями. Нам-то со Стивом выделяют крысиную нору, которая служила прежде раздевалкой и до сих пор воняет потными носками.

– В любом случае мы не сможем долго держать его на расстоянии. Если уж по-честному, то шеф назначил его помогать нам с допросами, и он наверняка захочет в них поучаствовать.

– Вот только не надо «по-честному». Я не в настроении быть честной с Бреслином. – Но настроение у меня улучшилось, вот что значит вовремя посмеяться. – Оперативный штаб – это хорошо. Давай попробуем.

– Только не кидайся сразу откусывать ему башку, – предостерег Стив.

– И не собиралась. А с другой стороны – почему бы и нет? Отношения с Бреслином у нас далеко не самые худшие. Как правило, он просто нас игнорирует. Но это не значит, что он мне нравится.

– Потому что его к нам приставили? Потому что, если мы с самого начала будем с ним на ножах, это может сильно

усложнить нам жизнь?

– Ты всегда все сумеешь сгладить. Пройдешься язычком по его ушку, он и разомлеет.

Я позвонила Бреслину на автоответчик – если уж необходимо с ним общаться, то предпочитаю делать это не напряжную – и оставила сообщение.

«Бреслин, это Конвей. С нетерпением жду начала совместной работы. – Я посмотрела на Стива, изогнула бровь: вот видишь, я могу прилично себя вести. – Мы едем забрать парня, который вчера должен был ужинать с жертвой, и привезем его в участок для допроса. Сможешь к тому времени быть там? Нам очень важно знать, что ты о нем думаешь».

Стив почмокал губами, изображая, будто отсасывает. Я показала ему средний палец.

«По пути мы подскочим к ближайшей подруге убитой и побеседуем с ней. Может, ей что-то известно. Ты сможешь за это время организовать штаб? Ты ведь вернешься в отдел раньше нас. Спасибо. До встречи».

Я дала отбой и снова глянула на Стива:

– Видал?

– Просто охренеть. Если бы в конце ты послала ему воздушный поцелуй, то было бы идеально.

– Шутник.

Мне уже хотелось уехать отсюда. Обнаженные деревья вокруг подступили почти вплотную, будто сделавшись ниже, казалось, за то время, пока мои мысли были заняты Бресли-

ном, они сомкнули кольцо.

– Давай узнаем, насколько дрянных практикантов нам подобрали.

Стив уже звонил. Бернадетта, заправлявшая у нас в офисе, дала ему шесть номеров. О’Келли не ограничивал нас в ресурсах. Из шести доставшихся нам парочка оказалась вполне ничего, а один совсем дурной. Если понадобятся еще практиканты, придется заполнить кучу бумаг в трех экземплярах и объяснить, почему мы сами не можем управиться с нашей грязной работой. Короче говоря, изображать дрессированных пуделей, на задних лапах вымаливая подачку.

Позже мы проведем первое следственное совещание. Я, Стив, Бреслин и практиканты в полном составе – соберемся в оперативном штабе. Каждый вооружится блокнотом и будет черкать, пока я даю картину ситуации. Потом мы распределим сферы деятельности. Время не ждет, и кое-что надо сделать безотлагательно. Стив выберет из практикантов двух счастливчиков для обхода домов по Викинг-Гарденз – выяснять, что знают их обитатели об Ашлин Мюррей и что они видели или слышали прошлой ночью. Двое других отправятся собирать все, что можно, с видеокамер в районе, пока записи не стерты. Двух оставшихся я пошлю найти адрес Рори Феллона, а затем выяснить, дома ли он сейчас, и если да, то пусть засядут где-то поблизости и приклеятся к нему, вздумай он отправиться куда-то. Они могли бы, конечно, привезти его в отдел, но в мои планы не входит, чтобы

Бреслин увидел его в коридоре и сделал нам со Стивом одолжение, выбив из него признание, пока мы будем где-нибудь мотаться.

Мой телефон завибрировал. Снова Бреслин. Я сбросила звонок на голосовую почту.

Оглядев помятого после ночной смены Стива, я получила представление о том, как выгляжу сама. Поэтому, прежде чем встречаться с Люси Риордан, мы произвели быструю перезагрузку. Разгладили складки на пиджаках, смахнули крошки вчерашних сэндвичей с рубашек, Стив причесался, а я распустила волосы и снова стянула их в тугий хвост. Косметикой на работе я не пользуюсь, но та часть моего лица, что умещалась в зеркале заднего вида, смотрелась вполне прилично. В удачные дни я выгляжу роскошно, а в неудачные вы не сможете меня не заметить. Я похожа на отца – по крайней мере, я так думаю. От матери у меня только высокий рост, но не густые черные волосы, не слегка выдающиеся скулы и не кожа, которой не требуется солярий. Я ношу хорошие костюмы, подогнанные точно по росту и фигуре, стройной и крепкой, а те, кто думает, что я должна заворачиваться в дерюгу, чтобы в их головах не завелись непристойные мысли, могут отправляться сами знаете куда. Некоторым кажется, что я должна прятать свой рост и свою женственность, а я швыряю это все прямо им в лицо. И если кто-то не способен этого вынести, что ж, я всегда могу воспользоваться его слабостью.

– Ну? – спросил Стив.

Он выглядел как маменькин сынок, принаряженный для воскресной мессы, но это его маскировка. Каждый использует свои природные таланты, а талант Стива – выглядеть так, что родители воспарят на небо от счастья, если их дочь приведет в дом такого паиньку.

– За дело! – сказала я, бросив последний взгляд в зеркало. – Двинули.

Я выжала газ, и «кадетт» вылетел из парка, прикинувшись, будто он настоящая машина. А у меня внезапно появилось мерзкое ощущение, что деревья, ломая ветви, рушатся позади нас ровно на тот пяточок, где мы только что стояли.

Люси Риордан жила в одном из старых высоких домов с балконами, поделенных на квартиры. Большинство таких домов – самые настоящие крысиные норы, но этот выглядел пристойно. Палисадник ухоженный, оконные рамы покрашены не в прошлом столетии, и всего шесть кнопок звонков на входной двери вместо обычной дюжины. Значит, владельцы не набивают жильцов в комнатенки по восемь квадратных метров и не заставляют пользоваться одним сортиром на всех.

Мне пришлось жать на кнопку звонка, пока из домофона не донесся заспанный голос:

– Да?

– Люси Риордан? – спросил Стив.

– Кто это?

– Детектив Стивен Моран. Мы можем поговорить?

Повисло молчание. А потом сонливость с голоса Люси как ветром сдуло.

– Уже спускаюсь.

Дверь распахнулась резко и широко. Невысокая и хорошо сложенная, такая фигура не приобретает долгими тренировками в спортзале, она дается от природы – нет ощущения тела, взятого напрокат. Короткая стрижка, платиновая челка спадает на красивое подвижное лицо – бледное, оттененное остатками вчерашней туши. Одета в черную толстовку, штаны карго, заляпанные краской, в ушах целая коллекция серебряных побрякушек, босая – и явно мучается похмельем средней тяжести. Ничего общего ни с Ашлин Мюррей, ни с той, кого я ожидала увидеть.

Мы показали свои удостоверения.

– Я детектив Стивен Моран, – повторил Стив, – а это моя коллега детектив Антуанетта Конвей.

Он замолчал. Такую паузу стоит выдерживать всегда.

Люси даже не взглянула на наши удостоверения.

– Что-то случилось с Ашлин?

Именно для этого и предназначена пауза. Чего только не услышишь от людей, пока молчишь.

– Позвольте нам зайти на пару минут? – спросил Стив.

На этот раз она внимательно изучила наши удостоверения: то ли хотела убедиться, то ли обдумывала решение. Наконец сказала:

– Ладно. Проходите.

Повернулась и начала подниматься по ступеням.

Ее квартира находилась на первом этаже и вполне оправдала мое предположение – была очень даже неплоха. Маленькая гостиная с кухонькой и две двери: одна – в спальню, другая – в ванную. Прошлым вечером Люси явно принимала гостей. Повсюду банки из-под пива, запах табака еще витает в воздухе. Но и вылизанное до блеска, это помещение ничем не напоминало бы дом Ашлин. Шторы сделаны из старых почтовых открыток, нанизанных на леску, элегантный деревянный столик для кофе, пара диванов, накрытых пледами с мексиканским орнаментом, телефон в стиле 70-х и чучело лисы верхом на мотке кабелей рядом с телевизором. Никто не заказывал эту обстановку по каталогу.

Пробормотав извинения за то, что дневной свет будет бить Люси в лицо, мы со Стивом расположились на диване у окна. Я вытащила из кармана блокнот, давая понять Стиву, что не собираюсь просидеть всю беседу молча. О’Келли – идиот, Стив прекрасно умеет разговаривать со свидетелями. Может, и не так гладко, как Бреслин, но почти любого он способен убедить, что выступает на его стороне. До недавнего времени и я была не хуже в этом трюке, да Люси и не выглядит так, будто намеревается вывести меня из равновесия. Она же не дурочка, в самом деле.

– Здесь есть кто-нибудь, кроме вас? – спросил Стив.

После нашей беседы Люси явно понадобится поддержка.

Та, устроившись в кресле напротив, переводила взгляд с меня на Стива и обратно.

– Нет. Никого. Только я. А почему...

Обычно лицо свидетеля одновременно выражает стремление помочь, желание узнать, что случилось, и мысль *о-госпо-ди-я-же-не-влип-в-неприятности*. В тех районах, где полиция не пользуется особой популярностью, выражение лица другое – насупленный взгляд трудного подростка. Причем так на тебя будут смотреть люди, давно перешагнувшие порог тинейджерства. Лицо Люси не выражало ни того ни другого. Она сидела прямо, ноги напряжены, словно она готова вскочить в любую секунду, глаза широко раскрыты. Насторожена, напугана и вся сосредоточена на этом своем страхе. На кофейном столике стояла пепельница зеленого стекла, которую стоило бы вытряхнуть до того, как впускать в дом полицейских. Мы со Стивом притворились, что не замечаем ее.

– Сначала мне нужно, чтобы вы кое-что подтвердили, – с самой успокаивающей улыбкой сказал Стив. – Вы Люси Риордан. Родились 12 апреля 1988 года. Работаете в театре «Фонарь». Все верно?

Спина у Люси напряглась. Никому не нравится, что полиция располагает информацией, которую человек сам не сообщил. Но Люси это нравится явно меньше остальных.

– Да, я технический управляющий театра.

– И вы подруги с Ашлин Мюррей. Близкие подруги.

– Мы знаем друг друга с детства. А что случилось?

– Ашлин мертва, – произнесла я.

Сказала я это вовсе не потому, что у меня напрочь отсутствует чувство такта. После ее слов в дверях я хотела увидеть реакцию.

Люси впилась в меня взглядом. На ее лице сменилось столько выражений, что я не успела толком разобрать ни одно. У нее перехватило дыхание.

– Сожалею, что ваш день начинается с дурных вестей.

Схватив со столика пачку легких «Мальборо» и не спрашивая у нас разрешения, Люси достала сигарету. Даже ее руки выглядели энергично: сильные кисти, коротко подстриженные ногти, пальцы в мозолях и шрамах. На мгновение пламя зажигалки дрожью зашло в ее ладонях, но вот она уже взяла себя в руки и вся ушла в затяжку.

– Как?

Голову она опустила, челка полностью укрыла лицо.

– Мы ничего не можем пока утверждать наверняка, но ее смерть кажется нам подозрительной.

– То есть ее убили. Так?

– Похоже на то.

– Черт! – Люси произнесла это до того тихо, будто и сама не осознавала, что сказала это вслух. – Черт! Черт!

– А почему вы решили, что наш визит связан с Ашлин? – спросил Стив.

Люси подняла голову. Она не плакала, и это уже хорошо,

но лицо мертвенное. Невидяще глядя перед собой, она выговорила:

– Что?

– Когда мы стояли внизу, вы сказали: «Это из-за Ашлин?»

Почему вы так решили?

Сигарета дрожала, Люси перевела на нее взгляд и плотнее сжала пальцы.

– Я не знаю. Мне так показалось.

– Подумайте. Должна же быть какая-то причина.

– Не знаю. Просто это было первое, что пришло в голову.

Мы ждали. Где-то в стенах глухо урчали трубы отопления. Этажом выше сосед неразборчиво кричал что-то, кто-то с топотом пробежал по комнате, и портьеры-открытки заколыхались. На диване рядом с креслом Люси мягкая игрушка – Гомер Симпсон, на лбу кто-то вывел непристойное слово. Похоже, вечеринка удалась на славу. Первое, что сделает Люси, когда сможет разглядеть хоть что-то вокруг себя, засунет эту куклу на самое дно мусорной корзины.

После длительного молчания Люси чуть обмякла. Она не будет плакать, и ее не вырвет. По крайней мере, сейчас. У нее есть дела поважнее. И у меня складывалось стойкое впечатление, что для начала она решила соврать нам.

Страхивая пепел прямо на окурки с травкой в пепельнице, она заговорила осторожно, обдумывая каждое слово:

– Ашлин только начала встречаться с этим Рори. Вчера она пригласила его к себе на ужин. Он в первый раз должен

был прийти к ней в дом. До этого они встречались только на людях. Поэтому когда вы сказали, что из полиции, то первое, о чем я подумала: может, что-то у них стряслось. Другой причины, по которой бы вам понадобилось побеседовать со мной, я не могу себе представить.

Чушь. Я с ходу могла придумать десяток причин: марихуана, соседи пожаловались на шум, неподалеку на улице случилась потасовка, а мы ищем свидетелей, бытовуха в соседнем доме. Могу подбросить еще несколько, если надо, и я уверена – Люси способна сделать то же самое. Вот и пошло вранье.

– Ясно, – сказала я. – Кстати, вчера вечером вы с Ашлин переписывались как раз об этом свидании.

Люси снова напряглась, пытаясь вспомнить, что же она писала.

– Вы написали... – Я притворилась, что ищу запись в блокноте. – Вы написали: «Будь осторожна, ок?» Что вы имели в виду?

– Я уже говорила. Они знакомы недолго и впервые должны были остаться наедине.

Стив изобразил удивление:

– Вам не кажется, что это слегка отдаёт паранойей?

Брови Люси поползли вверх, и она окинула Стива враждебным взглядом.

– Вы так думаете? Я же не сказала ей спрятать в лифчик заряженный револьвер. Просто посоветовала быть осторож-

ной, потому что к ней придет посторонний человек. Вы считаете это паранойей?

– Я считаю это разумной предосторожностью, – одобрила я. Люси благодарно взглянула на меня, и напряжение снова немного отпустило ее. – Я бы сказала своей подруге то же самое. А вы знакомы с Рори?

– Да. Я даже присутствовала, когда они встретились впервые. Один мой коллега с работы, Лар, написал книгу по истории дублинских театров. Презентация книги происходила в книжном магазине Рори «Вэйвард», это в Раннелах, знаете? Там был народ из театральной тусовки, и я предложила Ашлин присоединиться к нам. Я думала, ей не повредит немного проветриться.

Люси выдавала кучу информации. Это древний метод допроса: один из вас выводит свидетеля из себя, и тот все выкладывает второму. Мы со Стивом частенько таким пользуемся, только обычно у нас я – злая, а Стив – добрый. Пока я, впервые за долгое время, наслаждалась ролью хорошего полицейского, Стив писал в блокноте.

– Там Рори и Ашлин и нашли друг друга, – подытожила я.

– Еще как нашли. Лар немного почитал из своей книги, потом подписывал экземпляры, мы шатались по магазину, угощаясь халявным вином, а Ашлин и Рори разговаривали. Они будто растворились в одном из уголков магазина. Нет, они не тискались, просто разговаривали и смеялись. Я думаю, Рори так всю ночь готов был провести, но у Аш прави-

ло: никогда не разговаривать с парнем слишком долго...

Люси замолчала и закрыла глаза. Вот он, этот фильтр: чтобы мы, не дай бог, не подумали плохо о ее дражайшей Аш, но я уже поняла, о каких «правилах» она проговорилась, и продолжила за нее:

– ... чтобы он не догадался, что нравится ей. – И я кивнула, точно находила это вполне очевидным.

– Да, именно. Почему-то считается, что это неправильно. – Люси повела плечом, скривила губы, но это было не раздражение, а нежность. – Короче, где-то через час Ашлин прибежала ко мне, вся такая: *господи-ты-боже-мой-он-такой-красивый-такой-умный-такой-забавный-и-такой-милый-и-нам-*

было-так-чудесно... Она сказала, что дала ему свой номер телефона, а теперь ей надо поболтать с кем-нибудь другим. Поэтому она провела остаток вечера с нашей компанией, но все время спрашивала: «А куда он смотрит? А что он делает? А он ищет меня глазами?» А он только это и делал, искал ее. Они оба втюрились по уши.

– А какая у Лара фамилия? – спросила я. – И когда именно проходила презентация, на которой они встретились впервые?

– Лар Фланнери, Лоренс. Это было в начале декабря. Точную дату не помню. В воскресенье вечером, чтобы ребята из театра могли прийти.

– А после этого вы встречались с Рори?

– Нет. Ни разу. Да и Ашлин встречалась с ним всего несколько раз. Она не торопила события.

Люси припала к сигарете и сделала длинную затяжку. Она явно чего-то недоговаривала. Мы со Стивом молчали, но на этот раз у Люси не было намерения помогать нам, вместо этого она спросила:

– Скажите... В смысле, вы думаете, что это Рори ее?...

Вопрос был вполне естественный, но внезапно в ее голосе проскользнула необычная интонация, которую я не смогла распознать, а в глазах за челкой появилась какая-то странная настойчивость. Этот вопрос значил для нее гораздо больше, чем она хотела показать, и ей требовался четкий ответ.

– А как вам кажется? – подал голос Стив. – Вы бы подумали на него?

– Я ни на кого не думаю. Вы же детективы. Он ваш главный подозреваемый? Или как у вас это называется?

– А в Рори было что-то конкретное, что подавало бы вам сигнал тревоги? Что-то, из-за чего вам казалось, что с ним надо держаться начеку?

Люси явно хотелось повторить свой вопрос, но она сдержалась. Умная, толковая, сообразительная. Что бы она от нас ни скрывала, только удачное стечение обстоятельств поможет нам это выяснить.

Она снова затянулась.

– Нет. Ничего особенного. Приятный парень. Немного зануда, на мой вкус, но Аш явно видела в нем что-то, чего я

не уловила, так что...

– Она говорила когда-нибудь, что боится его? Или что он оказывает на нее давление? Или пытается ее контролировать?

Люси покачала головой:

– Нет. Ничего подобного она не говорила. Никогда. Только какой он чудесный, и как ей с ним спокойно, и как она ждет не дождется снова его увидеть. А вы думаете...

– Люси, давайте не будем ходить вокруг да около. Мне непонятно, почему вы так волновались за Ашлин. Послать ей сообщение с просьбой быть осторожной – это я могу понять. Но как вы догадались по одному нашему виду, что мы здесь из-за нее? Вы ведь только что сами сказали, что Рори не вызывал у вас опасений, что он производит впечатление хорошего парня. Как-то не вяжется. Вы ведь могли подумать, что мы пришли из-за соседа, толкающего наркоту, или из-за того, что ночью кого-то поблизости пырнули ножом, или кого-то из ваших родственников ограбили, или его сбила машина. Нет ни одной причины, по которой вы должны были первым делом подумать об Ашлин.

Люси докурила до самого фильтра, не спеша затушила окурок в пепельнице – она не тянула время, а обдумывала. Свет из окна заливал комнату, совершенно безжалостный к Люси, он словно соскоблил все, что было в ней необычно и привлекательно, и выставил напоказ мешки под глазами да размазанный по бледному лицу тональный крем.

– Могу я налить себе воды? Голова просто раскаляется.

– Конечно, – ответила я. – Мы никуда не торопимся.

Она прошла на кухонную половину и медленно повернула кран, подставила ладони под воду, спрятала в них лицо и замерла, плечи ее вздрагивали. Вернулась она, держа в одной руке пивной бокал, а другой утирая лицо, и выглядела при этом, будто очнулась.

Усаживаясь в кресло, Люси заговорила:

– Ладно. Я думаю, что у Аш был еще кто-то. Кроме Рори.

Взглядом она проверила нашу реакцию. В глазах снова странная настойчивость. Мы со Стивом не смотрели друг на друга, но, похоже, могли обмениваться мыслями.

Ну конечно, мне сразу показалось, здесь что-то не так. – Стив.

На сегодня пробежка у меня отменяется. – Я.

– И кто он? – спросил Стив.

– Я не знаю. Она не говорила.

– Даже имени не упоминала?

Люси так сильно замотала головой, что челка буквально завесила ей лицо, она откинула волосы.

– Нет. Даже ни разу не сказала напрямую, что встречается еще с кем-то. Мне просто так казалось. Ничего конкретного я вам сказать не могу.

– Хорошо, – кивнула я. – Предположим. Но почему вам так казалось?

– Да так. Всякие мелочи. Это началось несколько меся-

цев назад, еще до того, как Аш встретила Рори. Я предлагала ей сходить куда-нибудь вместе, посидеть, но она постоянно отказывалась, и вечно с какими-то странными отговорками типа «Не могу, у меня сегодня пилатес». Или соглашалась, но в последний момент присылала сообщение: «Планы изменились. Можем перенести на завтра?» И вообще она будто отдалялась. Стала очень следить за прической, за ногтями. Теперь все всегда было идеально. А когда подруга от тебя отдаляется и начинает очень следить за собой... – Люси пожала плечами. – Обычно это означает новый роман.

Ашлин отменила свидание с Рори всего за несколько часов до назначенного времени. А я-то думала, она просто хотела показать, кто здесь босс. И снова то неясное чувство, которое я испытала на кухне у Ашлин, когда Стив обратил мое внимание на плиту. Будто мираж, музыка вдалеке, мерцание.

– И когда же все это началось? – спросил Стив.

Люси провела пальцем по бокалу, задумалась – может, действительно пыталась вспомнить, а может, сочиняла ответ.

– Где-то с полгода назад. В конце лета.

– Вы представляете, где они могли бы познакомиться? На работе? В пабе? Какое-нибудь общее увлечение?

– Понятия не имею.

– Кроме вас, у Ашлин были друзья?

Люси пожала плечами.

– Иногда она ходила пропустить стаканчик с коллегами по работе. Но друзей не было.

– Она увлекалась чем-нибудь?

– Ничем особенным. Последние пару лет она ходила на несколько вечерних курсов: сальса, макияж, испанский. Прошлым летом брала уроки кулинарного искусства. Она вполне общительная, но при мне никогда не упоминала какое-то конкретное имя. Никого, о ком бы говорила снова и снова. Ничего такого.

Ашлин Мюррей представлялась мне все более и более интересной личностью.

– Послушайте, Люси, я тут чего-то не улавливаю. Аш – ваша ближайшая подруга, с детства, и она ничего не рассказывает вам о своем ухажере?

Снова в глазах настороженность.

– Я сказала, что мы дружим с детства. Я не говорила, что она моя ближайшая подруга.

– Нет? Тогда кто она вам?

– Приятельница. Мы тусовались вместе еще в школе, и эта связь сохранялась и после. Мы не то чтобы обменивались телепатическими волнами.

На лице Стива проступило озабоченно-укоризненное выражение.

– Люси, вы знаете, как мы нашли вас? Только ваш номер телефона значится в списке экстренных контактов Ашлин. В такие списки заносят только тех, кто по-настоящему близок.

– Ее мать умерла несколько лет назад. Отца у нее нет. Она единственный ребенок в семье. Кого еще она могла внести в этот список?

И снова лжет, пытается почему-то представить их дружбу чем-то вроде камушка в туфле, вот только тепло, с которым она говорила о пресловутых «правилах Ашлин», свидетельствует об обратном.

– И именно с вами Ашлин чаще всего говорила и переписывалась по телефону. Как вы и сказали, у нее было мало друзей. Она-то точно считала вас ближайшей подругой. Она знала, что вы это воспринимаете иначе?

– Мы подруги. Я так и сказала. Но мы не то чтобы не разлей вода. Мы неверяем друг другу сокровенных тайн. Ясно?

– А кому же Ашлин их поверяла? Если не вы, кто был ее ближайшим другом?

– Такого, о каком вы говорите, у нее не было. С некоторыми это случается.

Голос ее сорвался. Я решила дальше не давить, она и так держалась из последних сил, и не хотелось, чтобы она разлетелась на мелкие кусочки прямо сейчас.

– Ну хорошо, – сказала я. – Но когда я начинаю с кем-то встречаться, то рассказываю об этом своим друзьям. Пусть даже не самым задушевным. Вы – нет?

Люси отпила воды из бокала и немного успокоилась.

– Да. Конечно. Но Ашлин ничего мне не сказала.

– Вы говорили, что она постоянно рвалась поговорить о Рори, о том, какой он замечательный. А она рассказывала вам о других своих приятелях, тех, которые были до него? Знакомила с ними?

– Да. Правда, это было несколько лет назад. Но да, она меня с ними знакомила.

– Она хотела поговорить о них, узнать, как они вам, верно?

– Да.

– Но не в этот раз?

– Нет. Не в этот раз.

– Есть соображения – почему? – спросил Стив.

Люси потеряла доньшком стакана пятно фиолетовой краски на штанах, потом попыталась соскрести его ногтем.

– Я бы предположила, что он женат. Нет? – И посмотрела на меня.

Я согласилась:

– Я бы тоже так подумала. А вы ее не спрашивали?

– Никогда. И знать об этом не хотела. Такие истории не для меня, и Аш прекрасно это известно. Мы обе не стали бы о таком говорить. Ничего хорошего, кроме ссоры, из этого не вышло бы.

– Вы хотите сказать, что Ашлин могла бы встречаться с женатым мужчиной. Что это не было табу для нее.

Люси удалось отскоблить краску, и она перекатывала комок между пальцами.

– Звучит так, будто Аш была коварной разлучницей и разрушительницей семейных очагов. А она была не такой. Со всем. Она просто... Она очень неопытная. Во многих вещах. Я понятно объясняю?

Быстрый взгляд на меня. Я кивнула. Она словно постарела с тех пор, как мы появились, на лице обозначились морщины, этот разговор совсем вымотал ее.

– И если кто-то был в чем-то уверен, то Аш это принимала. Поэтому я могу представить ее себе встречавшейся с женатым мужчиной. Не потому что она считала, что это хорошо, а потому что ее убедили, что это нормально.

– Ясно, – сказала я.

Это просто счастье, что жертва у нас Ашлин, а Люси – свидетель, а не наоборот. Поскольку к этому моменту я уже была готова отхлестать Ашлин одним из ее полотенчиков в клеточку.

– Вы, наверное, очень обрадовались, когда она начала встречаться с Рори, – сказал Стив. – Хороший парень, не женат. Из-за него вы с Ашлин наверняка не поссоритесь. Правда?

– Да. – Но ответ задержался на какую-то долю секунды. Что-то еще промелькнуло в голове у Люси, и об этом с нами ей говорить не хотелось.

Я спросила:

– Как вам кажется, она покончила с прошлыми отношениями до того, как начала встречаться с Рори? Или у нее бы-

ло два романа параллельно?

– Откуда мне знать. Как я уже говорила...

– Ее планы остались столь же непредсказуемыми? Она по-прежнему все отменяла в последнюю минуту?

– Мне кажется – да.

– Так вы поэтому волновались за Ашлин?

Люси по-прежнему мяла в пальцах комочек краски, локти уткнуты в бедра, голова низко опущена.

– Как же не волноваться? Жонглировать двумя парнями, один из которых к тому же женат. Это не может хорошо закончиться. Аш, она... она в каких-то вещах очень наивна. Не понимала, в какой ситуации оказалась. Я лишь хотела, чтобы она это осознала.

В этом уже был какой-то смысл, но явно недостаточно.

– Вы сказали, что Рори не вызывал никаких подозрений. А как насчет того, другого?

– Я сказала, что НЕ ЗНАЮ о нем ничего. Вот что я сказала. Но мне очень не нравилась вся эта ситуация.

Она снова напряглась, локти плотнее вжались в бедра. Не знаю, вокруг чего мы ходили, но ей явно не нравилось находиться поблизости от этого. Мне и самой не нравилось. Люси не дура, она должна понимать, что сейчас не время пудрить мозги.

Я предприняла еще одну попытку:

– И все-таки это еще не объясняет, почему вы подумали об Ашлин, как только мы здесь появились. Хотите попытаться

объяснить еще раз?

– Да я же все сказала! А что еще могло случиться? Может, я веду слишком пресный образ жизни, но большинство людей, с которыми я общаюсь, не делают ничего такого, из-за чего два детектива могут появиться на моем пороге.

– Ага, – сказала я.

Потом слегка наклонилась и подтолкнула пепельницу в сторону Люси. Пепельница скользнула по столику, и в воздух поднялось облачко пепла.

– Так. Попробуйте еще разок.

Люси подняла голову и выдала еще один настороженный взгляд. Стив рядом со мной заерзал. Я знаю, что его ерзанье означает «прекрати это». Я уже хотела врезать ему локтем под ребра, но тут подумала, что он прав. Ведь для Люси я была хорошим копом, а если продолжу в том же духе, потеряю ее расположение навсегда.

И я сказала, уже мягче:

– Мы не хотим навредить вам. Нас интересует Ашлин.

Ее взгляд сделался чуть менее настороженным. Стив, быстренько втиснувшись в излюбленную шкуру доброго копа, ласково попросил:

– Расскажите нам о ней. Как вы познакомились?

Люси закурила следующую сигарету. Я люблю никотин. Он возвращает свидетелей в зону комфорта, когда приходится задавать неудобные вопросы; он не дает родным и друзьям жертвы потерять разум; он позволяет нам довести подозре-

ваемого до белого каления, а потом кинуть ему успокаивающую никотиновую пилюлю, чтобы немного остыл. С некурящими все сложнее. Нужно искать другие подходы, чтобы их контролировать. Будь моя воля, каждый замешанный в деле об убийстве курил бы по пачке в день.

– В средней школе, – сказала Люси. – Нам тогда было по двенадцать лет.

– А... Так вы жили поблизости? Где?

– Грейстоунс.

Это рядом с Дублином. Городок небольшой, но довольно населенный. Значит, Люси и Ашлин дружили, потому что нравились друг другу, а не потому что больше было не с кем.

– А какой Ашлин была в детстве? – продолжал Стив. – Если бы надо было описать ее одним словом?

Люси задумалась, по лицу ее опять скользнула тень нежности.

– Застенчивая. Очень застенчивая. Это, может, было не самой основной ее чертой, но тогда заслоняло почти все остальные.

– Для застенчивости имелась какая-то причина? Или это было свойство характера?

– Отчасти характер, отчасти возраст. Но в первую очередь, думаю, из-за матери.

– А какой была ее мать?

Вот что я имела в виду, говоря, что Стив умеет работать со свидетелем. То, как он подался вперед, то, как кивал голо-

вой, то, каким тоном говорил, – даже я готова поверить, что интерес у него не формальный, а личный и очень искренний.

– Она была не в себе, – ответила Люси. – Миссис Мюррей, понятно, а не Аш. У нее по-настоящему было не все в порядке с головой. Ей бы на терапию или таблетки попринимать. А может, и то и другое.

– А что с ней случилось?

– Аш рассказывала, что когда-то, еще до того, как мы познакомились, ее мать была здорова. Но когда Аш должно было исполниться десять, от них ушел отец.

Мы вроде бы удалились от убийства, от тайн и от того, что она там скрывает, так что Люси могла бы расслабиться, но нет, пальцы по-прежнему стискивают сигарету, а ступни так крепко уперты в заляпанный краской пол, что можно поду-мать, она в любую секунду готова сорваться с места и бежать.

– Они так и не узнали, почему он ушел. Он ничего не ска-зал. Просто... исчез.

– И это сломило миссис Мюррей?

– Да, она так и не оправилась. Начала скатываться вниз и не смогла остановиться. Аш говорила, что это от стыда. Миссис Мюррей считала, что она сама во всем виновата. – Люси скривила рот, не выпуская сигарету из губ, но на этот раз в ее лице не было и тени нежности. – Вы же знаете это поколение. Женщина всегда и во всем виновата. А если не виновата, значит, молилась недостаточно истово. Мама Аш

просто изъехала себя из жизни. Отдалилась ото всех. Она ходила в магазин и к мессе, но не более. Словом, к тому времени, когда мы познакомились, Аш уже два года как сидела дома, в компании своей мамыши и телевизора. Братьев и сестер у нее не было. Я не любила ходить к ним, от одного вида ее мамыши меня просто в дрожь бросало. И я слышала, как она плачет у себя в комнате, а то встанет посреди кухни и смотрит в пустую тарелку, пока у нее на плите что-то подгорает. И шторы вечно задернуты, чтобы никто, не дай бог, ее не увидел и не... я даже не знаю... не подумал о ней плохо, что ли. И Ашлин приходилось во всем этом жить!

Стив явно нажал на клавишу «пуск». Люси говорила все быстрее, и ясно было, что она не остановится, пока мы ее не остановим или пока не обессилет.

– А еще всякие мелочи... Поскольку мать никуда не выходила и денег у них было совсем мало, Аш вечно одевалась странновато, не как все. У нее не было обычных вещей, которые носили остальные. Вечно какие-то тряпки из благотворительных магазинов, старые и совсем ей не по размеру. Я давала ей поносить кое-что из своего, но у нас был разный размер, да и это тоже не добавляло ей уверенности в себе. Аш была... нет, не толстой, но такой... пухленькой, моя мама изредка ей что-нибудь покупала, но нас в семье было четверо, и лишних денег у нас тоже не водилось. Наверное, это не так уж и важно, но ведь если все кругом знают, что отец тебя бросил, а мать чиканулась, то последнее, чего тебе хо-

чется, – это выглядеть пугалом огородным.

Стив обожает подобные излияния, а меня они напрягают. Он считает, что так мы лучше узнаем жертву. Я же думаю о тех фильтрах. Я уже поняла, что у Люси есть нечто, чем она с нами делиться не желает. И потому Ашлин, которую нам здесь выдают, это целиком и полностью творение Люси – она представит нам Ашлин так, как ей нравится.

– Люси, простите меня за прямоту и резкость, но я не понимаю, почему вы стали подругами. Пытаюсь представить это себе, но не вижу между вами ничего общего. Что вас сближало?

– Так и знала, что вы об этом спросите. – Люси улыбнулась уголком рта, не мне, но тому, что стояло у нее перед глазами. – У нас было полно общего. Я тоже не то чтобы в школе кайф ловила. Я не была изгоем, но то пропадала в плотницкой мастерской, то ковырялась в электросхемах, и все эти коровы, королевы класса, вечно смеялись надо мной и обзывали лесбой, а все остальные им, конечно, подпевали. Пыткой это не назовешь, но вся эта школа была для меня полным отстоем. Но мы же про Аш говорим, верно? Она считала меня крутой ровно по тем же причинам, по которым остальные считали уродцем. Она прямо восхищалась мной, словно я какая героиня, и только потому, что я постоянно говорила этим девкам, чтобы отвалили, и занималась тем, что мне нравилось, не сверяясь с их мнением. Аш полагала, что круче этого не бывает.

Улыбка больше напоминала спазм. Ей даже пришлось вытащить сигарету изо рта, чтобы справиться с губами.

– Конечно, сначала я тусовалась с ней потому, что мне было приятно ее восхищение, но очень скоро мне просто стала нравиться ее компания, она сама стала нравиться. Многие считали ее дуручкой, но только из-за того, что она была очень застенчивой, как я уже сказала. Выглядело так, будто она ничего не соображает, ничего не знает. Но кем-кем, а тупицей она точно не была. Наоборот. Она была очень проницательная.

Стив энергично кивал, пока Люси говорила. Я тоже слушала с интересом, но рассказ мне не нравился. Люси хочет, очень хочет, чтобы мы поближе познакомились с Ашлин, с ее версией Ашлин. Иногда нам приходится такое выслушивать: друзья и близкие пострадавшего суют нам под нос его святую невинность, чтобы мы, не дай бог, не подумали, что жертва сама во всем виновата. Как правило, это происходит, если жертва и в самом деле хотя бы отчасти повинна в случившемся. Уже то, что Ашлин крутила роман с женатым, может быть достаточной причиной, чтобы Люси выдала нам трогательную мелодраму. Но не скрывается ли тут нечто иное?

– Она даже самые мерзкие истории умела превращать в смешные. Помню, как-то раз я поцапалась со здоровой кобылой из нашего класса. И вот я стою такая вся на взводе и адреналине, типа: «Что эта сучка о себе возомнила?! Я ей

сейчас всю харю разобью!» – и тут Аш начинает хохотать, а я ей: «Что? Ничего смешного!» – и уже почти готова вмазать и ей тоже, а она: «Ты была офигенная, маленькая разъяренная кошка, прогнавшая огромную злую гиену», – и принимается показывать это в лицах, подпрыгивая, будто норовя ударить кого-то, кто гораздо выше ее, и при этом вопит: «Если бы дело дошло до драки, ты бы мигом загнала ее в угол, а она хныкала бы и молила о пощаде, пока ты удельывала бы ее. А вокруг собралась бы толпа, и все скандировали твое имя...» И в этот момент я начала хохотать вместе с ней, и все это говно больше не волновало меня. Все превратилось в крошечную неприятность.

Люси рассмеялась, вот только смех был напряженным, как натянутая пружина, будто просто не давал боли утащить ее за собой.

– В этом вся Аш. Она делала мир вокруг себя лучше. Может, это из-за опыта, который она приобрела, пытаюсь сделать жизнь с матерью выносимой для них обеих. Не знаю. Свою жизнь она, наверное, и не могла улучшить, но другим точно улучшала.

Пожалуйста, прошу вас, как вы не понимаете... Та женщина и вправду походила на двенадцатилетнюю девочку, которую описала Люси, – неуверенную, неловкую, одетую в какие-то шмотки, которые не подошли бы никому и уж точно не подходили ей. Но женщина, которая сегодня умерла, была совсем другой.

– Но ведь жизнь все исправила, – сказала я. – Она выросла, стала красивой, и элегантной, и уверенной в себе. Так ведь?

Люси затушила сигарету, покрутила стакан, но пить не стала. Мы вернулись в настоящее, а к ней вернулась осторожность.

– Не так быстро, как хотелось бы. Даже после окончания школы она продолжала жить дома, считала, что не вправе покинуть мать. И хотя я думала, что это ужасно, я ее понимала. Если бы не Аш, мать просто наложила бы на себя руки. Поэтому она каждый вечер возвращалась в дом, где прошло ее детство. Это не давало ей... – Люси все вертела в руках стакан, глядя, как играет свет на поверхности воды, – это не давало ей повзрослеть. У нее была работа, которую она нашла сразу после школы, секретаршей в конторе, снабжавшей туалетной бумагой и жидким мылом всякие офисы. Может, это и неплохая работа, вот только Аш мечтала заниматься чем-то совсем иным. Но чем, она понятия не имела. У нее просто не было возможности обдумать это. Знаете, мне страшно за нее тогда было. Я представляла – вот нам уже тридцать, сорок, а Аш вкалывает все в той же конторе, после работы возвращается все в тот же дом, к матери, и вся ее жизнь просто... – Люси щелкнула пальцами, подняв руку к солнечному пятну, – проходит. И она же все это понимала. Просто не знала, что с этим делать.

– И что же изменилось? – спросил Стив.

– Миссис Мюррей умерла. Три года назад. Я понимаю, что так говорить дурно, но это самое лучшее, что могло произойти с Ашлин.

– Как она умерла?

– Вы спрашиваете, покончила ли она с собой? – Люси покачала головой. – Аневризма головного мозга. Аш вернулась с работы и нашла ее. Поначалу она себя не помнила от горя, но мало-помалу отошла, и с этого момента началась ее настоящая жизнь. Она продала дом и купила себе квартиру в Стонибаттере. Сильно похудела, покрасила волосы, сменила одежду, начала ходить куда-то... – быстрая улыбка, – и не куда-то, а только в самые модные места. Вот была себе девушка, которую приходилось силком тянуть выпить пивка в дурацком театральном баре, а тут она заявляет, что нужно пойти в выпендрейный клуб, о котором вычитала в какой-то колонке светских сплетен, а когда я говорю, что нас туда попросту не пропустят, заявляет спокойно: «Я все устрою, надеюсь что-нибудь из моего, и никаких проблем на входе не возникнет». – Снова улыбка, уже пошире. – И ведь действительно не возникало. Но все эти модные клубы с мажорами, старающимися перекричать друг друга, – это не мое. Но туда стоило пойти только для того, чтобы посмотреть на Аш. Как же она оттягивалась! Танцевала, флиртowała с каким-нибудь перцем, потом отшивала его... Она была словно ребенок, впервые попавший на ярмарку. – Улыбка пропала. Люси глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух, явно стараясь

взять себя в руки. – У нее наконец-то появилась возможность подумать о самой себе. Она ведь только-только начала набираться уверенности в себе, осознавать, что впереди жизнь. Только начала...

«Она начала, она думала, она была...» Люси уже говорила об Ашлин в прошедшем времени. До нее доходило. И в любую минуту она могла сорваться.

– Она собиралась бросить работу. За все эти годы ей было не на что особо тратить деньги, и она скопила приличную сумму. И Аш хотела сделать перерыв на год или два, чтобы понять, что же она хочет делать дальше. Она говорила... – еще один судорожный вздох, – она говорила, что мечтает отправиться в путешествие, она ведь никогда не выезжала за пределы Ирландии, говорила о колледже. У нее от этих мыслей просто дух захватывало. Аш будто вышла из комы, в которой провела пятнадцать лет, и теперь не могла наглядеться на солнце. Она... – Голос Люси дал трещину.

Она опустила голову и принялась скрести еще одно пятно краски с таким остервенением, что могла расцарапать колено сквозь ткань. Уж не знаю, какую игру она затеяла, но эта игра ее доконала. Люси прекратила терзать колено и, внимательно разглядывая свои ногти, спросила:

– А как... Ну этот человек. Что он с ней сделал?

– Мы не можем раскрывать детали по соображениям следствия. Единственное, что я могу сказать, – она не страдала.

Люси открыла было рот, чтобы добавить еще что-то, но

это усилие оказалось ей уже не по силам. Слезы закапали на штаны, расплываясь пятнами. Порядочней было бы уйти, оставить ее одну, дать справиться с первой волной горя, которая накрыла ее. Мы не тронулись с места. Она держалась еще почти минуту, а потом разрыдалась.

Мы со Стивом отыскивали коробку с салфетками, наполнили стакан водой, спросили, не хочет ли она позвать кого-то, чтобы побыл с ней, понимающе покивали и никуда не ушли, пока она не сумела выдать, что хочет побыть одна. Когда же она снова обрела способность говорить, мы попросили ее составить список всех бывших друзей Ашлин. Их оказалось аж трое, включая некоего Джорджа, с которым Аш перепихивалась целых две недели, когда ей было семнадцать. А девчушка-то была той еще гуленой. Кроме того, Люси составила список всех, кто присутствовал на презентации книги. Мы спросили, для проформы и чтобы не оставлять хвостов, где Люси была вчера вечером. Она была в театре. Пришла в полшестого и все время находилась на глазах у многих до окончания представления, уже после десяти. Затем всей компанией они пошли в паб, откуда вывалились лишь после полуночи и где-то около часу ночи завалились сюда, с осветителем и парой актеров. И угомонились лишь часа в четыре. Мы – я имею в виду практикантов – проверим эту историю, но она наверняка окажется правдивой.

Я уже собиралась зафиксировать показания, как вдруг Стив сказал:

– Возьмите наши визитки.

Он посмотрел на меня. Мне ничего не оставалось, как за-
ткнуться и достать свою визитку.

– Когда будете готовы дать официальные показания, про-
сто позвоните нам.

Люси безразлично приняла карточки.

– Люси, не разговаривайте пока с журналистами, – преду-
редила я. – Seriously. Даже если вам кажется, что ничего
такого важного вы не говорите, это может сильно навредить
следствию. Хорошо?

Козел Краули все еще сидел у меня в голове. Если кто-то
науськивает его против меня, то наверняка этот кто-то скоро
узнает и про Люси.

Она кивнула, вытерла слезы рукой, салфетки уже закон-
чились.

– Тот, кто это сделал... – голос у Люси осип от слез, – он
как будто маленького ребенка убил. Который еще и жить-то
не начал. Он отобрал целую жизнь. Пожалуйста, помните об
этом.

– Не беспокойтесь, – ответила я. – Мы сделаем все, чтобы
поймать этого парня.

Люси бросила тщетные попытки вытереть слезы и позво-
лила им сбегать к подбородку. Вид у нее был еще тот, глаза
опухли и заплыли, пятно краски на щеке размазалось.

– Да, я знаю. Просто... Помните об этом, пожалуйста.

– Договорились. Я точно буду помнить. А вы взамен по-

думайте, пожалуйста, что еще можете рассказать. Что угодно. Хорошо?

Люси кивнула, понимай это как знаешь. На нас она не смотрела, мы так и оставили ее – уставившейся в никуда, в обрамлении прокуренных воспоминаний минувшей ночи.

Пока мы сидели в квартире Люси, день уже занялся вовсю. Ратмайнс так и бурлил. Студенты тащились в поисках таблеток от похмелья; прогуливались парочки, желающие убедиться, что весь мир в курсе их великой любви; семьи спешили провести время вместе, пока смерть не разлучила их. Одного взгляда на всю эту суету было достаточно, чтобы ухнуть в состояние «после-ночной-смены», когда тело внезапно осознает, что ты уже хрен знает сколько времени на ногах, и попросту отключает двигатели, и на тебя накидываются усталость и бессилие.

– Кофе, – сказал Стив. – Мне срочно нужен кофе.

– Слабак.

– Я? Да если ты прикроешь глаза хоть на секунду, тебя уже не добудисься. Скажешь, не так?

– Да пошел ты!

– Кофе! И еды!

Когда я на службе, терпеть не могу тратить время на еду, мечтаю, когда наконец изобретут такие питательные таблетки, которые можно будет принимать два раза в день, и все. Но до тех пор нам со Стивом нужна еда, и очень много.

– Твоя очередь покупать, – сказала я. – Найди какое-ни-

будь место, где кофе подают литрами.

Стив все сделал правильно. Он не пошел в блестящую венскую кофе-чайную, а заскочил в неприметную лавку на углу и вышел оттуда с кофе в стаканах размером с кувшин и горой сэндвичей с сосисками, яйцом и беконом. На этом можно было продержаться целый день. Мы понесли жратву в маленький парк поблизости. Для пикников погода была еще не очень – холодно, да и противный мелкий дождик так и норовил сорваться прямо нам на макушки, но из машины надо было убраться, чтобы нам не мешали сообщения по рации, а в кафе разговор вести было нельзя.

На первый взгляд парк выглядел просто восхитительно – весь уставлен причудливо изогнутыми металлическими скамейками, аккуратно подстриженные живые изгороди и клумбы, ожидающие весну. Вот только второго взгляда бросать не стоило: использованный презерватив повис на изгороди, голубой пластиковый пакет, наполненный чем-то тошнотворным, валяется на скамье.

Ночью это место жило совсем иной жизнью, которая съживалась при дневном свете, но сейчас погода добавляла напряжения в картинку. На одной скамье парень в униформе супермаркета «Теско» курил, оглядываясь после каждой затяжки, словно проверял, не увидит ли его кто; мальчишка сосредоточенно нарезал круги на самокате, шапка в виде морды динозавра – полное впечатление, будто динозавр заглотил половину башки, мать мальчишки толкала перед со-

бой пищащую детскую коляску и одновременно тыкалась в телефон.

Мы нашли скамейку, которая не пахла так, точно ее недавно обоссали. Я подняла воротник пальто и одним глотком влила в себя полстакана кофе.

– Ты был прав. Хорошо, что мы побеседовали с Люси.

– Я тоже так думаю. Хотя это вполне может быть Рори Феллон.

Я пристально посмотрела на Стива:

– Почти наверняка это он и есть.

Стив неопределенно покачал головой. Он методично разворачивал салфетки и засовывал их себе за воротник. Предстоит заняться сэндвичами, а Стив очень серьезно относится к своим костюмам.

– Может быть. Но и на остальную информацию стоит обратить внимание.

Я почувствовала себя гораздо лучше. После кофе глаза распахнулись моментом, как у мультяшного героя.

– По крайней мере, теперь понятно, почему квартира Ашлин выглядит как домик Барби. И почему Ашлин выглядит как Барби. Она просто понятия не имела, как надо, и думала, что искать себя нужно на обложках журналов.

Стив кивнул согласно:

– Поэтому она была уязвима. Очень уязвима.

– Да что ты говоришь? Рори мог быть полным психопатом, обвешанным красными флажками, как китайское по-

сольство, но если он носил правильные шмотки и помогал ей надеть пальто, она вполне могла пригласить его к себе домой на третье свидание. Потому что он все делал так, как в журналах написано.

– Но Люси-то не без понятия, – заметил Стив. – Если бы он был обвешан красными флажками, она бы обратила внимание.

– Кстати... – Сэндвичи были очень хороши, яичный желток, смешавшись с жиром бекона, доходил до самых окраин моего организма, я чувствовала, как постепенно наполняюсь энергией. – Что ты думаешь о Люси?

– Умна. Напугана. – Стив закончил сооружать себе слюнявчик. Он поставил кофе на скамейку и начал разворачивать сэндвич. – Чего-то недоговаривает.

– Она многого недоговаривает. И это странно. Забудь всю эту мутоту насчет старые подруги, но не особо близкие. Ашлин ей очень дорога. Тогда какого черта? Она что, не хочет, чтобы мы его поймали?

– Ты думаешь, она знает о женатом ухажере Ашлин больше, чем говорит?

– Я думаю, что мы только со слов Люси вообще знаем о его существовании.

Мы понизили голоса. Парень из «Теско» и мамаша с коляской вроде не обращали на нас никакого внимания, но никогда не знаешь наверняка.

– Ты заметил, как внимательно она следила за тем, чтобы

не дать нам ничего, что поддавалось бы проверке? Ни имени, ни описания, ни дат, ни места, где они могли бы познаться. Ничего.

Стив разложил сэндвич у себя на коленях и тщательно одобрил его коричневым соусом.

– Ты думаешь, она выдумала его прямо на месте? Но зачем?

– Она сильно интересовалась, является ли Рори главным подозреваемым. Не просто хотела узнать, кто же сотворил это с ее подругой, а именно занимаемся ли мы Рори.

– Точно. – Стив слизнул остатки коричневого соуса и засунул пакет в урну рядом со скамьей. – Но я не понял, ей хочется этого или нет. Она сразу назвала его имя, сказала, что он должен был прийти к Ашлин вчера вечером, а вот после этого...

– Именно. В имени Рори и в факте встречи с ним ничего ценного не было, она должна была понимать, что это нам уже известно или станет известно очень скоро. А за этим сразу последовало, какой он хороший, что никакой угрозы от него не исходило, как Ашлин была с ним счастлива. Может, так оно и есть. Возможно, она пыталась отвлечь нас от него, потому что искренне думает, что он этого не делал, и не хочет, чтобы мы понапрасну тратили время и дали ускользнуть настоящему убийце. Но вот я думаю, а так ли уж она ничего не испытывает к Рори, как постаралась нам показать?

Брови Стива удивленно поползли вверх.

– Немного зануда, на мой вкус, но Аш явно видела в нем что-то, чего я не уловила, так что...

– Вот-вот. Резонно предположить, что Рори нравился Люси не меньше, чем он нравился Ашлин. И резонно предположить, что она встречалась с Рори за спиной Ашлин.

– Но мы же только что сказали, что Ашлин ей была очень дорога.

– Однако по какой-то причине она не спешила в этом признаться. Что, если из чувства вины? – Я глотнула еще кофе. – Например, она осознала, что любовный треугольник складывается не в ее пользу.

– У нее есть алиби, – заметил Стив.

– Знаю, да и шок был самый настоящий. Люси не наш человек. Но ее алиби означает, что она не в состоянии обеспечить алиби Рори. Поэтому, если она хочет снять его с крючка, неважно по какой причине, единственное, что она может сделать, – это выдать историю про второго мужчину, которого мы должны отыскать.

Стив задумчиво прожевал, затем сказал:

– Ладно, проверим номера телефонов Люси и Рори, пробьем их страницы в фейсбуке, электронную почту, выясним, насколько тесно они общались. Даже если ничего не обнаружим, это не доказательство. Люси все равно могла быть влюблена в него.

– Именно.

Мальчишка в шапке-динозавре продолжал носиться на

самокате, еле удерживая равновесие и пялясь на наши бутерброды. Я скорчила ему свирепую мину, и он свалил.

– Нам нужно срочно покопаться в вещах Ашлин. Может, отыщутся признаки существования второго мужчины. Если он не выдумка, должно быть хоть что-то: сообщения, звонки, письма.

Стив внимательно оглядел еще один сэндвич, выбирая угол атаки.

– Да, возможно.

– Что значит «возможно»? Отношения не могут не оставлять следов. Только не в наше время. Если он не оставил никаких следов, значит, его не существует.

– Я скажу тебе, о чем думаю. Просто мысли вслух. А что, если второй любовник Ашлин – некто из криминального мира? Гангстер, скажем?

Яичница чуть не пошла у меня носом.

– Господи, Моран! Ты от отчаяния готов даже этот случай сделать интересным. Жалеешь, что без тебя взяли Уайти Балджера? Или тебе забыли сообщить об этом?

– Ага, ага! Вот послушай. Это объясняет, почему Люси не хочет, чтобы мы занимались Рори. Она-то знает, что это сделал другой человек, и не хочет, чтобы мы пошли по неверному следу. Это объясняет, почему она сразу сообразила, что мы пришли к ней из-за Ашлин. Это объясняет, почему она попросила Ашлин быть осторожной тем вечером. Если та решила закрутить второй роман за спиной у бандита, то ей и

вправду стоило быть очень осторожной, приглашая нового ухажера на ужин.

Я было открыла рот, чтобы порвать Стива в клочья, и тут до меня дошло: а ведь мистер Оптимист прав. Это бы все объясняло.

– Иисус и его дети! – вырвалось у меня.

Я подскочила на скамейке, будто меня током ударило. Какой, к черту, кофе! Наша работа, когда попадается что-то стоящее, сама заводит тебя так, что ты жизнь готов отдать за это ощущение охоты.

– И это объясняет, почему Люси молчит. Она хочет, чтобы мы его поймали, но ей совсем не хочется стоять в суде на свидетельской трибуне и под пристальным взглядом бандита объяснять, как она его заложила. Вот она и подкинула нам идею, чтобы мы начали в ней копаться, но тщательно следила за своими словами, дабы мы уяснили: она не знает ни имени, ни кто он, она даже не уверена, что он существует, и вообще они с Ашлин, конечно, подружки, но не такие уж и близкие. Молодец, Стив. Все сходится.

– У меня не только милое личико, – сказал Стив, впиваясь зубами в сэндвич. Прожевав, он продолжил: – А если это и впрямь гангстер, то он может и не оставить никаких следов. Ни сообщений, ни звонков, ничего. Особенно если наш гангстер женат. Половина их братии жената на сестрах и кузинах приятелей. Загуляешь налево – и тебе быстренько разнесут коленные чашечки.

У меня открылось второе дыхание – прямо вместе с третьим. Если это дело склеится, то шеф ежиками обосрется. Вся эта история приобретала звучание, весьма далекое от неудачно завершившегося свидания.

– Мать твою, а ведь все сходится. Это объясняет, например, почему звонок поступил в участок Стонибаттера. Большинство штатских, когда им нужна «скорая», наберут 999. Но бандит или друг бандита знает, что звонки на 999 записываются. А ему совсем не хочется оставить свой голос на диске, чтобы мы смогли его идентифицировать. Особенно если его голос нам известен. Поэтому он позвонил в полицейский участок.

– Именно, – подтвердил Стив. – Но тут возникает одна проблема. Тебе не кажется, что Ашлин не из тех шалав, что путаются с гангстерами? Она же милая девочка. С чего бы?

– Еще как с чего! Она ровно того сорта. Ее жизнь была настолько скучна, что когда я о ней думаю, мне хочется самой себе заехать молотком по голове. Лишь бы как-то развлечься. Вспомни, что стоит у нее на книжной полке? Книжки о преступности в Ирландии, включая здоровенный том о бандитских группировках.

Стив хмыкнул:

– Ты смотри. А может, и правда того сорта.

– Я думала, что это просто пощекотать нервы, купила на распродаже, но, может, ей захотелось почитать о похождениях своего любовника. И поначалу она читала от скуки, а

потом вдруг ей представился шанс поиграть в это по-настоящему. И ты слышал Люси. У Ашлин не было ни моральных рамок, ни здравого смысла, она была ребенком, охочим до новой жизни и новых отношений. – Я старалась говорить без эмоций. Все еще слишком сыро, нагромождение «если» и «может», которые могут каждую секунду рассыпаться в прах. – Может, какой-нибудь скользкий тип подкатил к ней с разговорами в клубе? Если он достаточно смазлив и прилично одет, он вполне мог вскружить ей голову. Для нее это стало бы событием года.

– Вот только большинство скользких типов одеты не прилично, – заметил Стив. – Все эти парни из банд. Они одеты непонятно во что и выглядят непонятно как.

– Да. Это сужает круг поисков. Несколько месяцев спустя головокружение проходит и Ашлин начинает понимать, что мистер Острые Ощущения, по сути, просто подонок. И вот тогда-то она встречает Хорошего Парня Рори. Она бросает подонка, вернее, у нее не хватает на это смелости, поэтому с Рори она начинает встречаться по-тихому. В любом случае подонок этому не рад.

Стив сказал:

– Ты думаешь, Люси знает его имя?

– Если только он существует в природе.

– Предположим, существует.

– Возможно, только кличку. И нам она его не назовет. Если он существует, нам придется искать его самим.

– Я не знаю никого в отделе организованной преступности. А ты?

– Ну... так. Не близко.

Я не могла больше усидеть на месте – приманка, маячившая перед моими глазами, была слишком аппетитна. Я запихнула в рот остатки сэндвича, смяла оберточную бумагу и, перегнувшись через Стива, сунула ее в урну.

– Сейчас об этом рано волноваться. Сперва давай побеседуем с Рори Феллоном. А уж в зависимости от того, чем эта беседа закончится, будем думать, стоит ли заниматься всем остальным. Пока что...

Боковым зрением уловив какое-то движение, я быстро развернулась, но это был лишь парень из «Теско», торопившийся обратно – раскладывать товар по полкам после того, как принял дозу никотина. Он оглянулся на нас, но я наставила на него указательный палец, и он сорвался на бег.

Работая над делом, я становлюсь дерганой, как, наверное, сказал бы О'Келли, или готовой к бою, как это называю я. Такое происходит не только со мной. Многие детективы ведут себя точно так же. Это сродни инстинкту. Когда выслеживаешь большого хищника, то даже если сознаешь, что ты охотник, а не добыча и что преследуемый, едва завидев тебя, обмочится со страху, твой уровень боеготовности поднимается до оранжевой отметки и остается там до конца охоты. У меня уже были неприятности из-за того, что я слишком поздно приходила в это состояние.

– Пока что голосую за то, чтобы не распространяться на эту тему, – сказала я.

– Не говорить Бреслину.

– Не говорить никому. Если выяснится, что все это чушь, мы станем ходячим анекдотом. Два идиота, которые решили погоняться за страшными бандитами, потому что им надоело распутывать бытовуху. На данный момент все существует только в нашем воображении. Не нужно кричать об этом, пока у нас на руках не будет веских доказательств. Сейчас все, что должны знать окружающие о нашей беседе с Люси, – это что Рори выглядит милым парнем. Точка.

– Заметано, – торопливо согласился Стив.

– Ах вот оно что! – Внезапно я сообразила, что к чему. – Поэтому ты не хотел оформлять наш разговор официально. Маленький хитрый сукин сын!

– Как я и сказал, – ухмыльнулся Стив, срывая с себя слюнявчик, – у меня не только милое личико.

Динозавровый пацан наконец-то навернулся с самоката и теперь сидел на дорожке, пытаюсь выдавить из себя всхлип понатуральнее. Мы обогнули его и направились к выходу из парка. Я звонила практикантам, чтобы попросить привезти Феллона, когда мой взгляд упал на пластиковый пакет и я поняла, что же оттуда высовывается. Это быладохлая кошка. Мокрая блестящая шерсть облепила голову, в широко раскрытой пасти с острыми клыками навсегда застыл яростный крик.

Отдел пробуждался к жизни. Принтер печатал, чей-то телефон звонил, жалюзи открыты в попытке поймать хоть немного дистрофичных солнечных лучей. В комнате пахло полудюжиной разных ланчей, гелем для душа, потом, отоплением и напряженной работой. О’Горман, откинувшись на спинку кресла и положив ноги на стол, хрустел чипсами и одновременно пытался докричаться до Кинга – насчет сличения чего-то с чем-то. Кинг читал протокол допроса и невпопад откликался на вопли О’Гормана, бормоча «ага». Винтерс и Хейли спорили о каком-то свидетеле, которого Хейли хочет потрясти, а Винтерс считает это пустой тратой времени. Квингли с отрешенным выражением на помятом лице рылся в картотеке, с шумом выдвигая и задвигая ящики. За столом, рядом с картотекой, сторбился Маккэнн. Перекладывал бумажки и вздрагивал от всякого шума. Выглядел как с большого перепоя, но он всегда так выглядит – из-за мешков под глазами и хронической небритости. О’Нил прижимал телефон к одному уху, другое заткнув пальцем. Рядом с нашими столами стояла парочка каких-то парней, должно быть практиканты, они пытались одновременно выглядеть естественно, никому не мешать и смеяться над дурацкой историей, которую рассказывал им Роше. Бедолаги надеются, что он их запомнит и позовет, когда ему понадобятся чернорабочие.

Бреслина не видно, но его пальто висело на спинке стула. Наверное, хлопочет насчет штаба, проклиная ту минуту, когда его прикомандировали к такой, как я. Меня это не волновало. Бреслин слишком давно играет в наши игры, чтобы делать гадости, когда это ему не выгодно.

Когда мы со Стивом вошли, несколько человек обернулись и тут же продолжили заниматься своими делами. Никто не крикнул «привет». От нас приветствия тоже никто не дождался. Мы направились к нашим столам и практикантам. Оказавшись в общей комнате отдела, я обычно перемещаюсь быстрым и размашистым шагом, чтобы победить желание красться на цыпочках и смотреть под ноги – вдруг кто-нибудь встретит меня подножкой. Пока такого не случалось, но, по-моему, это только вопрос времени.

– Привет.

Я кивнула практикантам, которые, увидев меня, вытянулись и изобразили озабоченность. Оба примерно нашего возраста, начинающий лысеть качок и рыхлый блондин, безуспешно пытающийся отпустить усы.

– Я Конвей, это – Моран. Вы все сделали?

– Стэнтон, – представился качок и шутовски отдал честь.

– Дэйзи, – сказал толстяк. – Да. Мы привезли Рори Феллона. Он ждет вас.

– Не повезло пацану, – провякал Роше из своего угла, пропахшего дешевым одеколоном и вчерашним кофе, пролитым на клавиатуру.

Роше – здоровенный бугай, голова посажена прямо на плечи. На эту работу он пошел, потому что у него встает, только когда он запугает кого-то до истерики, но мудак точно знает, когда это свое чудесное умение нужно держать на цепи, а когда дать ему волю. Это позволяет ему добиваться успеха.

– Может, я пойду к нему и скажу, чтобы он сам оторвал себе яйца? И вам, и себе сэкономит время.

– Роше, я же не виновата, что мой процент раскрываемости выше, чем у тебя, – ответила я. – Это потому, что ты отороженный. Научись жить с этим.

Практиканты явно удивились, хотя виду старались не подавать. Роше одарил меня своим бычьим взглядом, но я не потрудилась заметить его.

– Так что там с Рори? – спросила я, бросая сумку на стул.

– Двадцать девять лет. Владелец книжного магазина в Раннелах, – отрапортовал толстяк. – Живет прямо над магазином.

– Живет один?

– Да. Один.

А вот это неудачно. Сосед по квартире мог бы стать не только славным свидетелем, но и отличным кандидатом на звонившего нам человека.

Стив поинтересовался:

– За время вашего наблюдения за домом произошло что-то, о чем нам следовало бы знать?

Парни переглянулись.

– Не особо, – ответил качок. – Отдернул шторы около десяти утра, еще в пижаме. Больше никаких визуальных контактов. Когда мы зашли за ним, он был уже одет, но без ботинок, не похоже, чтобы собирался куда-то.

– Он завтракал, – добавил толстяк, – судя по запаху кофе и яичницы.

Стив глянул на меня. Малый забивает свою подругу до смерти, потом идет домой, надевает пижамку и уютненько засыпает, утром встает, организует себе яичницу с беконом. Такое бывает. Или шок, или психопат, или выстраивает линию защиты, или...

В комнате было чересчур натоплено, сухой колючий жар наждаком тер мне шею. Я скинула пальто.

– Что вы ему рассказали?

– Как вы и приказывали – ничего. Сказали просто, что он может располагать информацией, которая пригодится нам в одном расследовании, и не согласится ли он проехать с нами для беседы.

– И он просто согласился? Ни недовольства, ни вопросов? Оба синхронно покачали головой.

– Сговорчивый парень, – сказал качок.

– Действительно.

Обычно человек, когда его просишь проследовать в участок для беседы, задаст хотя бы несколько вопросов, прежде чем кинется ломать все свои планы и плестись в полицию

неведомо зачем. Рори Феллон или наивный простофиля, или ему очень хочется выглядеть парнем, которому нечего скрывать, который готов оказать любую помощь полиции.

– А по дороге сюда он что-нибудь говорил? – спросил Стив.

– Когда влезал в машину, спросил, о чем с ним хотят побеседовать, – ответил толстяк.

Это тоже очень любопытно. Очевидно, что Рори может точно знать, о чем с ним хотят побеседовать, но не думает, что у нас есть какие-то доказательства, а значит, Люси не кинулась к телефону, как только мы ушли от нее. Одно очко против теории Люси – Рори.

– Мы сказали, что подробности нам неизвестны. Детективы, которые занимаются этим расследованием, все ему расскажут. После этого он заткнулся.

– Мы были с ним очень любезны, – добавил качок. – Принесли ему чаю, сказали, как здорово, что он согласился помочь нам, потому что чего же мы стоим без таких, как он, сознательных граждан и бла-бла-бла. Мы полагали, что вам не хочется его напрягать раньше времени.

– Прекрасно, – одобрил Стив. – Куда вы его привели?

– Допросная в конце коридора.

– Он из того теста, кто может встать и уйти, если смекнет, что мы решили немного помариновать его?

Практиканты расхохотались.

– Ну нет, – сказал качок. – Говорю же, сговорчивый па-

рень.

– Послушные дети, – сказал толстяк, – игрушек не ломают.

– Спасибо, – сказала я. – Нам нужен список всех, с кем он связан. Справитесь? Особое внимание обратите на лиц мужского пола – друзья, братья, отец, дядюшки. Кто-то позвонил и сообщил нам о происшествии, и если это был не Феллон, надо выяснить кто.

Качок записывал в блокнот так, чтобы я это видела.

– Оперативная комната будет скоро готова. Совещание по делу назначено на четыре часа. Если что-то изменится, я сообщу вам.

Практиканты резво направились к выходу, тщательно регулируя темп движения. Надо выглядеть по-деловому, но не суетливо. Я помню эту походку. Помню, как отрабатывала ее по пути к копиру, чтобы отснять копии допросов для какого-то детектива из Убийств. Тогда я очень надеялась, что однажды войду в эту комнату, чтобы никогда больше ее не покинуть. На какой-то миг я почти пожалела Дэйзи и Стэнтонна, пока не сообразила, что если когда-нибудь их сюда возьмут, то у них как раз все будет в порядке.

Стив включил компьютер и стал что-то набивать на клавиатуре.

– Ты хочешь помурожить Феллона? – спросила я.

– Капельку. – Стив продолжал печатать. – Он пошел домой, лег спать, проснулся и позавтракал? Как на это ни

взгляни, слишком хладнокровно для человека, к чему-то причастного. Даже если он просто пытается выглядеть невиновным. Хочу пробить его через нашу систему. Вдруг что-нибудь всплывет.

– Пробей и ее. Надо выяснить, откуда я ее знаю.

Я набрала номер голосовой почты и, прижав телефон к уху плечом, принялась разбирать бумаги ночного дежурства. Надо передать все прокурору, пока задержанные подонки сидят здесь.

Маккэнн что-то бормотал в свой мобильник – явно получает от своей миссус на орехи за то, что поздно возвращается с работы (*Да знаю я. Клянусь, я буду дома вечером в... Да, я помню, что места заказаны. Ну конечно, я приду...*), а Роше жестами изображал порку.

Еще одно сообщение от Бреслина. Во мне затеплилась надежда, что мы сможем работать над этим делом, так ни разу и не встретившись.

Да, Конвей. (Голос все еще бархатный – на случай, если Голливуд охотится за ним, но уже прорезались нотки недовольства: мы со Стивом оказались маленькими непослушными детективами.) *У нас тут, по-видимому, проблемы со связью. Я вернулся на базу. Иду организовывать нам оперативную комнату. Позвоните мне как можно скорее.*

Я стерла послание.

– Рори Феллон нигде у нас не проходил, – сообщил Стив.

– Вообще?

– Вообще.

– Вот Иисусе же, – подивилась я.

Остаться вне наших компьютеров не так просто, как кажется. Даже если вы получили лишь штраф за превышение скорости, ваше имя будет фигурировать в файлах. Итак, Рори ни разу не преступал закон, что, однако, не означает, будто до вчерашнего дня он был святым. Это означает, что он ни разу не попался.

– Знаю. Просто сообщаю.

– Ашлин уже пробил?

– Я этим занимаюсь. Обожди...

Я позвонила на голосовую почту Бреслина и оставила ему сообщение, что через десять минут мы ждем его в допросной.

– Нет. И здесь пусто. Аж противно.

Похоже, они идеально подходили друг другу. Жаль, что у них так ничего и не вышло.

Я закончила просматривать свидетельские показания и замерла. Последняя страница отсутствовала. А без нее, без подписи свидетелей все это превращалось просто в кипу бумаги. Я никого не смогу убедить, что не обронила листок по пути из допросной. Оставался все же ничтожный шанс, что именно так все и произошло. Было поздно, я была уставшая, раздраженная и торопилась закончить смену. Я могу это даже проверить, пометаться взад и вперед как дура, заглядывая под столы и в мусорные корзины, а все эти задницы в об-

щей комнате попрячутся за своими экранами и, точно стая мартышек, будут, едва сдерживая хохот, наблюдать за мной, пока кто-нибудь из них не взорвется. Другой способ – встать на стул и громко спросить, какой козел вырвал из моего протокола страницу с подписями свидетелей. Наверное, кто-то очень надеется, что я так и сделаю. Или можно заткнуть рот, отыскать моего свидетеля-подонка, а затем потратить еще пару-тройку часов, заново убеждая его, что говорить с полицией – это круто, и вытянуть из него показания еще разок, слово за словом. Наша песня хороша...

– Хей, – подал голос Стив. – Кое-что есть.

Мне понадобилось не меньше секунды, чтобы понять, о чем он говорит. Я была так зла, что хотелось покусать столешницу. Стив, глянув на меня, спросил:

– Ты в порядке?

– Да. Что у тебя? Ашлин проходила у нас?

– Нет. Не она. Возможно, это не имеет отношения к делу, но всплыл ее адрес. Двадцатого октября в час ночи ее сосед из дома 24 звонил в участок Стонибаттера. Он стоял на веранде, курил перед сном и видел, как кто-то перебирается через стену заднего дворика Ашлин, куда выходит терраса, в проулок. Описание оставляет желать лучшего, проулок плохо освещен, да и сосед видел злоумышленника несколько секунд и со спины. Мужчина, среднего телосложения, темное пальто. Сосед решил, что он средних лет, по тому, как тот перелезал через стену. Полагает, что блондин, но это мо-

жет быть всего лишь отсвет фонаря. Из Стонибаттера послали пару ребят проверить, но к тому моменту мужика и след простыл. Нет признаков взлома, поэтому решили, что злоумышленника испугнули до того, как тот успел что-то предпринять. Они посоветовали Ашлин усилить меры предосторожности и выкинули из головы.

– Хм.

Новость никак не помогала вспомнить, где я видела Ашлин раньше, но ее было достаточно, чтобы задвинуть пропавшую страницу вглубь подсознания.

– Там что-то сказано, как она на это отреагировала? Испуг, паника? Пошла к Люси переночевать?

– Нет. Только вот это: «У лица, проживающего по данному адресу, установлена домашняя сигнализация. Предложено рассмотреть возможность установить сигнализацию с мониторингом и завести собаку».

– Чего сделано не было.

Роше явно прислушивался к нашему разговору. Я показала ему средний палец и понизила голос:

– Для одинокой женщины Ашлин как-то слишком ослабленно отнеслась к истории с попыткой проникновения. Она кажется тебе настолько крутой?

– Она мне кажется человеком, который точно знал, что бояться нечего.

Я подхватила:

– Потому что это был не взломщик. Это был тайный лю-

бовник. Ты смотри! Может, он и вправду существует. – Возбуждение снова шевельнулось во мне, но я торопливо прихлопнула его. – Даже если он существует, это не снимает Рори с крючка. Может, он узнал, что Ашлин крутила роман еще с кем-то, и ему это не понравилось. Пошли спросим у него.

– Минуточку. Я только хочу проверить еще кое-что. – И Стив снова прилип к компьютеру.

Я запихнула в ящик и заперла то, что осталось от моих протоколов. Там им и полагалось бы находиться все время, если бы О’Келли не дернул нас внезапно утром. Ключи я положила в карман брюк. Затем перелистала свой блокнот, оглядывая исподтишка общую комнату. Никто в открытую на меня не пялится, ожидая, что я забьюсь в припадке, с другой стороны, они не всегда действуют в открытую. Квингли наконец-то нашел нужную папку и теперь читал, ковыряясь в ухе. Думает, что никто на него не смотрит, хотя наверняка знать никогда нельзя. Квингли – козел, О’Горман – орангутанг, Роше сочетает в себе лучшие качества обоих. Каждый по отдельности и все вместе они думают, что я буду счастлива испортить себе день. Маккэнн выглядит так, как будто охвачен вселенской скорбью и ему нет дела ни до чего, а О’Нил, как всегда, само благоразумие, но исключать нельзя никого. Да это и неважно. Дело не в том, и они это знают не хуже меня, кто сотворил эту конкретную пакость, каждый раз это может быть кто-то другой. Дело в том, что кто бы это ни был, я хрен что смогу с этим поделаться.

– Минуточку... – пробормотал Стив, – а это еще что?

– Что?

– Мы говорили, что неплохо бы выяснить, не появлялась ли Ашлин в орбите интересов отдела по борьбе с организованной преступностью, верно? Вот я и проверил, не прогнал ли уже кто-нибудь ее имя через нашу систему.

Я было начала приподниматься, чтобы взглянуть через плечо Стива на экран, но он быстро покачал головой и бросил на меня предостерегающий взгляд.

– Сиди смирно. И да, я уверен. Семнадцатого сентября прошлого года кто-то у нас проверял ее.

Мы уставились друг на друга.

Я сказала:

– Наверняка найдется пара десятков Ашлин Мюррей. Это как минимум.

– Ашлин Гвендолин Мюррей? Обе родились шестого марта 1988 года?

Мои мысли понеслись галопом.

– Я не хочу впутывать сюда Оргпреступность. Не сейчас. Но есть там у меня приятель...

Стив проговорил так тихо, что я еле смогла расслышать:

– Заходили от нас.

Мы снова уставились друг на друга, у обоих на лице застыло одинаковое выражение. Обеспокоенность. Теперь оставалось выяснить, насколько нам надо быть обеспокоенными.

– Если она проходила по делам Убийств, – сказала я, – то

кто бы это ни был, надо просто спросить у него.

Лицо Стива выразило предостережение. Он уже открыл рот, чтобы объяснить мне, почему это плохая идея, и он прав. Лучшее решение – попридержать эту информацию и разузнать все окольными путями, но пропавшая страница прочно засела у меня в сознании. Достало держать все время рот на замке и ходить на цыпочках по собственному отделу. Я развернулась в кресле к остальным и закинула руки за голову.

– Эй, там!

Получилось громко и отчетливо. Головы повернулись ко мне. Разговоры стихли.

– Ашлин Гвендолин Мюррей. Дата рождения 6 марта 1988-го. Кто-то прогонял ее через компьютер в прошлом сентябре?

Пустые взгляды. Помолчали и просто снова занялись своими делами.

Я развернулась к Стиву.

– Может, тот, кто это сделал, работает в другую смену сегодня. Или... – Он неопределенно мотнул головой.

Терпеть не могу, когда Стив пытается деликатничать.

– Или это было что-то личное, проделано втихую.

Такое происходит сплошь и рядом. Тебе не нравится покрой одежды юного ухажера, которого дочь привела домой, или хочешь узнать побольше о людях, которым сдаешь квартиру, и ты прогоняешь их через базу данных, вдруг что-то

выскочит. Мы все так делаем. Моей маме не понравился новый сосед, выяснилось, что он сидит на героине, хорошо хоть не торгует, но в любом случае он съехал несколько недель спустя. Всем возмущающимся следует чуть больше узнать о настоящей жизни, но факт остается фактом: пробивать человека для личных нужд – незаконно. Если чей-то кузен хотел нанять Ашлин на работу или чьи-то родители хотели дать симпатичной соседке запасные ключи от своей квартиры, то требуется лишь полминуты, чтобы проверить по полицейской базе. Совершенно безобидное одолжение, никому и знать не нужно. Вот только Ашлин убита, и любой, кто незаконно проверял ее, получит взбучку от шефа и лишится нескольких дней отпуска, это как минимум. Неудивительно, что никто не выскочил вперед с вытянутой вверх рукой.

Стив почти шепотом заговорил:

– А если это было сделано по-тихому, но не для личных нужд? Скажем, кому-то из Оргпреступности по какой-то причине понадобилось проверить ее так, чтобы у них в отделе об этом не узнали, и он попросил кого-то из наших, и...

Комната вдруг обратилась в мрачный лабиринт, повсюду углы и кривые тени.

Я закончила:

– И он никогда в этом не признается.

Стив прошелестел:

– Я знаю одного парня в Киберпреступности. Думаю, он сможет выяснить, с чьего компьютера поступил запрос.

– С чьего компьютера, а не кто послал запрос. Если бы у нас были персональные логины, а не это дебильное «один отдел, один пароль».

– Хочешь, чтобы я с ним связался?

– Нет. Пока нет.

Все уже вернулись к своим делам или к своим разговорам, никто на нас не глядел. И все же я жалела, что не смогла удержать рот на замке.

Наблюдательная комната маленькая и грязная. Липкий стол, ободранный стул и через раз выдающий воду кулер. Окон нет, а вентилятор не работал никогда. Если бы речь шла о комнате для допросов, адвокаты давно бы подняли крик о праве их клиентов дышать нормальным воздухом и все быстро бы починили, но поскольку до нашего дыхания никому нет дела, вентилятор стоит на вечном приколе. Комната пропиталась запахами пота, кофе, что проливали год за годом, одеколону, оставшегося от тех, кто служил тут, когда мы со Стивом еще учились в полицейском колледже, и сигарет, которые курили здесь еще до того, как курение запретили. Зимой тут совсем беда, потому что отопление раскрывает букет во всей его полноте. Бреслин пока не появлялся. Я кинула пальто на спинку стула, мне не хотелось оставлять его в общей комнате, того и гляди кто-то вытрет об него свой член, и пошла взглянуть на Рори Феллона. Стив встал рядом со мной – так близко к одностороннему стеклу, что наше дыхание оседало на нем испариной.

Феллон не выглядел на свои двадцать девять. Невысокий, примерно метр семьдесят, и очень хрупкий на вид. Я могла бы уложить его одной левой, но в нашем случае речь идет всего об одном хорошем ударе, а это даже у слабака может получиться. Вьющиеся каштановые волосы, которые он подстриг прямо перед главным свиданием, очки в фальшивой черепаховой оправе, такие старые, что пластик оправы помутнел, бежевая стариковская рубаша аккуратно заправлена в линялые джинсы, красивое лицо с чуть заостренными чертами – то ли утонченный актер, то ли бесхарактерная тряпка, это уж кто что предпочитает. Выглядит неплохо, но, как и с Люси, я ожидала увидеть кого-то совсем другого. Парня, упакованного в дизайнерский костюм, тупицу из риелтерского агентства, не способного говорить ни о чем, кроме регби. Рори же выглядел молодым человеком из тех, что любят игры про неизведанные миры и с навороченной графикой, а не стрелялки, в которых надо в клочья разорвать как можно больше плохих парней.

– Ставлю десятку на то, что он расплатится, – сказала я.

Мы со Стивом так развлекаемся на бытовухе. Конечно, превращать работу в азартную игру – это большое «ну-ну-ну», но я могу с этим жить. Половина подозреваемых распускают нюни, едва нас завидев, и в таких случаях мне хочется от души им врезать. Я каждый раз еле удерживаюсь, чтобы не сказать: «Заткни фонтан!» Как избивать свою дражайшую половину до полусмерти, так ты большой и сильный, и куда

это все сейчас подевалось?

Если уж мне приходится иметь дело с этими отбросами, то почему бы не срубить на них пару фунтов.

– Вот черт, – сказал Стив. – Я сам хотел на это поставить. Ты только глянь на него.

– Вот ведь непруха. В следующий раз будешь быстрее.

Мы смотрели, как Рори Феллон дергает головой и перебирает ногами под стулом, пытаясь освоиться. Допросная специально рассчитана на то, что освоиться в ней невозможно. Линолеум, стол, стулья самые простые и неприметные, и не только из-за урезанного бюджета. Все это нужно, чтобы вашим мыслям не за что было зацепиться, и тогда воображение начинает дорисовывать детали. Если просидеть там одному достаточно долго, то это место из никакого становится сначала зловещим, а потом превращается в самый настоящий фильм ужасов.

Черное пальто, аккуратно сложенное, висит на спинке стула, на столе пара серых перчаток, на вид нейлоновых. Руки Рори положил на стол рядом с перчатками, ладонями вниз, большие пальцы соприкасаются. Костяшки пальцев, насколько я могу видеть с такого расстояния, абсолютно целые, ни царапинки.

Стив сказал:

– Видишь его руки?

– Это ничего не значит. Софи говорила, что, возможно, он действовал в перчатках. Помнишь?

– Позвони ей. Вдруг им удалось в конце концов найти отпечатки пальцев.

Я набрала номер телефона Софи и включила громкую связь, косясь одним глазом на входную дверь – не идет ли Бреслин.

– Софи, привет. Это мы с Мораном.

– Привет. Последние новости: мы практически закончили осмотр трупа и гости... – Ее голос прервался, потом возник снова: – Чертова связь, телефон здесь плохо ловит. Подожди секунду. – Раздался звук захлопывающейся двери.

– Что там с отпечатками?

– Похоже, удача сегодня не с нами.

Свист ветра вплетался в голос Софи. Она вышла на улицу. Плотнее прижала телефонную трубку к уху, и шум исчез.

– То есть отпечатков у нас куча – на столовых приборах, на дверной ручке, на винных бокалах, – но мой парень говорит, что все они слишком маленькие для мужчины и, скорее всего, принадлежат жертве.

– Мы были правы, предполагая, что убийца был в перчатках, – сказала я.

Стив скорчил недовольную гримасу.

– Мы еще поищем, конечно, но я полагаю, что – да. Думаю, кожаные или гортекс, в общем, что-то очень гладкое. Мы не нашли никаких волокон на лице жертвы, а они там должны быть, если перчатки были шерстяные или трикотажные.

Я бросила Стиву:

– По-видимому, плотные перчатки. Значит, руки могут быть совершенно не повреждены. По крайней мере, видимых травм могло не остаться.

– Значит, вы уже отыскивали подозреваемого, – сказала Софи. – И руки у него целы.

– Да. Парень, которого она пригласила на ужин.

– Если на убийце были перчатки, вся правая должна быть в крови жертвы. Даже если он их почистил. Кровь так легко не сведешь.

– Сегодня на нем серые нейлоновые перчатки. Они выглядят чистыми, но мы пошлем их к тебе на анализ и, если получим ордер на обыск, отправим все, что найдем у него дома, но готова поспорить, что и тут нам ничего не светит. Наверняка те, в которых он был вчера, просто выброшены по дороге домой.

Одним глазом я продолжала следить за Феллоном. Он оставил попытки освоиться и теперь сидел тихо, разглядывал собственные руки и глубоко дышал. Можно было подумать, что он упражняется в медитации.

– Есть еще что-то, что нам стоит знать, прежде чем мы им займемся?

Софи с шумом выдохнула.

– Да особо и нет. Все это чертово утро мы искали, искали, да без толку. Из существенного нашли только три черных шерстяных волокна на платье жертвы. Два на левой стороне

груди и одно на левой стороне подола. Они не соответствуют ничему из того, что на ней было надето, и у нее нет черного пальто. Поэтому маловероятно, что она накинула его, чтобы выбежать в магазин, и волоконца переместились с пальто на платье. Пока готовила, она могла надеть джемпер, чтобы уберечь платье от пятен, но в спальне мы не нашли никаких черных джемперов или кофт.

Софи заговорила тише. По-видимому, кто-то объявился поблизости – может, дети, а может, и репортеры.

– Поэтому я считаю, что волокна принадлежат вашему парню, он оставил их, когда обнимал ее, хватал или что-то в этом духе. Проверьте, есть ли у него черное шерстяное пальто.

– Да он прямо в нем и пришел.

Я взглянула на Стива, он пожал плечами. У каждого мужчины в Дублине есть черное шерстяное пальто.

– Мы пошлем тебе пальто на анализ. Спасибо, Софи. Это ценно.

– Да не за что. Я удаляюсь. Тут какой-то репортер-молокос вертится с диктофоном. Хотите, я скажу, что наш главный подозреваемый – ниндзя?

– Конечно. Доставь ему удовольствие. До скорого.

– погоди, – сказал Стив, наклоняясь к телефону. – Хей! Это Моран! Вы можете обследовать спальню и ванную?

– Ух ты! Классная идея! А что, по-твоему, мы собирались с ними сделать? Разрисовать стены граффити?

– Я имею в виду те места, к которым, вероятнее всего, никто не прикасался прошлым вечером, но где наш приятель мог оставить след во время своих предыдущих визитов. Спинка кровати, ящики прикроватной тумбочки, внутренняя поверхность сиденья унитаза. И проверьте, пожалуйста, матрас на предмет физиологических жидкостей.

– Хм, – сказала Софи, – ищешь бывших?

– Что-то в этом роде. Спасибо. А сопляку с диктофоном выдай самую сочную версию.

– Скажу ему, что вы арестуете его за то, что он уроки прогуливает. Клянусь, ему не больше двенадцати. Ох, старею я...

И Софи отключилась.

Феллон пошел на второй круг медитации. Бреслин то ли строит оперативный штаб по кирпичику, то ли хочет накапать нас за то, что мы заставили его ждать.

Мой телефон бибикнул.

– Одну секундочку.

Я отвернулась от Стива и смахнула экран. Вечерний выпуск «Курьера» поступил в продажу, козел Краули на марше.

Заголовок на первой странице вопил: «ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО. ПОЛИЦИЯ ТЕРЯЕТСЯ В ДОГАДКАХ!» И две фотографии ниже. Ашлин в своей последней модификации – облегающее оранжевое платье, яркие тени на веках, смеется. Похоже на фотографию с рождественской вечеринки, которую Краули утащил из чьего-то фейсбука. На другой

я – выныриваю из-под ленты ограждения, выгляжу на все сто лет: мешки под глазами, волосы висят патлами, кулаки сжаты, а рот раскрыт в рыке, который испугал бы и ротвейлера.

У меня свело челюсти, я прокрутила экран вниз. Текст – смесь розовых соплей и праведного гнева. Очаровательная молодая женщина в расцвете лет, полиция не разглашает деталей нанесенных увечий. Рассказ местного старикана о том, как в гололед Ашлин сходила для него в магазин. Ссылка на другого местного, который ни за что не будет чувствовать себя в безопасности, пока этот сукин сын бродит по улицам. Тут же маленькая ядовитая заметка о «детективе Антуанетте Конвей, которая в прошлом сентябре вела расследование убийства Михаэля Мурнана в Баллимуне. Дело до сих пор не раскрыто». Это чтобы всем стало ясно, что я абсолютно некомпетентна и/или мне глубоко наплевать на пострадавших, если они принадлежат к низшим социальным слоям. Отдельная вставка: «Родители в панике из-за „педофила с детских площадок“», еще ниже – мутота о высокомерном отношении в Совете округа, который должен наконец что-то сделать с этой отвратительной погодой, а на закуску рассуждения какой-то кинознаменитости о том, что его дети живут самой обыкновенной жизнью.

– Что случилось? – спросил Стив.

Мне с трудом удалось разжать челюсти:

– Ничего.

– Что – ничего?

Ну не смогу же я вечно от него скрывать эту газетенку, да и выглядеть это будет так, словно я расстроена тем, что на фотографии вылитый ротвейлер.

– Вот, – я протянула ему телефон.

Брови у Стива полезли вверх.

– Боже. – И секундой позже: – Боже.

– Да неужели? – сказала я.

Средства массовой информации не упоминают имен убитых, пока не получают от нас «добро». Это делается, чтобы родные не узнавали о трагедии с газетных стендов супермаркетов, а иногда и нам удобно придержать имя убитого в секрете денек-другой. Но зачастую газеты выдают столько информации, что местным жителям не составляет большого труда понять, о ком идет речь.

Тридцатилетний отец двоих детей, работавший в финансовой сфере, или что-то в этом роде, и местным жителям все понятно. Масс-медиа также не публикуют фотографий детективов, занимающихся расследованием, потому что не очень бы хотелось, чтобы нас мгновенно везде узнавали. Я никогда не разрешаю публиковать свои фотографии, у меня на это есть свои причины, но если уж фотографию детектива печатают, то на ней он выглядит профессиональным и дружелюбным. Человеком, к которому бы свидетели тянулись, а не оборотнем с похмелья. Если журналист перейдет запретную черту, он за это заплатит. Никаких тебе источников, близких к следствию, и мы уж постараемся, чтобы ре-

дактор узнал, почему газете перекрыли кислород. Этот козел Краули перешел целую дюжину запретных черт. Он тысячу раз до этого балансировал на грани, но все это были маленькие трусливые шалости, которые давали ему почувствовать себя Бобом Вудвордом, не причиняя настоящих неприятностей. Такого он не вытворял никогда. Копов Краули терпеть не может, потому что он мятежный дух, который ни перед кем не преклонит колена, но он мятежный дух, которому надо выплачивать ипотеку, поэтому всегда держался в рамках.

То ли он внезапно на закате жизни отрастил себе пару серьезных бубенцов, то ли решил совершить профессиональное самоубийство, то ли некто надумал его уничтожить. Этот Некто сначала подсказал Краули, где искать меня этим утром, а потом предложил напечатать эти фотографии. Некто убедил его, что он не попадет ни в какой черный список. Некто пообещал Краули, что дело того стоит.

Стив все еще изучал статью.

– Здесь нет никакой внутренней информации.

Это значит, что мы не сможем отследить источник.

– Да знаю я. Но он связан с кем-то в отделе. Наверняка.

И если я найду, с кем...

Стив взглянул на меня:

– Мы можем заключить сделку с Краули. Мы ему даем все лакомые кусочки в этом деле, а он сливает нам свой источник.

– Не смейся меня. Тот, с кем Краули связан, уже наобещал

ему кучу всего. Он ни за что не поставит это на кон.

Я забрала у Стива свой телефон и сунула в карман.

– Знаешь, у кого была блестящая возможность потолковать с Краули об этом деле?

Стив спокойно ответил:

– Бреслин.

– Совершенно верно.

– Бреслин обожает быть весь в белом. Самый простой способ добиться этого – представить дело так, будто мы все почти завалили, а он пришел и всех спас.

Понизив голос, я подхватила:

– Или он просто решил со мной поиграться и выставить меня на посмешище. Или он чем-то обязан Краули и должен время от времени подкидывать ему косточку, а нам просто повезло стать сегодняшней косточкой.

– Может быть.

Стив оглянулся на дверь. Я тоже.

– Слушай, но работать с ним все равно придется. В любом случае.

– Я готова работать с кем угодно. Такой уж я уродилась.

– Серьезно?

– Я буду с ним работать.

Хотелось метаться из угла в угол, но вместо это я приклеила свою задницу к столу и заставила себя успокоиться.

– Мы должны использовать его на допросах. И держать его в курсе того, что происходит с твоим парнем, – я мотнула

головой в сторону стекла-зеркала, – а в остальном ему не надо знать, о чем мы думаем.

Стив процедил мрачно:

– Когда я жопу рвал, чтобы попасть в этот отдел, мне совсем другая картина рисовалась.

– Уж поверь, мне тоже.

От попытки вспомнить, когда этот день начался, слегка закружилась голова, вдруг захотелось глотнуть свежего воздуха, включить музыку, да так, чтобы барабанные перепонки разрывало, и бежать, бежать до тех пор, пока все во мне не перегорит.

Бреслин выбрал именно этот момент для своего появления. Мы со Стивом аж подпрыгнули. Он остановился в дверном проеме, руки в карманах брюк, и оглядел нас с ног до головы, губы кривились в холодной усмешке.

– Детектив Конвей, детектив Моран. Наконец-то.

Мне бы хорошо относиться к Бреслину хотя бы за то, что он не делал мне гадостей. Но я его не люблю. Когда вы впервые сталкиваетесь с Бреслином, он производит на вас сильное впечатление. Ему изрядно за сорок, но он в прекрасной форме: плечи широкие, спина прямая и никакого тебе пивного пуза, которое отращивает большинство ирландских мужчин. Роста выше среднего, глаза серые, светлые волосы зачесаны назад, и вообще красавчик, если вам не мешает сходство с каким-то актером, не помню, как его зовут, ну, тот, что вечно изображает одиноких бунтарей. И это ужас-

но смешно, потому что Бреслин кто угодно, только не бунтарь. Прибавьте к внешности голос, и все это складывается в убедительный образ прирожденного победителя, в золотистое сияние, возвещающее всем вокруг, что этот парень особый, что он умнее, быстрее, смекалистей, изобретательней других.

Бреслин так уверовал в этот дурацкий образ, что никогда с ним не расстанется, и ты поневоле тоже начинаешь в него верить. Первые недели работы в Убийствах Стив взирал на Бреслина с тем обожанием, с каким двенадцатилетний пацан взирает на капитана команды по регби. Он ловил каждую его улыбку, млел от каждого похлопыванья по плечу. Я чуть язык себе не откусила, чтобы не осадить этого жалкого маленького балбеса, но сдерживалась, потому как знала: это пройдет. Я почти могла указать точную дату. Когда меня приняли в Убийства, я только что не молилась, чтобы Бреслин и Маккэнн поругались и Бреслин взял меня в напарники и повел прямиком к славе. Это прошло.

Недели через три после того, как Стива охватила эта любовная горячка, полицейский из Нравов пустил себе пулю в лоб, и Бреслин посреди общей комнаты, в окружении людей, которые хорошо знали покойного, работали с ним, выпивали с ним по стаканчику, отодвинул свой стул в сторону и, поигрывая авторучкой, выдал проникновенный спич о том, что если бы парень не курил так много, делал по утрам гимнастику и завел крепкие дружеские связи на работе, то он

и поныне был бы с нами. Ребята поумнее просто продолжали заниматься своими делами, идиоты кивали, разинув рты и лоя изливающуюся на них благодать. А бедняга Стив выглядел как малыш, которому сообщили, что Санты не существует.

В тот момент, когда ты осознаешь, что Бреслин – павлин, начинаешь понимать, что речи его – наборы штампов, обращаешь внимание, что волосы не зачесаны назад, а зализаны, дабы прикрыть лысину, росту в нем не больше чем метр восемьдесят, процент раскрываемости самый обычный, и почти наверняка он носит утягивающее белье. Но все это не играет никакой роли. Сияние безотказно действует на свидетелей и подозреваемых, а Бреслин исчезает задолго до того, как оно потускнеет. Все это ужасно меня бесит – я чувствую себя обманутой и потому вечно зла на Бреслина и на все, что с ним связано.

– Хей, – сказала я. – Жаль, что нам так и не удалось переговорить. Вечные помехи на линии.

Бреслин продолжал стоять в дверях.

– Мне кажется, тебе нужен новый телефон, детектив Конвей. Но оставим это. Наконец-то все в сборе.

– Ага. Ты успел побывать на месте преступления?

– Да. Любовная ссора, каких десять за пенни. Давайте попробуем быстренько все закрыть и поищем что-нибудь поинтересней. Согласны?

– Мы так и собирались сделать, – легко согласился Стив,

до того как я успела открыть рот. – Спасибо, что присоединился к нам. Мы тебе очень признательны.

– Никаких проблем, – Бреслин одарил Стива величественным кивком. – Штаб в комнате С.

В комнате С доска для записей больше, чем моя кухня, компьютеров и телефонных линий хватит для расследования вселенской катастрофы, прекрасный вид на Дублинский замок и проектор для презентаций на случай, если возникнет потребность покрасоваться. Мы со Стивом бывали в ней только во времена своего практикантства.

– Отличный выбор, – похвалила я.

– Все только самое лучшее. – Бреслин подошел к стеклу и посмотрел на Рори. – После ваших проволочек остается только надеяться, что вы выжали что-то интересное из лучшей подруги. Как ее зовут?

– Люси Риордан, – ответил Стив. – Вообще-то, только обычные сведения. Детство Ашлин не было безоблачным. Папаша сбежал, с матерью случилось что-то вроде нервного срыва, а Ашлин была при ней нянькой. Она росла как бы в замкнутом пространстве – ни жизненного опыта, ни уверенности в себе. Несколько лет назад мать умерла, и Ашлин начала потихоньку искать себя, но она пока только наверстывала и была очень наивной. Словом, она из того типа людей, что могут пропустить тревожные сигналы.

– А были тревожные сигналы?

– Люси о них ничего не известно. Ашлин и Рори встре-

тились на презентации книги, шесть или семь недель назад, влюбились, но Ашлин не хотела торопиться. Рори казался хорошим парнем. Люси никогда не чувствовала никакой угрозы, исходящей от него.

– Неужели? – Бреслин разглядывал Рори, у которого под столом слегка подрагивали колени. – Выглядит слабаком. Не похоже, чтобы он мог одолеть даже собственную бабушку. Люси Как-ее-там и невдомек, что такие рохли самые опасные, особенно если им кажется, что их не уважают так, как они заслуживают. Но знать такие вещи – не ее дело, а наше. Что еще?

Стив покачал головой:

– Да ничего вроде.

Бреслин вздернул брови.

– Это все, что вам поведала лучшая подруга? А что с другими бойфрендами? Недовольные бывшие ухажеры? Ревнивые женщины? Враги на работе?

– Ничего, – сказала я.

– Да ладно вам, ребята. Девочки любят поговорить. Разве не так? Конвей? Я даже думать не хочу, что рассказывает моя миссус своим подружкам за бокалом шардоне. Жертва наверняка выкладывала вашей Люси куда более сочные подробности.

– Люси говорит, что они не были так уж близки. Эта дружба тянулась с детства, когда они проводили время вместе, потому что у Ашлин не было никаких друзей, а так у них

мало общего, и душу друг другу они не изливали.

Бреслин слегка отодвинулся от стекла и, пощипывая нижнюю губу, обдумал информацию.

– Вам не кажется, что она придержала что-то?

Мы со Стивом обменялись невыразительными взглядами, и Стив покачал головой.

– Не похоже.

– Люси не слабоумная, – добавила я. – Она знает, что обязана выложить нам все, что ей известно. Единственное, в чем я сомневаюсь... – Я замолчала, после паузы добавила:

– Да нет, пустяки.

– Эй, Конвей, поделись с аудиторией. Не волнуйся. Ты не будешь выглядеть глупо. Мы все тут пальцем в небо тычем.

Как же, мудила.

– Ладно... Я вот думаю. А что, если Люси сама запала на Рори. Она все повторяла, какой он чудесный и замечательный. То есть, может, так оно и есть, но если бы мою подружку только что убили, то хоть червячок сомнения насчет нового кавалера во мне бы шевельнулся.

– Хм, – пробормотал Бреслин. – А у самой Люси есть алиби на прошлый вечер?

– Да. Она работает в театре «Фонарь». Была там начиная с шести тридцати вечера аж до четырех утра. И все время на глазах у людей. Мы проверим, но, как я и сказала, с головой у нее порядок. Она бы не подкинула нам алиби, которое легко опровергнуть.

– Ладно. Тогда прощупаем ее связи с нашим приятелем – на случай, если она сыграла роль мотива. Но пока мы ничего конкретного не обнаружили, я не очень понимаю, как ее гипотетическая влюбленность может иметь какое-то отношение к делу. А вы?

Мы со Стивом снова очень сдержанно и скромно качнули головами.

– Но это весьма интересное направление мысли. Что-нибудь еще?

– Да вроде бы все, – ответила я.

– Ладно, – сказал Бреслин, едва удерживаясь от тяжелого вздоха. – Думаю, ваша прогулка все же того стоила. Ценна любая информация. Теперь предлагаю всем приподнять задницы и на повышенных передачах заняться настоящим делом. Как вам такой план?

– Отличный план, – сказала я. И это была суцая правда. Еще десять секунд всей этой мутотени – и я бы засадила ему по почкам. – Я веду допрос, детектив Бреслин помогает мне, детектив Моран наблюдает, готовый сменить меня, если я решу, что нам нужно немного перетасовать колоду.

Стив кивнул. Бреслин одернул манжеты.

– Иди к папочке, – сказал он одностороннему зеркалу.

– Это только предварительный допрос, – напомнила я. – Мне не нужно признание. Мы начнем давить на него после того, как получим результаты экспертизы, аутопсии и всего остального, что сможем ему предъявить. Мы со Стивом уже

немного в этом покопались и знаем, с чем имеем дело. Сейчас я хочу получить общую картину. Что из себя представляет Рори. Какие это были отношения. Какой он видел Ашлин. Его версия произошедшего вчера вечером. Мне нужны его пальто и перчатки. Эксперты нашли волокна шерсти на теле покойной, и они говорят, что наш парень, по-видимому, был в непромокаемых перчатках, а Рори пришел сюда именно в таких. А если нам удастся убедить его передать нам перчатки на экспертизу без всей этой возни с ордерами, я буду очень довольным клиентом. В идеальном мире я бы попросила, чтобы он отвел нас домой и дал возможность проверить все его пальто и перчатки, но я не хочу его сегодня напрягать, поэтому, если он не согласится, мы начнем работать над ордером. Окей?

Бреслин обдумал сказанное.

– Хм... Окей. Можно и так. Но есть другой путь. Мы можем попытаться расколоть этого слабака прямо здесь и сейчас. Я вовсе не хочу сказать, что недоволен тем, что меня приставили к вам на это дело. Наоборот, только рад помочь. Однако все остальные мои дела стоят и ждут, потому мне не хотелось бы тратить время на не бог весть какую запутанную историю о домашнем насилии. Уверен, ребята, что ваши чувства сходны с моими. Я прав?

Мои чувства в основном сводились к тому, что ему следует заткнуться и выполнять указания ведущего детектива, но я уловила признаки паники на лице Стива. От вида его

растерянной физиономии я чуть не расхохоталась, и давление пара во мне чуть-чуть ослабло.

– Значит, так, – подытожила я. – Продвигаемся не спеша, как я и обрисовала. До тех пор, пока я не решу, что нам следует усилить натиск. Обещаю, я дам знать. Согласен?

Бреслин был явно не в восторге, но пожал плечами:

– Как скажешь. Давайте только уже начнем, пока смена не закончилась.

А когда я спрыгнула со стола, добавил:

– Но сперва, детектив, стоит убрать это. Если только это не часть вашего хитроумного плана.

Бреслин слегка коснулся уголка рта. Я провела ладонью по губам, на ней остался кусочек желтка. Украшение, похоже, еще с завтрака.

– Спасибо, – сказала я, отчасти обращаясь к Бреслину, отчасти к напарнику, Соколиному Глазу.

Стив скорчил извиняющуюся гримасу.

– Первое впечатление и все такое. Если мы готовы, то давайте зажигать.

Бреслин открыл дверь и придержал ее, чтобы я могла первой покинуть комнату наблюдения, так что у нас со Стивом не было возможности перекинуться словом у него за спиной, может, особо ценных мыслей у нас и не водилось, но тем не менее... В коридоре все было привычно: обшарпанные зеленые стены, потертое ковровое покрытие – проторенная тропа, пролегающая на моей территории, которая должна при-

вести меня, целой и невредимой, к противнику, которого я взяла на мушку. Но чувствовала я себя так, будто шла по перепаханной нейтральной полосе, заминированной и уставленной капканами-костедробилками.

У каждого копа есть свой трюк для допроса. Один парень из отдела прекрасно играет в Исповедника, упирает на чувство вины и манит отпущением грехов как собачьим лакомством. Другой вжился в роль грозного Завуча, глядит из-под очков и задает вопросы строгим голосом. Мой излюбленный образ – Воительница, готовая ринуться в схватку, блистая доспехами, и отомстить миру за все зло, причиненное вам, только скажите, где оно затаилось. Обратной стороной этого образа является Злобная Сука-Мужененавистница. Она появляется, когда надо навести ужас на насильника или на кого-то, кому кажется, что он тут самый дикий. Иногда же я становлюсь Клевой Девчонкой, своей в доску, которая и пиво на круг выставит, и анекдот расскажет, с которой можно поболтать о том, о чем неудобно говорить с парнями. Стив у нас Свой Парень, с вариациями. Бреслин – Безупречный Джентльмен, с женщинами: пальто подает и галантно склоняет голову, только бы услышать каждое слово. С мужчинами он Шериф Джо, ваш лучший друг, но будить в нем зверя не стоит – ваша голова полетит первой. Мы примериваемся к цели и выбираем ту роль, в которой у нас наибольшие шансы на успех.

Рори не нужна Воительница – по крайней мере, в данный момент, – а уж от Злобной Суки он мигом в штаны напустит.

Пожалуй, Клевая Девчонка немножко снимет с него напряжение. Похоже, что и со Своим Парнем он прекрасно поладит, но его пока тут нет. Я только надеюсь, что Рори не слишком напугает Шериф Джо, а меня этот тип не доведет до такого бешенства, что я пушу все поезда под откос.

Наши отношения с Рори начались с того, что я продула десятку. Он не заплакал. Он подпрыгнул на метр в воздухе, едва Бреслин распахнул дверь, но когда я улыбнулась ему улыбкой Клевой Девчонки, ответил неким подобием улыбки.

– Привет, – сказала я, усаживаясь на стул напротив него и вытаскивая блокнот. – Я детектив Конвей, а это детектив Бреслин. Спасибо, что согласились прийти.

– Разумеется. – Рори пытался сообразить, собираемся ли мы протянуть руку для рукопожатия. Мы не собирались. – Я Рори Феллон. Для че...

– Доброе утро. – Бреслин наклонился к видеокамере. – Вы готовы побеседовать? Не слишком много вчера выпили? Знаю я вас, молодежь. Воскресное утро после субботней ночи...

– Я в полном порядке. – Голос у Рори сорвался.

Бреслин ухмыльнулся и включил запись.

– Какая жалость. Следующие выходные вам точно надо провести получше.

Я кивнула на остывший чай:

– Хотите горячего? Или, может быть, кофе?

– Нет, спасибо. Ничего не нужно.

Рори с трудом сдерживался, чтобы не вскочить со стула. Казалось, он в любую секунду готов отшвырнуть его от себя, вот только швырять было некуда.

– В чем дело?

– Не-не, – сказал Бреслин, отворачиваясь от видеокамеры, чтобы указать пальцем на Рори, – не так быстро. Мы пока не можем перейти к делу. В наши дни следует записывать каждую беседу на аудио или видео, дабы всем было спокойнее. Понимаете, о чем я?

Рори неуверенно кивнул:

– Ну да. Наверное.

– Конечно, понимаете, – добродушно заметил Бреслин. – Дайте мне секундочку, и мы сможем побеседовать по душам.

Он снова занялся видеокамерой, насвистывая что-то под нос.

– Мне нужен адвокат? – спросил Рори. – Или что-то в этом роде?

– Не знаю, – ответила я и отодвинула блокнот, демонстрируя, что готова уделить Рори все свое внимание. – Вам нужен адвокат?

– Я только... Я просто спрашиваю.

Я чуть приподняла брови:

– Но у вас есть необходимость в адвокате?

– Нет. У меня нет такой необходимости. Но разве мне не полагается адвокат?

– Парень, если ты хочешь адвоката, то он у тебя будет, –

сказал Бреслин фамильярно. – Конечно же. Выбери себе адвоката, позвони ему, и мы все вместе его подождем. Не проблема. Но я тебе прямо сейчас могу сказать, что он станет делать. Он будет сидеть рядом с тобой и каждую минуту говорить: «Вы не обязаны отвечать на этот вопрос», а ты будешь ему платить за каждую минуту, которую он здесь проведет. Я могу повторить тебе то же самое совершенно бесплатно. Ты не обязан отвечать ни на один наш вопрос. Мы первым делом это говорим каждому: «Вы не обязаны отвечать на наши вопросы, если вы не желаете этого делать, но все, что вы скажете, будет записано и может служить доказательством». Я понятно выразился? Или ты предпочитаешь выслушать все это за деньги?

– Нет. В смысле, да. Я думаю, что обойдусь без адвоката. Одной проблемой меньше.

– Конечно, обойдешься, – согласился Бреслин, включая запись. – Прекрасно. Все работает. Детективы Конвей и Бреслин опрашивают мистера Рори Феллона. Давай побеседуем.

Рори, точь-в-точь как Люси до него, спросил:

– Это насчет Ашлин?

– Эй, Рори, попридержи коней, – подняв руку, рассмеялся Бреслин. Я тоже улыбнулась. – Подожди немного. Мы еще дойдем до этого, обещаю. Мы с детективом Конвей проводим сотни таких бесед, поэтому задаем одни и те же вопросы в строго определенном порядке, иначе запутаемся и не вспомним, что и у кого спрашивали. Сделай одолжение, поз-

воль нам работать так, как мы привыкли. Хорошо?

– Да. Простите.

Плечи Рори чуть-чуть расслабились. Оказывается, он лишь один из сотен, а мы лишь пара тупых болванов, постоянно путающихся в собственных записях. Бреслин хорош. Я видела его в деле, но никогда не вела допрос на пару с ним, и, к собственному удивлению, мне сейчас было комфортно.

– Значит, проблем нет, – легко сказала я.

Бреслин опустил на стул рядом со мной, и мы заерзали, устраиваясь поудобнее, приминая наши задницы в изгибах сидений, зашелестели блокнотами, зачеркали ручками, проверяя, пишут ли.

– Ладно, – сказала я, – давайте начнем с самого начала. Что вы делали вчера? Скажем, с полудня.

Рори прерывисто набрал в грудь побольше воздуха и поправил очки на носу.

– Ну... В полдень я был в лавке, у меня свой книжный магазин «Вэйвард» в Раннелах. Как раз под моей квартирой, откуда вы – вернее, ваши коллеги – меня забрали.

– Я проходила мимо тысячу раз и все время думала: надо бы зайти, – сказала я. – Теперь-то уж зайду обязательно, а то вы, чего доброго, жалобу на меня подадите.

Мы с Бреслином немного посмеялись этой шутке. Рори натужно улыбнулся. Хороший мальчик, выдает именно то, что от него ожидаешь.

– Ну и как вчера продвигался бизнес?

– Да нормально. По субботам бывают постоянные клиенты, в основном мамы и папы приводят детей, чтобы они выбрали себе книгу. У нас очень хороший детский отдел, и если вы, ну то есть если бы у вас... я не имею в виду... – Он напряженно заморгал.

– Я приду с племянниками, – успокоила я его. Никаких племянников у меня нет. – Вы сможете подобрать им что-нибудь с динозаврами. А как бизнес вообще?

– Нормально. Ну то есть... – Рори неопределенно пожал плечами. – Книжные магазины вообще переживают нелегкие времена. У нас, по крайней мере, есть постоянные клиенты.

Значит, Рори приходится нелегко. Так, проверим, что значит его «нормально».

– Обязательно приведу племянников, чтобы поддержать вас. – Я доброжелательно улыбнулась. – Когда вы закончили работать?

– Мы закрываемся в шесть.

– А потом?

– Потом я поднялся в квартиру и принял душ. Мне надо было... эээ... у меня было... – Рори очень мило порозовел. – Я был приглашен к девушке на ужин. Домой.

– О, дааа, – протянул Бреслин, откидываясь на спинку стула. – Малыш Рори в игре. Выкладывай все дядюшке Дону. Подружка? Секс без обязательств? Любовь всей жизни?

– Она... – Розовый перетек в пунцовый. Рори провел ладонями по щекам, словно мог стереть краску. – Я даже не

уверен, могу ли назвать ее своей подружкой. У нас и было-то всего пару свиданий. Но да, я надеюсь, что из этого что-то выйдет.

Настоящее время. Не то чтобы это много значило. Он же не дурак. Я улыбнулась, радуясь очаровательной молодой любви. Рори улыбнулся мне в ответ.

– Одним словом, ты прикладываешь усилия, – продолжил Бреслин. – Скажи мне, что ты прикладываешь усилия, Рори. Потому что эта рубашка годится только для того, чтобы «Груффало» мамашам малолеток втюхивать, а чтобы проложить путь к женской, так сказать, библиотеке, она не подходит. Как ты был одет?

– Просто обычные рубашка, брюки и пуловер. Нет, вы не подумайте, у меня есть очень хорошие, а не...

Скептический взгляд Бреслина.

– Какого цвета? Как выглядят?

– Белая льняная рубашка, тонкий голубой пуловер и синие брюки... Обычно я ношу джинсы, но Ашлин... Я был уверен, что она оденется эффектно, и решил тоже приодеться.

– Хм. Ну что ж, могло быть и хуже. У тебя, сынок, хороший вкус. Стоит только захотеть. – Бреслин кивнул на пальто, висевшее на стуле: – И это пальто?

Рори неуверенно посмотрел сначала на пальто, потом на Бреслина.

– Да. Собственно, у меня нет другого пальто. Я купил его

в «Арноттс». Это не какое-нибудь... В смысле, оно ведь приличное, правда?

– Неплохо, – Бреслин критически оглядел пальто, – сойдет. Но ты же был не в этих перчатках? Нет?

Голова Рори мотнулась в сторону перчаток.

– В этих... А что? Они не подходят?

– Та-ак. – Бреслин поморщился, встал, обошел стол и поддел перчатки кончиком ручки.

Они выглядели чистыми.

– Может, я старею. Может, теперь это считается круто – ходить на свидания в перчатках, которые выглядят так, будто их одолжили у горнолыжников. Ты действительно их надел?

– Было холодно.

– И что? Чтобы выглядеть стильно, можно и пострадать, Рори. У тебя нет обычных черных? Они хотя бы внимания не привлекают.

– Я искал. Мне казалось, была пара черных кожаных, но я не знаю, куда они подевались. Нашел только эти.

Мы тоже поищем.

– Да хватит тебе доставать парня, – сказала я. – Ты же снимаешь перчатки перед дверью, правильно, Рори? Какая разница, как они выглядят?

Бреслин закатил глаза и сел на место. Рори бросил на меня взгляд, полный признательности. Мы превратили комнату для допросов во что-то очень домашнее. Даже подколы Бреслина были того сорта, что Рори привык получать еще со

школы. И это его успокаивало. Он не беспомощный младенец, как я подумала сначала из-за всех его дерганий и ерзаний. Тут все сложнее. В своей зоне комфорта Рори чувствует себя вполне уверенно. Вырви его оттуда, и он не справится.

Обычно я ношу джинсы... Ашлин была вне его зоны комфорта.

– А где Ашлин живет? – спросила я.

– В Стонибаттере.

– Удобно, – кивнула я. – Всего лишь переехать через реку – и уже там. Как вы туда добрались?

– Автобусом. Пешком дошел до Мохэмптон-роуд, дождь еще не начался, а там сел на автобус 39А до Стонибаттера. Он останавливается буквально в двух шагах от ее дома.

– Стоп-стоп-стоп. Отмотай назад. Автобус? Ты ехал на автобусе? Интересный способ произвести впечатление на женщину, Рори. У тебя что, нет машины?

Рори снова порозовел. Обожаю застенчивых.

– Есть, конечно. Я просто думал, ну, в смысле, если мы будем за ужином пить вино, мне же надо домой как-то вернуться.

– А какая у тебя машина?

– «Тойота ярис».

Бреслин фыркнул.

– И какого года?

– Две тысячи седьмого.

– Боже. – Бреслин поспешно прикрыл ухмылку блокно-

том. – Понятно, почему ты решил ехать на автобусе. Продолжай.

Рори мотнул головой и поправил сползшие на нос очки. Этот парень явно привык безропотно сносить оплеухи. Когда такие колются, они колются до самой сердцевины.

– В котором часу вы вышли из дома? – спросила я.

Рори моментально выпрямился. Ему так нравилось, когда с ним говорю я, а не Бреслин, что он был готов рассказать мне все что угодно.

– Без четверти семь.

Это было самое интересное из того, что он сказал до сих пор. Ашлин ждала его к восьми. Чтобы добраться от Ранне-лах до Стонибаттера, не нужен час с четвертью. Особенно в субботу вечером. Он бы пешком быстрее дошел.

– А когда вы сели в автобус? – спросила я.

– Почти ровно в семь. Он как раз подъехал, когда я подошел к остановке.

Во всех автобусах установлены видеокамеры. Мы сможем проверить. Я пометила это в блокноте.

– А когда вы должны были быть у Ашлин?

– В восемь, но я не хотел опаздывать. Если бы приехал слишком рано, собирался немного прогуляться.

– Брр, – я состроила соответствующую физиономию, – в такую погоду? Чем же вы занимались?

Рори заерзал на стуле, как будто что-то мешало ему устроиться на нем поудобнее. Разговор об этой нестыковке во вре-

мении явно его нервировал. Мне бы очень хотелось отпустить Рори, поставив на нем печать НЕВИНОВЕН, и заняться гангстерами Стива, но я чувствовала этот горячий, как кровь, запах: здесь что-то есть.

– Да так. Просто убедился, что не ошибся адресом, вот и все.

Я удивленно спросила:

– Но ведь вы сказали, что ее дом в двух шагах от остановки? То есть вы знали, где она живет.

Рори часто заморгал.

– Что?... Нет-нет, вы не так поняли. Ашлин объяснила, куда мне нужно идти. И я посмотрел маршрут в навигаторе. Это же просто. Я хотел, чтобы у меня был запас времени, на всякий случай.

Я выдержала скептическую паузу, но он на это не попался.

– Хорошо, – сказала я. – Так, вы сошли с 39А в Стонибаттере. И в котором часу?

– Около половины восьмого.

Значит, у него имелась куча времени, чтобы дойти до дома Ашлин, убить ее и ровно в восемь стоять перед ее дверью, изобразив безмерное удивление. Тогда становится понятна история с плитой. Рори не хотел, чтобы пожарная сигнализация сработала до его маленького спектакля со звонками, сообщениями и взволнованными метаниями вокруг дома – для тех, кто мог его увидеть. Мой нос учуял след.

Я взглянула на непроницаемое стекло и ничего в нем, ра-

зумеется, не увидела. Один взгляд на Стива, и я бы поняла, думает ли он то же самое, что и я. Но вместо Стива тут сидел Бреслин, балансировал на задних ножках стула и что-то черкал в блокноте.

Мне захотелось выбить стул из-под него.

– Вы прибыли с большим запасом времени, – сказала я. – Чем же вы занимались?

– Пошел вверх по Викинг-Гарденз. Это улица, на которой живет Ашлин. Чтобы убедиться, что правильно понял ее объяснения.

– Вы кого-нибудь видели?

– Нет. Улица была совсем пуста. Ни единой души. Я даже побоялся, что меня могут принять за грабителя или бродягу.

За его очками снова что-то промелькнуло.

– Значит, вы двинулись вверх по улице? Отыскивая дом Ашлин?

– Нет. Улица заканчивается тупиком. Я поднялся до конца и посмотрел вниз, откуда видно всю улицу. К ее дому я не торопился, не хотелось, чтобы Ашлин выглянула в окно и увидела меня у дома за полчаса до назначенного времени. Ей бы тогда пришлось пригласить меня войти, а она еще не готова, в общем, получилось бы неудобно.

Весь на нервах, но отвечает легко, без запинок, не мнетяся. Хотя это ничего не значит, не в случае этого парня – он явно из тех людей, что обдумывают все наперед, просчитывают варианты, проверяют, все ли готово, все ли идет по плану.

Если он планировал убийство, то алиби у него продумано до деталей. Вероятно, он заготовил его еще несколько дней назад. А если не планировал убийство, то наверняка думал всю ночь, сочинил убедительную историю и заучил ее наизусть. Настоящая зона комфорта этого парня находится у него в голове.

– А еще она могла бы подумать, что ты маньяк, который все свое свободное время проводит, пялясь на ее окна, – добавил Бреслин. Рори вздрогнул. – Это всегда производит дурное впечатление. И чем же ты занялся вместо этого?

– Я хотел погулять по округе до восьми, но потом вспомнил, что ничего не принес с собой.

– Ты имеешь в виду презервативы? – Бреслин расплылся в ухмылке. – Вот это, я понимаю, уверенность в себе.

Рори дернул головой и начал снова поправлять очки.

– Нет! Я имею в виду цветы. Я не хотел приходить с пустыми руками. Ашлин сказала мне не приносить вина, и я думал купить цветы в Раннелах, но забыл, был слишком сосредоточен на том, что надену, во сколько выходить из дому. Я вспомнил о цветах только на ее улице.

– Об-ла-жал-ся, – пропел Бреслин и снова принялся раскачиваться на стуле.

– Да уж. На секунду я запаниковал. Но там совсем рядом есть «Теско», на Пруссия-стрит, так что...

– Погодите, – сказала я озадаченно, – вы же говорили, что не знаете этого района.

– А я и не знаю... Что?

– Тогда откуда же вам известно, что там есть «Теско»?

Рори моргнул и уставился на меня.

– Поискал в телефоне.

Еще до того, как Бреслин успел открыть рот, я уже была уверена, что он вмешается в разговор. До сих пор мы неплохо вели наш дуэт: я спокойно беседовала, выуживая информацию, а Бреслин при каждом удобном случае привставал на цыпочки и тыкал в Рори палкой. Мне же оставалось только стоять под пиньятой и ловить падающие из нее сласти. Но эта идеальная слаженность наводила на меня тоску. Мне казалось, что Бреслин каждый раз обводит меня вокруг пальца, только я никак не могла сообразить, как именно.

– Цветы из «Теско»? – удивился Бреслин. На его лице отобразилась смесь иронии и недоумения. – Мне казалось, ты сказал, что Ашлин – девушка не того уровня.

– Сказал, да... Так оно и есть. Но в это время...

– Девушка ее уровня весь день горбатится у плиты только для того, чтобы ты заявился к ней домой с дешевым веником вялых астр? Да ладно!

– Вообще-то я не так хотел сделать. Ашлин рассказывала, что когда была маленькой, папа водил ее в Пауэрскорт, они гуляли вместе по японскому садику, любовались азалиями, он рассказывал ей о храброй принцессе Ашлин. Я хотел поискать в магазине азалии. Я думал...

– Как мило, – одобрила я. – Очень мило. Ей бы наверняка

понравилось.

– Это другое дело. – Бреслин наставил на Рори ручку. – Такие вещи могут привести к цели. Если так действовать, то можно добиться результата, если ты понимаешь, о чем я. Такой маневр может даже перевесить эту жуть, – ручка указала на перчатки. – Жаль, что ты все завалил. Готов поспорить, в «Теско» нет никаких азалий.

– Да, знаю. Но в субботу вечером все остальные места закрыты. И я решил, что даже полудохлый веник лучше, чем ничего. – Рори с беспокойством взглянул на нас, будто ожидая поддержки.

Бреслин поморщился и махнул рукой:

– Это смотря какая девушка. Если она невысокого пошиба, то да. Но эта... Неважно. Молоко уже убежало. Итак, ты направился в «Теско»?

– Да. Цветов у них почти не осталось, а те, что были, как вы и сказали, – страшные астры и хризантемы, но мне удалось в их куче найти букет вполне приличных ирисов.

– Ирисы совсем неплохо, – похвалила я. – Во сколько вы зашли в «Теско»?

– Где-то без двадцати восемь, может, без четверти.

Это легко проверить. Как и в автобусах, в магазине установлены камеры наблюдения. Не составляет труда проследить всю траекторию Рори, и я снова подумала, что маршрут выглядит слишком продуманным. Как и история с забытым букетом – уж очень она кстати. «Теско» находится в се-

ми-восемью минутами ходьбы от Викинг-Гарденз. Так что в запасе у него было минут десять.

А если Рори поторопился, а нам следует проверить, не видел ли его кто-нибудь спешащим, то это дало бы ему еще пару минут. Само убийство почти не заняло времени: две секунды на удар, еще десять – проверить, дышит ли Ашлин, пощупать пульс, еще десять – выключить плиту. В сумме меньше минуты. С таким тщательным планированием убивать можно было и дольше. При условии, что планировалось убийство. Если Рори наш парень, то он вовсе не пустоголовая тряпка. Он, конечно, нервничает, но все концы тщательно подогнаны, ухватиться не за что. Он постоянно на шаг впереди. Если решим его взять, без боя он нам не сдастся.

– Вам уже надо было поторапливаться, – сказала я. – Сколько времени вы провели в магазине?

– Да лишь несколько минут. Я спешил. Как вы верно заметили, времени оставалось совсем немного. Именно из-за таких непредвиденных обстоятельств я всегда предпочитаю приходить немного раньше.

– Логично, – согласилась я. – И потом, когда вышли из «Теско»?...

– Я заспешил обратно на Викинг-Гарденз. Пришел вовремя. Посмотрел на часы, было почти ровно восемь.

– Кто-то еще был на улице?

Рори задумался, потер кончик носа.

– Пожилой человек с собачкой. Он кивнул мне. Я не ду-

маю, что был кто-то еще.

Снова легко проверить.

– И что потом?

– Я шел по улице и смотрел на номера домов, пока не увидел дом Ашлин, номер 26. Я подошел к двери и позвонил...

Он умолк.

– А дальше?

– Она не открыла.

На этот раз его щеки вспыхнули стремительно и жарко. Я почувствовала, как за стеклом Стив вглядывается в этот румянец, уверенный в том, что он означает невиновность Рори. Я же не была в этом так уверена. Румянец мог свидетельствовать об унижении или о лжи.

– Хм, странно. И что же вы подумали?

Голова Рори поникла.

– В тот момент я решил, что Ашлин просто не услышала звонка. Звонок работал, я услышал, как он звенит в доме, подумал, что она в туалете или вышла за чем-то на задний дворик.

– И что же вы сделали?

– Подождал минуту и постучал. А потом снова позвонил. Она снова не ответила, поэтому я отправил ей сообщение, спрашивал, правильно ли я запомнил адрес. Я прождал целую вечность, но так и не получил ответа.

– Ооо, – протянул Бреслин, – это было больно.

– Я думал, может, она не услышала звука поступившего

сообщения. – Рори заметил смесь жалости и насмешки на лице Бреслина и снова опустил голову. – Так ведь бывает. Она могла возиться на кухне или что-нибудь в этом роде, а телефон оставить в другой комнате, эти телефонные сигналы бывают ужасно тихими.

– Я вечно пропускаю звонки, – согласилась я. – Сплошная головная боль. И вы попытались снова?

– Да, но только уже позвонил. Это ведь маленький одноэтажный коттедж, я был уверен, что она услышит звонок. Но она не ответила. – Рори поднял голову, уловил сухую усмешку Бреслина и весь сжался. – Я попытался еще раз, даже приложил ухо к двери, чтобы проверить, слышны ли звонки в доме, я уже сомневался, дома ли она вообще... И ничего не услышал.

Мы все проверим.

– Как вы думаете, что произошло?

– Я не знаю. Я думал, может... – Рори говорил почти шепотом.

– Говори громче, – велел Бреслин, – запись же.

Рори чуть-чуть подбавил громкости, но на нас так и не смотрел.

– Пару недель назад Ашлин в последнюю минуту отменила свидание. Она так и не объяснила причины. Просто сказала, что у нее срочное дело. С ней вообще сложно было договариваться о встречах. Я предлагал день, а она не могла, или сначала могла, а потом у нее возникали проблемы. Ино-

гда не отвечала на телефонные звонки. Я не знаю, была ли это манипуляция с ее стороны. Ашлин не похожа на человека, который стал бы таким заниматься, но я знаю ее не достаточно хорошо, чтобы сказать определенно. А может, в ее жизни действительно есть что-то, о чем она не готова мне рассказать, вроде матери, страдающей деменцией или алкоголизмом, которой требуется уход.

И ни слова о возможной двойной игре, хотя о таком повороте он просто не мог не подумать. Возможно, он просто боится новых насмешек Бреслина, но это слишком любопытно, чтобы не привлечь внимание.

– Словом, я решил, что это продолжение той же истории. Но я не знаю, в чем ее суть.

– Так ты и стоял со своими прелестными ирисами из «Теско», – сказал Бреслин с почти откровенной издевкой. – Весь такой готовый ринуться в бой.

Голова Рори опустилась еще ниже.

Я произнесла мягко, с симпатией:

– Вы волновались? Что с Ашлин что-то случилось?

Рори с благодарностью поднял на меня взгляд.

– Да. Немного. Поэтому я и спросил, связано ли это с ней, когда вы пришли. Я боялся, что у нее, например, в душе закружилась голова и она поскользнулась, или она так разболелась, что даже не может поднять трубку. Может, то, о чем она мне не говорила, это какая-то болезнь, эпилепсия или... Но я не знал, что мне с этим делать. Не мог же я позвонить в

999 и сказать, что тут экстренный случай, девушка не открывает дверь парню, которого она знает всего несколько недель. Они бы рассмеялись и посоветовали мне искать себе другую подружку. Даже я понимал, что это наиболее вероятное объяснение. Просто я навоображал себе невесть что, хотя и догадывался, что, наверное... С Ашлин все в порядке?

Он был очень далеко от зоны комфорта, весь тряся, как припадочный. Или он хотел, чтобы мы думали, что он и в самом деле припадочный псих.

– И что же вы сделали? – спросила я.

– В одном из окон была щель между шторами, я увидел свет и попытался заглянуть. Я боялся, что соседи увидят меня и вызовут полицию, но в телефоне было ведь сообщение от Ашлин с приглашением, вот я и решил, что, может, вызвать полицию – не такая уж плохая идея, потому что тогда, по крайней мере, они смогут проверить, все ли в порядке...

Похоже, этот парень и сэндвич себе не закажет, не продумав во всех деталях возможные последствия употребления майонеза.

– И что же вы увидели?

Рори покачал головой:

– Ничего. Щелочка была совсем узкая, да еще под таким углом, что я мог видеть лишь торшер и кусочек дивана. Торшер горел. И я не хотел торчать у окна слишком долго.

– Вы заметили какое-нибудь движение? Тень? Признак того, что в доме кто-то есть?

– Нет. Ничего. Тени немножко дрожали, но не так, как если бы кто-то там двигался. Скорее это было похоже на отсветы огня в камине.

А камин там горел. Я записала – проверить, можно ли видеть отблески огня сквозь щель в портьерах. Если Рори наш клиент, то он прекрасно владеет собой. Большинство допрашиваемых не устояло бы перед соблазном добавить в картину таинственного злоумышленника.

– И что же вы делали дальше?

– Снова отправил сообщение, на тот случай, если я перепутал дату или... – Бреслин фыркнул, и Рори вздрогнул. – Я же сказал – на случай. Разумеется, я сознавал, что меня, похоже, просто одурачили. Говорю же, я понимал это. Просто если возникла какая-то путаница. И если в этом случае я бы просто разозлился, ушел и стер бы ее номер из телефона, то вдруг мы упустили бы что-то настоящее. Я не хотел так рисковать, лучше уж выставить себя придурком.

– По-видимому, твое желание исполнилось, – сказал Бреслин. – Следовало уйти, как только ты понял, что она не откроет. Если захочет исправить ситуацию, пусть сама этим занимается. Их надо держать в черном теле.

– Это не в моих правилах.

– Он просто порядочный человек, Бреслин. Что в этом плохого? Рори, когда она не ответила на последнее сообщение, что вы сделали?

Рори сказал уже спокойнее:

– Я сдался. Была уже половина девятого, я замерз, начал накрапывать дождь, и продолжать торчать там было просто глупо. И я ушел.

– Наверное, взбесился, – заметил Бреслин. – Ты выбрался из дома в поганую погоду, потащился на другую сторону реки, бегал по «Теско», а она даже не потрудилась открыть тебе дверь. Я бы просто взорвался от злости.

– Да нет. Я скорее... расстроился. Ну, немного раздосадован был, конечно, но...

– Еще бы не раздосадован. Ты бил кулаками в дверь? Кричал? Помни, мы поговорим с соседями.

– Нет. Ничего такого я не делал. – Рори отвернулся, словно то, что он не ломился в дверь Ашлин, говорило не в его пользу. – Я просто пошел домой.

– Все правильно, – сказала я. – Некоторые парни подняли бы кипеж прямо на глазах у соседей. Не самый лучший способ произвести впечатление на девушку. Вы вернулись на автобусную остановку?

– Нет, пошел пешком. Не хотелось ждать автобуса, да и видеть никого не хотелось. Я просто шел.

А это значит, что ни водитель автобуса, ни пассажиры не смогут сказать нам, выглядел ли он потрясенным или на взводе, а может, его перчатки были все в крови.

Я озабоченно шевельнула бровями.

– Господи, я бы не решилась на такую прогулку. По мосту, субботним вечером, под дождем, да еще с риском нарваться

на пьяных кретинов. Никто к вам не прицепился?

Рори изобразил пожатие плечами, ему так хотелось закрыться от нас в своей коробочке.

– Если бы и прицепился, я бы, наверное, даже внимания не обратил. Один парень что-то бросил мне вслед на Аунгер-стрит, но я едва заметил, не уверен даже, что он говорил на английском. Мне было... – Его снова передернуло. – Мне было все равно.

– А что вы сделали с цветами?

– Выкинул.

Внезапно все вчерашние события прорвались в его голосе – вся горечь поражения и вся невыразимая печаль. Так или иначе, потеря Ашлин больно ударила по нему.

– Сначала я совсем забыл о букете, а когда вспомнил, поспешил избавиться от него. Сперва хотел найти кого-нибудь, кому можно его отдать, вместо того чтобы просто выкинуть, но у меня не хватило энергии. Я просто засунул его в урну.

– В урну где?

– На каком-то пирсе. Да. Я же все это время шел, и цветы сообщали всем и каждому, что меня одурачили. Правда, мило? – Вопрос был адресован Бреслину.

– Я бы поступила точно так же.

Я незаметно подмигнула в одностороннее стекло. Стив должен послать пару практикантов проверить урны на пирсах, пока их не опорожнили. На этом букете могли остаться следы крови.

– Вот только я бы по пути домой пропустила где-нибудь стаканчик. А вы как?

– Нет. Я просто хотел добраться домой. – Рори растер щеки и подбородок, напряжение начинало сказываться. – Вы можете мне сказать, что происходит?

– И когда вы пришли домой? – спросила я.

– Точно не скажу. Около половины десятого. Я не смотрел на часы.

– И кому ты позвонил? – подал голос Бреслин.

– Не понял.

– Когда вернулся домой. Кому ты позвонил поплакаться о великом свидании, которое смылось в унитаз? Лучшему другу? Родному брату?

– Никому.

Бреслин театрально вытаращился.

– Ты шутишь. Рори, только не говори мне, что тебе некому звонить. Потому что каждый мужик тоже испытал что-то такое. И если ты и вправду вернулся домой после такого фиаско и у тебя нет человека, которому можно позвонить и как следует понять о несправедливости мироздания и женщин... это самое печальное признание, которое я слышал за последние недели. Или месяцы.

– Никому я не звонил. Просто сделал себе бутерброд, потому что, по понятным причинам, остался без ужина, уселся у окна и стал смотреть на улицу. Я чувствовал себя самым большим дураком в мире, представлял самые нелепые

варианты, как все образуется, и мечтал стать человеком, который способен со всем этим справиться, просто напившись в дым, подравшись или переспав с какой-нибудь случайной подружкой.

Унижение, прозвучавшее в его голосе, будто повисло в воздухе. Это нам на руку – если мы сможем вывести его из равновесия, то только через унижение. Кто знает, может, именно это и проделала Ашлин, унизила его. Например, ему стало известно, что она спит с кем-то другим, и все, крышу у парня сорвало.

– В полночь, так и не дождавшись от Ашлин ни звонка, ни сообщения, я отправился спать. Последнее, чего мне хотелось, так это позвонить кому-то из друзей и поделиться с ним этой историей. Ясно вам?

Бреслин еще какое-то время не сводил с него недоверчивого взгляда. Рори смотрел в сторону, теребил манжеты рубашки и молчал. Он поведал нам славную историю, которую легко проверить, – он же должен понимать, что мы пробьем его телефон. И если он с кем-то разговаривал, то проделал так, что мы не сможем отследить – по его мнению. Может, кто-то из друзей живет по дороге и Рори заглянул, направляясь домой? Но развивать эту мысль я не стала.

– Исключительно чтобы не оставалось сомнений, – сказала я. – Вы можете подтвердить, что встречались именно с этой женщиной? Что именно к ней домой вы направлялись вчера вечером?

Я вытащила из папки фотографию Ашлин и перебросила ее через стол к Рори. Он взглянул, его глаза расширились, и он забыл о всяком унижении.

– Откуда у вас эта... Зачем... Как она... Что...

– Как вам сказал детектив Бреслин, – проговорила я доброжелательно, но твердо, – мы все должны делать по порядку. Это та женщина, в дом которой вы шли вчера вечером?

На секунду мне показалось, что Рори вскинется и потребует объяснений, но я не перестала улыбаться и не отвела взгляда, и в конце концов он пробормотал:

– Да. Это она.

– Мистер Феллон опознал фотографию Ашлин Мюррей, – сказала я для записи.

– Дайте взглянуть. – Бреслин потянулся за фотографией. Его брови подпрыгнули, и он присвистнул. – Вот это да. Респект тебе, дружок. Отменный экземпляр.

Рори яростно уставился на Бреслина, но тот не счел нужным обратить на него внимание. Он держал фотографию в вытянутой руке и одобрительно покачивал головой.

– Она очень красива. Но не это привлекало меня в ней.

Бреслин недоверчиво глянул на Рори поверх фотографии:

– Ага. Ты был с ней только из-за ее душевных качеств.

– Да. Именно так. Она очень интересный человек, умная, ласковая, с прекрасным воображением. Внешность ни при чем, она вообще не мой тип.

Бреслин фыркнул и сказал:

– Ну как же. Да она тип любого мужика. Хочешь мне рассказать, что тебе нравятся уродины? Будь у тебя выбор, ты бы предпочел жирную волосатую троллиху с лицом как печеная картошка, а так тебе пришлось страдать с этой? Прими мои соболезнования.

Рори вспыхнул.

– Нет. Я всего лишь утверждаю, что никогда не встречался с такой... ну, с такой элегантной девушкой. Все мои предыдущие подруги выглядели куда более заурядно.

– Неудивительно. – Взгляд Бреслина пробежался по рубашке Рори. – А как же ты эту подцепил? Без обид, но давай посмотрим фактам в лицо: ты прыгнул сильно выше головы. Тебя это не смущает? Я первый, кто тебе это говорит?

– Нет. Я же сказал, она красавица.

Рори ерзал на стуле, всем своим видом выражая желание, чтобы Бреслин оставил фотографию в покое. Бреслин еще раз плотоядно посмотрел на снимок.

– Красотка. А ты... нет-нет, ты в порядке, но ты не очень похож на Брэда Питта.

– Я знаю.

– Ну и как тебе это удалось? – Бреслин помахал фотографией.

– Мы просто разговорились. В магазине, на презентации книги, в декабре. Вот и все.

– Ага. – Бреслин снова окинул его скептическим взглядом. – Расскажи мне о своем методе. Я серьезно. Буду бла-

годарен за совет.

Рори начал выходить из себя. Выпрямился и в упор уставился на Бреслина.

– Нет у меня никакого метода. Мы просто разговаривали. Я даже не думал, что это может вылиться во что-то большее. Я совершенно точно знаю, что достаточно посмотреть на Ашлин и на меня – и можно смело делать ставку, что вместе нам не бывать. Я и сам так думал. Я и заговорил-то с ней только потому, что она бродила одна по детской секции, а поскольку это мой магазин, я чувствую себя обязанным как-то развлекать гостей.

– А потом, – сказала я, – вы влюбились.

Я улыбнулась ему, и он улыбнулся мне в ответ, прежде чем успел что-то сообразить.

– Да. Мы действительно влюбились. Вернее, я так думал.

– О чем же вы беседовали?

– В основном о книгах. Ашлин перелистывала сборник сказок Джорджа Макдональда. Я очень любил эту книгу в детстве, сказал ей об этом, а она ответила, что тоже очень ее любит, выяснилось, что у нас даже издание было одно и то же. А после этого мы просто... Нам обоим нравится магический реализм, переработки известных сюжетов. Ашлин очень любит «Бескрайние Саргассы», а я посоветовал ей прочитать «Американские привидения и чудеса Старого Мира». Она рассказала мне, как в четырнадцать лет была так огорчена концовкой «Маленьких женщин», что про-

сто переписала ее и заставила Джозефину выйти замуж за Лори. Она вклеила эти страницы в книгу и, когда перечитывала ее, притворялась, что это и есть настоящая концовка. Она так забавно рассказывала, как злилась на Луизу Мэй Олкотт, пока не нашла решения... Мы ужасно смеялись. – Рори невольно улыбнулся. – Она болтала со мной, будто я был ее лучшим другом.

Я знала, что мы с Бреслином просто выполняем свою работу, понимала, что в голове Рори сейчас алгоритм просчитывает сценарии, при которых строптивость может привести его в камеру, набитую героями сериала «Тюрьма Оз», и все же... К этому времени ему уже полагалось на стену лезть и требовать ответов, а не сидеть здесь и разливать соловьем. Сговорчивый тип, сказали о нем практиканты, но это было куда больше обычной сговорчивости. Ничем не возмущаются только те, кому есть что скрывать.

Мне хотелось встретиться взглядом со Стивом. Но видеть я могла только стекло.

– Итак, вы обменялись номерами телефонов, – подсказала я. – И что дальше?

– Мы немного попереписывались, а потом пару раз сходили выпить в бар «Маркет». И оба раза было замечательно. Мне казалось, будто я снова глупый подросток, я чувствовал, что со мной творится настоящее чудо. Мы никак не могли наговориться. Мы никак не могли насмеяться. Мы приходили в бар к восьми, а уходили только после того, как нас про-

гоняли.

– Похоже на свидания мечты.

Рори вскинул ладони.

– Мне тоже так казалось. Ашлин... Она говорила мне, что раньше была неприметной, она использовала именно это слово – неприметная, и каждый раз, когда с ней заговаривает парень, она думает только о том, что пару лет назад он бы ее и не заметил, и ей никак не удастся преодолеть в себе этот барьер, она не может уважать того, о ком так думает. Она повторяла, что со мной чувствует себя совсем иначе, уверена, что если бы я встретил ее раньше, то разговаривал бы с ней точно так же, как сейчас. И это правда, но она ее поражала. Вы понимаете, о чем я? Мы оба были поражены. Не только я один.

Это было не похоже на игры в «правила», которые я себе представляла. Ашлин снова взялась за свое: набрасывала покров из тумана на все, что я успела выяснить о ней до того. Или она вешала Рори лапшу на уши, или Рори вешает лапшу на уши нам.

– А в конце вечера? – спросил Бреслин.

– Я посадил ее в такси.

– Да ладно, Рори. Ты же понимаешь, о чем я. Успел сорвать поцелуй?

Рори надменно вскинул голову.

– Вам-то что за дело?

В нем вдруг откуда ни возьмись возникло достоинство,

правда, его не хватало, чтобы послать нас к черту.

Бреслин хихикнул, уткнувшись в блокнот.

– Даже не целовались. И ты называешь это свиданием мечты?

– Мы поцеловались! Вы довольны?

– Ааа, поцеловались. Как мило.

– Да. Мы просто поцеловались.

Бреслин ухмыльнулся, а я спросила:

– А после того вечера?

– Мы переписывались. Я пригласил ее на ужин. Как я вам уже сказал, договориться с ней о встрече было делом нелегким, но все уладилось. Мы пошли в «Пестик».

– Достойно, – кивнул Бресли.

Даже я слышала о «Пестике», хотя и не прочь навсегда забыть об услышанном.

– Вы что, почку продали?

Тень улыбки скользнула по губам Рори.

– Мне казалось, что Ашлин там понравится. Я даже не думал, что это такое супермодное место. Я выбрал его, потому что там есть зимний сад на крыше, и мы могли смотреть на город и болтать о всякой всячине – например, о людях, что идут внизу, кто они и как живут. Теперь-то я понимаю, что все делал неправильно. Я вел себя в точности как те, другие парни, судил о ней по внешнему виду. Вы думаете, – он посмотрел на меня, и его глаза внезапно расширились, – вы думаете, поэтому она...

– У меня недостаточно информации, чтобы ответить, – сказала я. – На ваш взгляд, ей там понравилось?

– Да. То есть... – Тень упала на лицо Рори. – Да, ей было хорошо. По-настоящему хорошо. Но меня не оставляло ощущение, что ее что-то тревожит, она была напряжена. Вот вроде бы все чудесно, мы болтаем, смеемся, и вдруг Ашлин будто вся сжимается и затихает. И приходится начинать все заново, нащупывать интересную тему. Во время того ужина мне впервые и пришла в голову мысль, что Ашлин от меня что-то скрывает, про семью, например, или...

– Или, – подхватил Бреслин, – может, она уже тогда сообщила, что не так уж и влюблена в тебя. И каждый раз, когда тебе казалось, что все на мази, она начинала волноваться по той причине, что она-то считала это свидание адовой мукой, но не знала, как это до тебя донести.

Это замечание наконец-то вывело Рори из себя.

– Это не была адова мука! Если бы это было так, я бы сказал вам! – Бреслин открыл рот, но Рори уже почти кричал, и откуда что взялось. – Я был там, и я не обманываю себя. Большую часть времени нам было чудесно.

– Как скажешь. – Бреслин скривил губы. – И чем закончился тот вечер?

– Мы снова поцеловались. Вас ведь это интересует?

Передние ножки стула Бреслина с грохотом опустились на пол.

– Поцеловались? И она не пригласила тебя зайти к ней?

Ты почку заложил, чтобы повести ее в «Пестик», а все, что получил, – поцелуй под фонарем, как какой-нибудь прыщавый недоросль? Если ты так представляешь себе удачное свидание...

– Через два дня она пригласила меня к себе домой на ужин! Можете проверить в моем телефоне. Она мне прислала сообщение. Сделала бы она это, если наше свидание было для нее адовой мукой?

Бреслин сально ухмыльнулся, он явно наслаждался. Как и я. Мы крепко вцепились в Рори, мы знали, как его обработать, уж теперь-то он весь наш, можем дергать его как угодно, сплетать в какие угодно узлы, отныне он наш живой йойо. Но я не хотела пока дергать слишком сильно. Кинув на Бреслина предупреждающий взгляд, я сказала:

– И ужин должен был состояться вчера.

– Да.

У Рори будто сломался позвоночник, его минутка славы миновала.

– Она сначала пригласила на прошлую неделю, но в последний момент что-то у нее стряслось, и мы перенесли на вчерашний вечер.

Бреслин заглянул в блокнот:

– Ты сообщил, что до дома Ашлин доехал на автобусе – на случай, если вы будете пить, а потом тебе придется добираться домой. То есть ты не был уверен, проведешь ли ночь в квартире Ашлин. Верно?

Рори снова залился краской.

– Естественно. Поэтому я и не приехал на машине. Я не хотел дать понять Ашлин, что считаю себя приглашенным остаться на ночь. Или что я давлю на нее.

Я восхищалась способностью этого парня вставать каждое утро с постели и не впадать в панику при мысли, что он может поскользнуться на кафеле в ванной и упасть лицом на торчащую зубную щетку, а это, в свою очередь, приведет к хроническому тикю лицевого нерва, который помешает ему взять на себя управление самолетом, пилота которого хватил инфаркт, и только Рори может спасти сотни пассажиров от неминуемой гибели.

Обычно я только закатываю глаза, когда встречаю таких зануд, но сейчас это его свойство сыграет нам на руку, если мы решим надавить. Вся эта если-вдруг-чушь – для слабаков, для тех, у кого не хватает сил развернуть ситуацию нужным образом, вот они и витают в мечтах, вместо того чтобы контролировать реальность. И от того делаются еще слабее. Каждый такой «если-вдруг» – подарок для тех, кто хочет им управлять, то есть для всех остальных, в том числе и для нас. Если парень накрепко привязан к реальности, это значит, что добраться до него можно только через реальность. Но если парень позволяет своему воображению сооружать башни из сказок, то каждая из них может оказаться дверью, которую нам удастся взломать.

– Но ты ведь надеялся, что вчерашний вечер может стать

Тем Самым вечером? – спросил Бреслин.

– Нет, я не строю планов.

– Да ладно тебе, Рори, не трахай мне мозги. Это ваше третье свидание, так? В предыдущее ты выложил целое состояние. Любой нормальный парень на твоём месте ожидал бы...

– Я ничего не ожидал. То, сколько я заплатил в ресторане, не имело никакого отношения к Ашлин, ни капельки.

Когда Рори злится, он становится ужасно смешным, этакий маленький пушистый боевой хомячок.

– Ладно, зайдем с другого бока. Ты прихватил с собой презервативы?

– Я не понимаю, как связаны...

– Рори, поздновато для стыдливости. Здесь все взрослые. Когда вчера ты постучал в дверь Ашлин, у тебя в кармане были презервативы, да или нет?

После секундного размышления Рори ответил:

– Да. Они лежали у меня в кармане пальто. На всякий случай.

– Теперь мне ясны приоритеты, – радостно ухмыльнулся Бреслин. – Ты можешь забыть купить цветы, но резинки? Резинки – никогда.

– Нет, Бреслин, это нам ясно, что ты старпер, – нежно сказала я и ухмыльнулась даже еще радостнее, – ваше поколение не очень-то задумывалось о безопасном сексе. А наши с Рори ровесники из дому не выходят без двух-трех упаковок на тот случай, если удача улыбнется.

Бреслин одарил меня сердитым взглядом, лишь отчасти деланым.

– Я права, Рори? Они ведь и сейчас у тебя в кармане?

Если они при нем, значит, пальто, в котором он пришел, то самое, в котором он был накануне вечером. Но Рори покачал головой:

– Я выложил их. Когда вернулся домой и снял пальто, оставил их в кармане, а потом... – Его дыхание сбилось. – Я решил, что должен осознать и принять: этого никогда не произойдет. Как вы и сказали, – он смотрел на Бреслина, – я решил, что единственная причина, по которой Ашлин согласилась встречаться со мной, это розыгрыш, и пока я стучал, звонил и писал как идиот, она пряталась за дверью с друзьями и давилась от хохота над растяпой, который осмелился предположить, что у него с ней может что-то выйти.

Эмоции были неподдельные, они захлестнули его целиком – вот-вот схватят за загривок и шмякнут мордой об стену. Но история от этого не становилась правдивее, унижение могло накрыть его и раньше – когда он заявился к Ашлин и получил совсем не тот прием, какого ожидал. Или еще раньше – когда она сообщила ему, что у нее есть еще кто-то, или когда они вышли из «Пестика», а она не пригласила его к себе, и он решил ей отплатить.

Рори все продолжал говорить:

– Я запустил упаковкой презервативов через всю квартиру, я чувствовал себя нелепым, отталкивающим, ничтожным

и... Они валяются где-то в гостиной, надеюсь, что пропали навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.